

А.К. ПОКРЫТАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛИЗМА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
И
РАЗВИТИЕ

ЭКОНОМИКА

А.К.ПОКРЫТАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛИЗМА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
И
РАЗВИТИЕ

КОНТРОЛЬ
ЭКЗЕМПЛЯР

МОСКВА ЭКОНОМИКА 1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКОНОМИКА
МОСКВА

Рецензенты:

д-р экон. наук **И. И. СТОЛЯРОВ**
д-р экон. наук **А. И. ЮДКИН**

477163 ✓

Ученский институт веро
хозяйства
БИБЛИОТЕКА

П 0603010200—150
011(01)—85 10—85

© Издательство «Экономика», 1985

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Необходимость более тесной связи политической экономии социализма с практикой хозяйственного строительства определяется решением актуальных задач экономического развития страны. Речь идет о том, чтобы превратить систему политико-экономических знаний в средство познания и преобразования общественных отношений в процессе совершенствования развитого социализма, т. е. в непосредственную производительную силу социалистического общества.

Такая постановка вопроса органически вытекает из самой природы политической экономии, из объективных функций, которые она выполняет.

Возникновение политической экономии как самостоятельной области знаний было объективно обусловлено потребностями развития социальной действительности. Уже в период своего формирования она являлась важным теоретическим орудием познания и изменения общественных отношений классом буржуазии, средством утверждения капиталистического общества, которое шло на смену феодальному.

Формирование пролетариата как особого класса предопределило необходимость политической экономии рабочего класса, как его теоретического оружия. Эта задача была решена основоположниками научного социализма К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они в значительной мере продвинули решение данной задачи, которую сформулировал сам К. Маркс в одиннадцатом тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹.

Марксистская политическая экономия помогла рабочему классу не только познать действительность, но и приступить к революционному обновлению мира на началах коммунизма. В наши дни этот процесс приобрел всемирно-историческое масштабы. Следовательно, уже с момента своего утверждения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 4.

марксистская политическая экономия стала мощным средством решения практических задач, выражающих жизненные интересы трудящихся.

Экономическая теория, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, была всесторонне развита В. И. Лениным, теоретическая деятельность которого также носила ярко выраженную практическую направленность. Важнейшие социально-экономические и политические задачи, которые возникли перед русским и мировым революционным движением рабочего класса в конце XIX и начале XX в., решались В. И. Лениным на прочном теоретическом фундаменте экономического учения К. Маркса. Достаточно вспомнить такие эпохальные работы В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907», «Империализм как высшая стадия капитализма», «Очередные задачи Советской власти», «О продовольственном налоге» и другие. Огромно практическое значение политической экономии в условиях развитого социалистического общества. Наряду с практической функцией политическая экономия выполняет и другие функции — мировоззренческую, методологическую, идеологическую. Но все они по существу подчинены главной ее функции — практической. При этом необходимо правильно понимать практику не в узко утилитарном, прагматическом значении, не как текущий опыт приспособления к закономерностям природы и социального развития, а как всю совокупность предметной деятельности человечества по овладению, подчинению и преобразованию природной и социальной материи, рассматриваемую в широком историческом плане.

Определяющее значение практической функции политической экономии обусловлено характером ее предмета, в качестве которого, как известно, выступают производственные отношения общества. Они образуют внутреннюю структуру общественных отношений, их изначальную объективную, материальную основу.

Общество представляет собой часть природы. Именно поэтому его функционирование основывается на необходимости систематического обмена веществ между ним и природной средой. Но общество не просто часть природы, а особая ее часть. Инициатива связи между обществом и природой принадлежит первому, а потому и основные параметры обмена веществ между обществом и природой определяются обществом, поскольку оно в конечном счете является объективным результатом этого обмена. Следовательно, для того чтобы управлять этим обменом, недостаточно знать только законы природы, необходимо еще и знать законы самого общества, и прежде всего экономический закон его движения. Эти законы определяют как функционирование и развитие общества, так и характер и направление развития тех средств, которые обеспечивают связь общества с природой. Связь эта также находится

под определяющим воздействием экономического закона движения общества.

Социалистическое общество может нормально функционировать и развиваться лишь планомерно, на основе использования экономических законов социализма. Познание природы, характера и механизмов действия этих законов выступает как составной элемент практической деятельности социалистического общества. Именно поэтому Коммунистическая партия на всех этапах социалистического строительства придавала и придает первостепенное значение необходимости всестороннего совершенствования политической экономии социализма. Разработка системы политико-экономических знаний особенно важна на этапе развитого социализма, когда решаются крупномасштабные задачи совершенствования социалистических общественных отношений.

Особенность нынешнего этапа развития общества заключается в том, что ускорение социально-экономического развития страны неизбежно предполагает совершенствование всех сторон жизни общества. Как указывалось на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, «это — совершенствование общественных отношений, и в первую очередь экономических»¹.

Рождение, становление и утверждение коммунистического способа производства — это не только длительный, но и весьма сложный процесс, связанный с разрешением глубоких социальных противоречий и конфликтов. И было бы в высшей степени наивно полагать, что он может быть свободным от недостатков, просчетов, ошибок, отступлений, неудач и даже временных поражений.

Политическая экономия социализма как наука, которая должна освещать путь социальной практике, должна теоретически выразить суть этого процесса. И если практическое движение от капитализма к коммунизму требует от революционного класса и его политического руководства величайшего мужества и выдержки, то такие же качества требуются и от тех, кто занимается проблемами политической экономии социализма. В этой связи уместно вспомнить замечательные слова Гегеля, который писал: «Мужественное стремление к истине, вера в мощь духа есть первое условие философского исследования, человек должен чтить себя и считать себя способным достичь вершины. Нет такой силы в скрытой сущности вселенной, которая могла бы оказать сопротивление мужеству познания; она должна раскрыться перед ним, обнаружив свои деяния, глубины и свое богатство, дав воспользоваться ими»².

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года. М.: Политиздат, 1985, с. 7

² Гегель Г. Ф. Собр. соч. Т. IX. М.: Партиздат, 1932, с. 5.

Познание «тайн» социалистического переустройства общественных отношений, наиболее глубокого из всех социальных перемен, которые когда-либо имели место в истории, — задача не менее сложная, чем познание скрытой сущности вселенной. Она должна решаться со всей серьезностью, настойчивостью и целеустремленностью научного поиска. Познание новых истин, способствующих развитию и обогащению науки и приносящих непосредственную пользу практическому движению на путях социалистического переустройства общества, должно стать главным содержанием исследований в области политической экономии социализма.

В условиях коммунистического способа производства познание и использование экономических законов позволяют обеспечить сознательный контроль общества за своим собственным процессом производства в целом. Этим и определяется содержание практической функции политической экономии. Исследуя закономерности функционирования и развития производственных отношений, политическая экономия выступает как форма не индивидуального, а родового познания и поэтому во всем своем объеме включена в практику социально-экономического развития. С этих позиций следует трактовать и содержание категорий и законов политической экономии, которые выступают как ступени практического овладения человеком мира, как рубежи преобразования им природной и социальной действительности. «Инстинктивный человек, дикарь, — писал В. И. Ленин, — не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категория суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познать ее и овладеть ею»¹.

Главной функцией политической экономии является практическая, но это отнюдь не означает, что она перестает быть областью научных знаний. Являясь органическим элементом общественной практики, политическая экономия социализма выполняет эту функцию именно как теория. Ее непосредственным результатом являются новые идеи, научные обобщения, теоретические разработки. Поэтому задача усиления практической функции политической экономии социализма означает повышение требований к системе ее теории. То обстоятельство, что политическая экономия социализма еще явно недостаточно выполняет свою практическую функцию, по сути означает недостаточно высокий уровень ее развития именно как теоретической системы знаний. Как отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, «... мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983, с. 19.

Но дело не только в том, что наши знания об экономических закономерностях социализма явно недостаточны. В последнее время наметилась тенденция к тому, чтобы не только подвергнуть сомнению истинность уже существующих знаний о социализме и закономерностях его функционирования и развития, но и пересмотреть некоторые, ставшие традиционными положения научного социализма. И речь идет отнюдь не о деталях, не о частностях, а о фундаментальных положениях теории научного социализма, таких, как учение о способе производства, характере производственных отношений и экономических законов социализма, соотношении производственных отношений социализма и отношений хозяйствования, месте и роли товарно-денежных отношений при социализме, характере социалистического труда и т. п.

Так, автор одной из работ поставил перед собой задачу обосновать новую категорию научной социологии — способ производства общественной жизни. Он прямо не отрицает значение учения о материальном способе производства, как единстве производительных сил и производственных отношений, но считает, что этого недостаточно для понимания закономерностей воспроизводства общественной структуры, рассматриваемой как целое. «Под способом производства общественной жизни (по терминологии Ф. Энгельса — «производство непосредственной жизни»), — пишет он, — понимается совокупность всех форм жизнедеятельности людей и их общественных отношений, которые направлены на производство и воспроизводство собственной жизни, а также средств к жизни и которые, будучи обусловлены определенными природными и социальными факторами, обеспечивают воспроизводство общества как целостного развивающегося социального организма»¹. При этом автор замечает, что «способ производства общественной жизни включает производство, способ производства собственной жизни, а также географическую среду»².

Итак, способ производства материальной жизни включается автором в способ производства общественной жизни наряду со способом производства собственной жизни и географической средой.

Как известно, существенным моментом материалистического понимания истории явилось выделение из всех форм человеческой деятельности материальной как главной, определяющей все остальные стороны общественной жизни, выделение из всех общественных отношений материальных как отношений, образующих структуру общества. Способ производства условий жизни выделен К. Марксом в качестве главного детерминанта социальной структуры именно для того, чтобы объяс-

¹ Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. М.: Мысль, 1982, с. 40.

² Там же.

нить движущие силы исторического процесса, определить конечную причину социальной эволюции. Что касается логической схемы цитируемого выше автора, то он (независимо от его субъективных намерений) пытается пересмотреть основной результат исторического учения К. Маркса, «закрывать» материалистическое понимание исторического процесса, идентифицировать все общественные структурные элементы, подчинить материальный способ производства способу производства общественной жизни. Значение учения К. Маркса о способе производства материальной жизни состоит совсем не в том, что оно может рассматриваться как универсальное средство для объяснения всех случаев исторического развития. Действительный исторический процесс находится под влиянием как демографических и географических, так и политических, идеологических и других факторов. Но суть дела состоит в том, чтобы отыскать конечные причины общественных перемен. Материалистическая концепция, исходящая из признания решающей роли материальной производственной деятельности в обществе, выступает прежде всего методом познания исторического процесса, т. е. дает научное объяснение ему, а кроме того, изменению закономерностей демографических явлений, взаимоотношений между обществом и географической средой. А что дает реально введение понятия «способ производства общественной жизни»? Какие его действительные функции?

Развивая свою концепцию способа производства общественной жизни, автор выделяет наряду с производительными силами и производственными отношениями материального способа производства своеобразные производительные силы и производственные отношения способа производства собственной жизни. «Подобно способу материального производства,— пишет он,— способ производства собственной жизни имеет свои присущие лишь ему своеобразные «производительные силы» и «производственные отношения», которые далее мы будем называть естественными отношениями. Для того чтобы обеспечить производство и воспроизводство человека, необходим сам человек и средства, создающие возможность его функционирования и развития.

«Производительными» или, точнее, естественными производительными силами способа производства собственной жизни выступают: а) живые человеческие индивиды с присущими им формами жизнедеятельности, направленными на производство и воспроизводство человеческой жизни; б) материальные блага или средства к жизни (пища, одежда, жилище и т. п.); в) социальные институты, с помощью которых осуществляется формирование человеческой личности, процесса поддержания и развития жизнедеятельности индивидов»¹. Приведенное высказывание тавтологично. В самом деле: если в пункт «а»

¹ Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни, с. 42.

включены «живые человеческие индивиды с присущими им формами жизнедеятельности, направленными на производство и воспроизводство человеческой жизни», то тем самым пункты «б» и «в» оказываются излишними, так как их содержание исчерпывается пунктом «а». Но цитируемое выше определение производительных сил способа производства собственной жизни оказывается совершенно неудовлетворительным в силу своей абстрактности, поскольку «живые человеческие индивиды со всеми видами их жизнедеятельности» охватывают всю совокупность общественных явлений. Далее автор отмечает: «Поскольку человек производит и воспроизводит себя и условия своей жизни не в одиночку, а в определенной системе общественных связей и отношений, то способ производства собственной жизни имеет также присущую лишь ему систему естественных отношений (своеобразных производственных отношений.— А. П.). Под совокупностью естественных отношений способа производства собственной жизни, или второго рода производства, понимаются отношения между человеческими индивидами по поводу производства и воспроизводства их жизни, а также отношения людей по поводу обеспечения их средствами существования»¹. Не останавливаясь на дальнейшем подробном рассмотрении содержания работы «Диалектика способа производства общественной жизни», необходимо заметить следующее. Марксистская теория общественного развития действительно требует дальнейшего совершенствования, обобщения новых данных, обусловленных и состоянием личного фактора, и стремительно развивающейся научно-технической революцией, и современными демографическими и экологическими процессами. Но ее совершенствование и развитие должны осуществляться на основе ее собственных исходных посылок, а не вопреки им.

Производственные отношения возникают и осуществляются в процессе непосредственной деятельности людей по производству и обмену условиями и результатами труда. Вне реальных хозяйственных актов никаких производственных отношений не существует. Отмеченное обстоятельство нередко ведет к смешению производственных отношений с отношениями непосредственного хозяйствования, их отождествлению. Однако такое смешение является ошибочным.

Во-первых, состояние и характер производственных отношений определяются только уровнем производительных сил. Что касается отношений хозяйствования, то они испытывают на себе влияние состояния не только (а в ряде случаев — не столько) производительных сил, но и географической среды, обуславливаются демографическими процессами, состоянием организационных, управленческих, политических, правовых и иных общественных отношений.

¹ Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни, с. 42.

Во-вторых, производственные отношения характеризуют внутреннюю структуру общества, его анатомию, которая остается одной и той же в пределах одной и той же формации. Напротив, отношения хозяйствования представляют собой наиболее поверхностный слой экономической деятельности общества. Они постоянно меняются под воздействием многообразных обстоятельств, и притом не только экономических.

В-третьих, производственные отношения определяют главное содержание экономического процесса, которое не зависит от общественного сознания. Отношения хозяйственной деятельности, напротив, характеризуют самую поверхностную и постоянно меняющуюся сторону общественных отношений, находящуюся в значительной степени под влиянием общественного сознания.

В-четвертых, производственные отношения представляют собой целостную систему, достигающую органического единства с присущими ей закономерностями функционирования и развития. Напротив, отношения хозяйствования вследствие присущей им структурной пестроты не имеют своей собственной системы законов. В значительной степени они находятся под воздействием кратковременных, нередко конъюнктурных факторов, носящих случайный и неопределенный характер. В составе отношений хозяйствования могут быть компоненты, общие для существенно различных типов производственных отношений.

В-пятых, производственные отношения определяют в конечном счете характер отношений хозяйствования, но не наоборот.

Поскольку производственные отношения проявляются в отношениях хозяйствования, постольку экономические категории как абстракции производственных отношений одновременно выступают и как категории отношений хозяйствования. Это обстоятельство нередко является причиной смешения тех и других. Такое смешение, как правило, приводит к серьезным теоретическим заблуждениям и практическим осложнениям.

Вступление страны в этап развитого социализма, существенное изменение стратегии экономического развития, его непосредственная ориентация на реализацию высшей цели социалистического производства и обусловленная этим настоятельная потребность повышения эффективности производства на путях его интенсификации— все это потребовало существенного совершенствования отношений хозяйствования, хозяйственного механизма. Разумеется, этап развитого социализма представляет собой более высокую степень зрелости присущих первой фазе коммунистического способа производства производственных отношений, которые воспроизводятся в экономическом процессе социалистического общества как имманентный ему результат. Отмеченное обстоятельство характеризует функционирование производственных отношений на собственной основе. Именно такого рода изменения потребовали совершенствования всего

хозяйственного механизма (посредством которого могут практически реализоваться эти изменения и закрепиться). Хозяйственный механизм призван наиболее полно и последовательно реализовать производственные отношения развитого социализма и присущие ему экономические законы. Он всецело определяется этими отношениями. Последние представляют собой тот предел, в рамках которого может проявляться эластичность хозяйственного механизма. Однако в ходе обсуждения проблемы его совершенствования некоторые экономисты и философы стали предлагать такие изменения хозяйственного механизма, которые выходят за эти границы и которые по существу противоречат фундаментальным характеристикам производственных отношений развитого социализма.

Известно, что главным агентом общественного производственного процесса в условиях социализма выступает ассоциация трудящихся (по терминологии К. Маркса — «союз свободных людей»). Производственные отношения здесь выступают как отношения членов этой ассоциации. Поэтому, если иметь в виду производственные отношения, единственным субъектом хозяйственной деятельности здесь является общество в целом, которое одновременно выступает как собственник и условий, и результатов производства, т. е. общественный агент присвоения. Здесь, следовательно, собственник средств производства и хозяйствующий субъект непосредственно совпадают.

Это несколько не противоречит тому, что в условиях социализма существует система экономических интересов, что в реальной практике хозяйствования общественные средства производства закрепляются в кругообороте отдельных хозяйственных звеньев — предприятий и объединений и т. д. Не противоречит это также хозрасчетной форме организации социалистического производства, поскольку последняя выступает в качестве конкретно-исторической особенности осуществления этого основополагающего принципа. Однако эти особенности было бы совершенно неправильно выводить за пределы указанного принципа. Между тем некоторые экономисты стремятся обосновать совершенно другой принцип, разорвать единство собственника средства производства и хозяйствующего субъекта, отношения присвоения и отношения непосредственной хозяйственной деятельности. Такой разрыв характерен для отношений частной собственности, но лишь в известных границах. Например, в капиталистическом сельском хозяйстве существует, как известно, два вида монополии на землю — как на объект частной собственности и как на объект капиталистического хозяйства. Они характеризуют присущее капиталистической системе производства отделение земли как объекта собственности от земли как объекта приложения капитала. Некоторые экономисты переносят возможность такого отделения и на социалистическое производство, распространяя его и на другие отрасли приложения труда. Такое перенесение представляется

ошибочным и противоречащим самим основам общественной организации социалистического производства.

Во-первых, даже в условиях капиталистической формы сельскохозяйственного производства, когда собственник земли сдает ее в аренду, арендатор-капиталист выступает не только в качестве хозяйствующего субъекта, но и участвует в присвоении части прибавочной стоимости в форме средней прибыли на капитал. Ведь земля для него выступает просто как объект прибыльного приложения принадлежащего ему капитала. Следовательно, и здесь нет полного разрыва между отношениями собственности и непосредственного хозяйствования.

Во-вторых, в условиях социализма предоставление отдельным предприятиям оперативно-хозяйственной самостоятельности не имеет ничего общего с арендой у государства средств производства. Закрепленные в кругообороте фондов отдельных предприятий, они функционируют как часть принадлежащих обществу средств производства. Сами предприятия со всеми принадлежащими им вещественными условиями производства являются собственностью всего общества. Кроме того, коллективы предприятий выступают совладельцами средств производства, агентами отношений общенародного присвоения.

И наконец, в-третьих, отношения хозяйствования, как уже отмечалось, выступают в качестве самого поверхностного уровня общественной структуры социализма. Поэтому присущие им особенности на каждом этапе хозяйственного строительства нельзя считать особенностями производственных отношений социалистической стадии развития. В структуре сущности социалистических производственных отношений мы имеем дело только с такими отношениями, которые генетически присущи социализму. В реальной структуре экономических отношений, представленных при социализме, присутствуют и такие элементы, которые достались от прошлого. На практике, т. е. в отношениях хозяйствования, так или иначе сказываются и эти элементы. И если в организации хозяйственного механизма не получают достаточно полной реализации производственные отношения, генетически присущие социализму, то элементы экономических форм, доставшихся социализму от прошлого, получают преимущество. Поэтому задача совершенствования хозяйственного механизма состоит в том, чтобы, не игнорируя экономические формы, унаследованные социализмом от прошлого, обеспечить их использование в условиях полной и последовательной реализации присущих социализму производственных отношений. Как отмечалось на мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, «чтобы успешнее и быстрее решить эту задачу, необходимо и далее настойчиво совершенствовать хозяйственный механизм и всю систему управления»¹.

¹ Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 года. М.: Политиздат, 1985, с. 10.

За последние четверть века в области политической экономии социализма проделана большая работа, достигнуты значительные теоретические результаты, которые успешно используются в практике. Тем не менее они явно недостаточно удовлетворяют реальные потребности жизни, многие из них носят далеко не бесспорный характер и служат предметом длительных дискуссий.

Со времени появления первого учебника по политической экономии социализма, в котором изложение системы категорий и законов начиналось с описания его материально-производственной базы, стало традицией начинать работы, посвященные системе производственных отношений социализма, характеристикой состояния производительных сил социалистического общества. И хотя в учебниках и учебных пособиях по политической экономии уже давно отказались от этой традиции, в специальной политэкономической литературе, и в частности в монографиях, она продолжает сохраняться. Аргументом в пользу такого изложения материала является обычно ссылка на известное положение исторического материализма об определяющей роли производительных сил. Положение это, безусловно, правильное, и в данном случае нет необходимости обсуждать вопросы, которые давно перестали быть предметом дискуссии. Однако все, даже самые надежные истины конкретны. Если рассматривать положение об определяющей роли производительных сил само по себе, в отрыве от других положений исторического материализма, то реальна угроза, что оно может стать всеобщей абстрактной истиной, которая будет претендовать на роль универсального средства. Ведь когда речь идет об определяющей роли производительных сил по отношению к производственным отношениям, необходимо иметь в виду и положение о том, что главным фактором развития самих производительных сил выступают производственные отношения.

Центральным звеном материалистического понимания истории является учение об общественно-экономических формациях, возникновение, развитие и смена которых осуществляется как естественноисторический процесс. Это теперь общеизвестное положение имеет решающее значение для понимания рассматриваемого здесь вопроса о производительных силах. В пределах каждой данной общественно-экономической формации определяющая роль в развитии производительных сил принадлежит производственным отношениям. Более того, на первых порах, пока происходит становление данной формации и ее материальной основы способа производства, присущие ей производственные отношения выступают в роли главного элемента производительных сил. Это особенно отчетливо прослеживается на примере функционирования первичной экономической структуры общества, когда общинная форма ее организации выступала как главная производительная сила.

Во-первых, производительные силы и производственные отношения постоянно находятся в состоянии взаимодействия. В процессе же взаимодействия не существует абсолютно первичного и абсолютно вторичного. В противном случае взаимодействие осуществляться не может.

Во-вторых, существует диалектика производительных сил и производственных отношений. Она включает их взаимопереход, в котором при определенных условиях ведущую роль играют производственные отношения.

В-третьих, сами производственные отношения выступают как производительная сила общества.

В-четвертых, производственные отношения играют роль формы по отношению к производительным силам. А форме, как известно, всегда принадлежит активная роль.

В-пятых, новые производительные силы, адекватные данному способу производства, являются не исходным пунктом его формирования, а результатом его утверждения.

Отмеченные положения в полной мере сохраняют свою силу и применительно к коммунистическому способу производства, поэтому начинать изложение системы производственных отношений социализма с характеристики производительных сил — значит начинать с козца. Это тем более верно, что коммунистический способ производства на стадии социализма еще не создает существенно нового уровня производительных сил сравнительно с капиталистическим способом производства. Кроме того, как следует из сформулированных выше положений, определение социально-экономического, а не технического уровня производительных сил предполагает характеристику производственных отношений, так как именно в них и находит свое социально-экономическое воплощение этот уровень. Вот почему К. Маркс начинал изложение системы производственных отношений капитализма с характеристики наиболее общей формы этих отношений. То обстоятельство, что всеобщей основой капиталистических производственных отношений является товарное производство, имеет для характеристики социально-экономического уровня производительных сил буржуазного общества куда более важное значение, чем описание технического состояния средств труда, предметов труда, технологических способов воздействия на них со стороны живого труда и т. п. Фундаментальное значение для выяснения вопроса об уровне развития производительных сил капиталистического общества имеет теория прибавочной стоимости. То обстоятельство, что основным производственным отношением капиталистического производства является эксплуатация наемного труда капиталом и что прибавочный труд материализуется в форме прибавочной стоимости, выступает наиболее всесторонней и глубокой социально-экономической характеристикой уровня производительных сил и достигнутого состояния производства производительности труда. Не перегружая освещение этого вопроса излишними иллюстра-

циями, подчеркнем лишь, что все категории «Капитала» выступают как ступени социально-экономической характеристики производительных сил буржуазного общества. Всякий иной способ определения их уровня по существу тождествен технологическим характеристикам производительных сил. Для определенных целей такие характеристики, разумеется, совершенно необходимы. Но в политической экономии им принадлежит явно подчиненное место подобно, например, тому, какое занимает технология приготовления красок в живописи. Мы приходим, таким образом, к выводу о том, что в политической экономии, которая исследует экономические отношения общества и соответствующие им экономические законы, характеристика уровня производительных сил не может иметь содержания, отличного от характеристики самих производственных отношений. Высказанные соображения могут являться в определенной мере ответом на вопрос, который длительное время обсуждался и продолжает обсуждаться в политической экономии социализма: следует ли включать в ее предмет производительные силы. Из сказанного выше следует, что сама постановка вопроса является неправильной, поскольку политическая экономия никогда не отказывалась и не может отказаться от характеристики экономической стороны производительных сил. Но она решает задачу средствами, вытекающими из ее собственного предмета, и в аспекте этого предмета освещает характер и уровень развития производительных сил.

Аналогичным образом обстоит дело и с вопросом об обобщении, состоянии и уровень которого стремятся описать еще до характеристики системы производственных отношений социализма. Представляется, что и в данном случае задача ставится весьма абстрактно, хотя сторонники тезиса «идти от жизни» именно в этом и видят смысл своего движения. Между тем если исходить из принципа историзма, который пронизывает все учение марксизма, то суть дела состоит совсем в другом: выявить отличительные особенности каждого данного способа производства. А это достигается единственно возможным способом — именно анализом исторически данной системы производственных отношений.

Специфическое содержание процесса и уровня обобщения раскрывается посредством выяснения характера производственных отношений, специфического для данного общества. Возьмем, например, процесс концентрации. Последняя мыслима на основе рабского труда и образования крупных латифундий в форме концентрации помещичьего землевладения, основанного на применении труда крепостных, и, наконец, в форме концентрации земельной собственности на основе эксплуатации вольнонаемного труда. Во всех этих случаях происходит образование крупных хозяйственных единиц. Однако если рассматривать вопрос в политэкономическом аспекте, то термин «крупный» является здесь далеко не однозначным. Крупное помещичье хо-

зяйство и крупное капиталистическое хозяйство вообще несопоставимы, поскольку это совершенно различные типы производства, не имеющие единого социально-экономического критерия, который может быть основой сопоставления. Нельзя, например, сравнивать помещичье хозяйство с хозяйством мелких товаропроизводителей. Последнее олицетворяет более развитый социально-экономический тип производства, поскольку это товарное хозяйство в отличие от натурального помещичьего хозяйства. Поэтому переход земли в собственность крестьян, производящих на рынок, является мерой исторически прогрессивной, хотя со стороны простого процесса труда это могло бы квалифицироваться как превращение крупной земельной собственности в мелкую.

Отмеченные обстоятельства необходимо иметь в виду, когда речь идет об уровне концентрации и централизации капиталистического производства в сравнении с социалистическим. Это также несопоставимые социально-экономические процессы. Концентрация капиталистического производства — это расширение ареала капиталистического отношения, т. е. накопление силы, противостоящей интересам подавляющего большинства нации. Иным социально-экономическим содержанием характеризуется концентрация социалистического производства — понятие не простого процесса труда, а понятие социально-экономическое. Оно предполагает единый социально-экономический критерий, обусловленный данным типом производственных отношений. Если же отвлечься от особенностей каждого данного способа производства, определяемых природой производственных отношений, то останется общее всем способам содержание, характеризующее отношение между обществом и природой, которое количественно может быть описано определенной системой показателей, таких, как техническое строение производства, нормы расхода средств производства и живого труда на единицу полезного эффекта, уровень производительности труда, степень развития специализации и др. Они могут быть базой сравнения уровня развития производства, рассматриваемого в его наиболее абстрактной форме. Такого рода показатели и осуществляемые на их основе сопоставления нельзя недооценивать. Но при этом всегда необходимо иметь в виду границы их применимости, в частности в политической экономии. Во всяком случае характеристика уровня развития общеэкономических отношений непосредственно не дает ответа на вопрос о природе и характере специфических отношений производства.

Поэтому при изложении системы производственных отношений социализма показатели, характеризующие состояние и уровень развития общеэкономических процессов, могут быть средством определения его материальных предпосылок. Но это имеет довольно ограниченное значение для понимания характера специфики исторической формы общественного производства. Дело в том, что каждая историческая форма производ-

ственных отношений решает общеэкономические задачи своими собственными средствами и в пределах, которые определены природой этой формы. Удовлетворение потребности в продуктах питания всегда предполагает их производство. Однако каким образом и какими средствами и в каких пределах решается эта задача — вопрос конкретный. И именно эта конкретность и должна исследоваться в политической экономии.

Рассмотрим в плоскости этих положений процесс социалистического обобществления на деле. Конечно, в данном процессе осуществляется и решение общеэкономических задач, в частности повышение производительности труда. Но, во-первых, дело этим далеко не ограничивается, поскольку конкретно-историческим содержанием реального социалистического обобществления производства является создание чрезвычайно сложной системы организационных отношений, обеспечивающих организацию производства и распределения продуктов для удовлетворения потребностей десятков миллионов людей. И во-вторых, обобществление производства на деле решает главным образом специфически социалистические задачи. Следовательно, дело совсем не в том, что в процессе реального социалистического обобществления решаются общеэкономические проблемы. Суть в том, какими средствами они решаются и каков социально-экономический смысл этих решений. Именно он и должен быть непосредственным объектом анализа в политической экономии социализма. Мы приходим, таким образом, к выводу, что начинать изложение системы производственных отношений социализма характеристикой состояния производительных сил или уровня обобществления никаких оснований нет. В «Капитале», являющемся образцом построения теоретических систем, изложение начинается с анализа товарного производства, которое и характеризует реальный социально-экономический уровень обобществления производства, необходимый для возникновения, функционирования и развития капитализма.

То обстоятельство, что буржуазное общество может возникнуть лишь на основе всеобщего распространения товарного производства, свидетельствует о том, что оно предполагает утверждение всеобщих экономических связей и зависимостей между различными конкретными видами общественной производственной деятельности в отличие от всех предшествующих ему способов производства с присущими им изолированностью, оторванностью, обособленностью, свойственными натуральному хозяйству. Можно утверждать, что в «Капитале» все последующие категории экономической системы капитализма являются характеристикой последовательных ступеней процесса обобществления производства капитализмом. Таким образом, ни характеристика уровней производительных сил, ни определение состояния обобществления производства не могут быть теми проблемами, которые должны или могут предшествовать изложению системы производственных отношений коммунистического спо-

477163

УДК 330.1
ЭКОНОМИКА

соба производства. Характеристика этих проблем в качестве более или менее специальных вопросов, имеющих отношение к изложению системы производственных отношений, оправдана лишь постольку, поскольку речь идет о переходном периоде от капитализма к социализму. Однако в строго научной схеме политической экономии социализма проблемы переходного периода должны относиться скорее к иллюстративным, нежели теоретическим, завершать изложение, а не предшествовать ему, хотя такой порядок расположения материала и противоречит последовательности событий эмпирической истории. Изложенные соображения имеют, по нашему мнению, более общее значение, чем те вопросы, по поводу которых они высказаны. Речь идет о том, что в общественном производстве всегда присутствуют такие компоненты, которые характеризуют простой процесс труда. При этом по мере развития общественного производства роль и значение этих компонентов не ослабевают, а скорее усиливаются. Выражением этого является тот общеизвестный факт, что количество отраслевых экономик, изучающих различные прикладные аспекты функционирования экономических отношений, постоянно возрастает.

В настоящее время система экономических знаний включает множество различных подотраслей, причем представители этих знаний — высококвалифицированные специалисты — нередко не могут найти общего языка. Явление это вполне закономерное, поскольку развитие всякой области знаний характеризуется значительной их дифференциацией. При этом, разумеется, действует и противоположный процесс интеграции. Однако он относится не перекрывает процесса дифференциации. Но по мере развертывания последнего процесса происходит удлинение цепи промежуточных звеньев, отделяющих политическую экономию, образующую общетеоретическую и методологическую основу всей совокупности экономических знаний, от их конкретных отраслевых подразделов. Следствием этого являются поиски какой-то новой общей экономической теории, отличной от политической экономии, например теории оптимального функционирования экономики. Другая форма выражения этой же тенденции — попытки представить отдельные разделы экономических знаний в качестве основы общей экономической теории. Сопутствующим этому процессу явлением выступает тенденция к ослаблению политико-экономической основы прикладных экономических исследований, которое выражается в усилении склонности к эмпиризации анализа экономических процессов. В данном случае явно забывают то бесспорное обстоятельство, что предмет исследования теоретических наук не дан в общественной практике как нечто чувственно воспринимаемое и эмпирически конкретное. Предметом исследования теоретических разделов обществоведения служат всеобщие свойства и закономерности развития общества, взятого на конкретно-исторической ступени его развития. Стремление к мнимой конкретности путем анализа

эмпирической действительности не может дать представления об этих всеобщих свойствах. В настоящее время это становится все более очевидным. Однако следует помнить и то, что эмпиризм возможен и в области теоретической и именно он-то и относится к схоластическому теоретизированию. Основной эмпиризма в любой его форме является рассмотрение индивидуальных, взятых вне объединяющих их общих свойств явлений. Поэтому сугубо эмпирическим представляется изолированное рассмотрение вопроса о месте и роли товарно-денежных отношений при социализме, исходном отношении, взятом вне основного отношения и основного закона и т. д.

Теоретический эмпиризм прямо ведет к схоластике. Отдельное явление, взятое в своей внешней форме, не может служить характеристикой экономической структуры общества. Только рассматривая явления экономической действительности как выражения всеобщих связей, конституирующих целостность данного общественно-экономического организма, можно избежать беспредметных споров, ведущих к схоластическому теоретизированию. Однако если обратиться к анализу практических результатов познавательной деятельности в области экономики, то придется констатировать наметившееся стремление к исследованию общеэкономических аспектов экономических процессов. Возьмем, например, один из центральных разделов экономической теории социализма — теорию эффективности социалистического производства. Вплоть до недавнего времени здесь безраздельно господствовали общеэкономические принципы анализа проблем эффективности. Система показателей, которая применялась для определения эффекта социалистического производства, включала почти исключительно общеэкономические показатели (такие, как национальный доход, общественный продукт, фонд потребления в национальном доходе). Или возьмем другой вопрос — материальное содержание исходного и основного производственных отношений социализма стали выражать как посредством показателя совокупного общественного продукта, так и при помощи показателя национального дохода или каких-либо других общеэкономических показателей. Вследствие этого появляются предпосылки превращения общей экономической теории социализма в науку о всеобщей организации труда, предметом которой выступает уже не общественный процесс производства, обуславливающий определенную социальную структуру общества, а простой процесс труда.

Та же тенденция находит свое выражение в том, что некоторые авторы исследование проблем эффективности экономического развития социалистического общества сводят к описанию фактов нерационального использования материальных ресурсов (например, к определению того, сколько металла в результате механической обработки ежегодно уходит в стружку, подсчету простоев оборудования, потерь рабочего времени и т. п.), не пытаясь выявить их глубинные причины. Они полагают, что та-

кого рода информация уже сама по себе должна ориентировать на использование имеющихся резервов. Это в значительной степени вызвано и недостаточно высоким теоретическим уровнем политэкономических работ. Однако положение необходимо исправлять не простой констатацией имеющихся недостатков, а существенным повышением методологического и общетеоретического уровня исследований в области политической экономии социализма. Речь идет о достижении такого уровня развития политической экономии, при котором она действительно превратилась бы в общую основу любой области экономических знаний, вне органической связи с которой исследование в области прикладных экономик были бы просто невозможны. Это предполагает прежде всего решение вопроса об особенностях предмета и метода самой политической экономии социализма. По нашему мнению, только на этой основе возможно существенное повышение теоретического уровня политэкономических исследований.

Нельзя сказать, что в современной политической экономии этот вопрос вообще не ставится. Суть дела, однако, состоит в том, как именно учитываются особенности предмета политической экономии социализма, обусловленные спецификой его производственных отношений. Крайне важно различать собственную историю коммунистического способа производства, рассматриваемую со стороны его внутреннего строения, т. е. имманентных ему форм, и историю эмпирическую, внешнюю, фиксируемую обывательным сознанием. В последнем случае в рубрику особенностей экономической системы социализма попадают те экономические явления и процессы, которые генетически не связаны с социализмом и которые выступают фрагментами, обломками других экономических систем, продолжающими свое существование во временных границах истории коммунистического способа производства. В литературе нет единодушия в оценке этих особенностей. К сожалению, нередко раздаются голоса о том, что при социализме все явления и процессы, совершающиеся в экономической жизни общества, социалистические по своей природе.

Однако если руководствоваться тезисом, что при социализме — все социалистическое или что на этапе развитого социализма общество окончательно преодолевает «родимые пятна» капитализма и поэтому, например, такие явления, как существенные различия между городом и селом, между умственным и физическим трудом, — это не пережитки прошлого, а продукт становления самого коммунистического способа производства, то в этом случае указанные явления оказываются элементами собственной основы социалистического общества, абстрагирование от которых уже совершенно недопустимо.

Система социалистических производственных отношений есть исторически первая фаза зрелости экономической структуры коммунистического способа производства в целом. Признание

социализма первой ступенью зрелости коммунистического способа производства, т. е. неполным коммунизмом, является отнюдь не формальным, а глубоко содержательным положением. В известном смысле оно выступает в качестве общеметодологического принципа исследования производственных отношений социализма. Какие же конкретные требования предъявляет это положение к теоретическому анализу общественных отношений социализма и в особенности его производственных отношений?

Во-первых, это положение обязывает исследовать социализм и коммунизм как один и тот же исторический тип производственных отношений общества. Во-вторых, оно обязывает признать действие общей для всей коммунистической формации системы экономических законов, которые своим объективным содержанием выражают общую и специфическую сущность. В-третьих, оно обязывает исследовать процесс формирования коммунистических отношений производства как длительный процесс их постепенного вызревания, который осуществляется в ходе поступательного развития коммунистического способа производства в целом.

Высказанные выше соображения не только не снимают проблему особенностей производственных отношений социализма, а, напротив, непосредственно предполагают необходимость ее дальнейшего обсуждения. Но при этом речь должна идти, как было показано выше, об особенностях коммунистического способа производства на первой стадии его зрелости, а не об особом социалистическом способе производства. Именно в этом, по нашему мнению, и состоит коренная задача политической экономии социализма. Только на путях ее решения может быть обеспечено, как нам представляется, действительное соединение экономической теории с практическими задачами социалистического строительства.

Таким образом, в системе производственных отношений социализма следует различать общекоммунистические отношения, т. е. свойственные по своему внутреннему характеру коммунистическому способу производства, и не свойственные ему, т. е. являющиеся продуктами досоциалистических формаций, которые в виде отдельных элементов продолжают на протяжении известного времени сохраняться при социализме. Следует по возможности строго и последовательно разграничивать социалистические производственные отношения и производственные отношения, или, точнее, их отдельные элементы, которые существуют при социализме, но которые по своему генетическому основанию несвойственны коммунистическому способу производства. Непосредственным предметом политической экономии социализма, разумеется, выступают первые.

В литературе существуют попытки классифицировать производственные отношения социализма по субъектам отношений и по фазам воспроизводства.

Прежде всего остановимся на субъективном принципе членения производственных отношений. На наш взгляд, этот принцип недостаточно обоснован. В самом деле, какие субъекты обычно называют авторы носителями производственных отношений? В литературе, как правило, фигурируют три субъекта — общество, предприятие и отдельный член общества. Комбинация из них трех и дает нам всю совокупность экономических отношений. Но, во-первых, общество, предприятие и отдельный член общества — это надъсторические субъекты. Всегда существуют конкретное общество, конкретные предприятия и конкретные члены общества. Во-вторых, почему между этими субъектами обязательно должны возникать именно производственные отношения? Эти субъекты могут быть посетителями любых других общественных отношений. В-третьих, каким образом «одеть» этих субъектов в специфически исторические «костюмы»? Ведь даже призраки в трагедиях Шекспира выступают в костюмах своей эпохи.

Для того чтобы определить специфические социально-экономические формы субъектов производственных отношений, нам пришлось бы дать анализ самих этих отношений, т. е. решать задачу определения характера экономической структуры социализма, не пользуясь услугами субъектов этих отношений. Какой же смысл в такого рода субъектах? Мы, разумеется, не против субъектов производственных отношений, но при более внимательном рассмотрении этого вопроса оказывается, что в роли таких субъектов выступают сами отношения, поскольку их посетители сами по себе равным счетом ничего не дают для решения задачи. Круг, таким образом, замыкается в том смысле, что названные нами субъекты никакой реальной нагрузки в процессе исследования структуры производственных отношений социализма не несут. Итак, для того чтобы определить субъектов отношений, необходимо знать сами эти отношения. Никаких субъектов, независимых от производственных отношений, в обществе не существует. Субъектами, например, капиталистического отношения являются наемный труд и капитал. Капиталист и наемный рабочий выступают как персонификация отношения капитала и наемного труда. Капиталистическое отношение возникает и функционирует не потому, что существует капиталист и пролетарий, а наоборот, лишь потому, что существует наемный труд и капитал. Таким образом, попытка исследовать производственные отношения социализма на основе их обязательного олицетворения и притом в надъсторических субъектах (общество, предприятие, отдельный член общества) представляется малоплодотворной.

Не лучше обстоит дело и в том случае, если стремятся исследовать структуру производственных отношений социализма на основе поэтапного их членения на производство, обмен, распределение и потребление. Стремление подкрепить этот принцип классификации производственных отношений социализма

материалом «Капитала» никакой критики не выдерживает. На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание в экономической литературе, и останавливаться на подробном рассмотрении этого вопроса в данном случае явно целесообразно. К. Маркс в «Капитале» не только не следует принципу пофазного анализа производственных отношений капиталистического способа производства, а, напротив, убедительно доказывает несостоятельность этого принципа. Более того, имеются совершенно однозначные оценки этого принципа самим К. Марксом в «Экономической рукописи 1861—1863 годов». Он отмечает «нелепость той традиции, которую со свойственным ему французским схематизмом установил Ж. Б. Сэй... традиции, которой, однако, не следовал никто из экономистов-классиков: рассматривать сначала производство, затем обмен, потом распределение и, наконец, потребление, или же распределять эти четыре рубрики еще как-нибудь иначе»¹.

Единственно возможным принципом членения производственных отношений социализма может быть лишь тот, который был применен в «Капитале»: форма — сущность, форма движения сущности и, наконец, единство сущности и присущей ей формы. Конечно, в «Капитале» исследуется структура вполне сформировавшегося социально-экономического объекта. Но в политической экономии социализма такого объекта еще нет, поскольку здесь изучаются отношения способа производства, процесс формирования которого еще продолжается. Это возражение вполне резонно. Необходимо, однако, иметь в виду, что социализм, рассматриваемый со стороны экономической структуры, представляет собой, как подчеркивалось выше, оформленное образование. То обстоятельство, что его собственная структура обладает генетическими функциями и свойствами, отнюдь не исключает того, что он может быть объектом теоретического анализа, который осуществляется на основе восхождения от абстрактного к конкретному.

Конечно, незавершенность структурного ряда ограничивает возможности логического анализа, но не исключает его, так как структура объекта на первой ступени его зрелости уже существует. Именно поэтому оказывается возможным исследовать производственные отношения социализма на основе членения объекта по схеме «Капитала». При этом, разумеется, нельзя обойтись без включения в анализ значительного объема такого фактического материала, который еще не «отобран» историей. Задача осложняется и тем, что в структуре социализма реально представлены остатки старого общественного разделения труда и товарно-денежные формы. Генезис экономической структуры коммунистического общества включает не только превращение менее развитых ее форм в более развитые, но и одновременное преодоление элементов досоциалистических отношений. Но при

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 71.

теоретическом изображении этого процесса не всегда возможно с естественнонаучной точностью отграничить одно от другого. Не всегда может помочь и сила абстракции, поскольку все действительно научные абстракции практически истинны, а определение этой истинности осуществляется во времени более или менее продолжительным в зависимости от обстоятельства. В силу отмеченных особенностей логический метод исследования экономических отношений социализма так или иначе должен сочетаться с историческим методом, в пределах которого временная последовательность играет весьма существенную роль.

Политэкономический анализ социалистических общественных отношений имеет дело со строго определенным уровнем этих отношений, которые характеризуют экономическую структуру общества. Но, поскольку идет речь о социализме и коммунизме, это не просто экономическая структура, характеризующая производственно-экономическую систему. Это — структура социально-экономических отношений. В этом заключается одна из наиболее существенных черт, если не самая существенная черта, особенность предмета политической экономии социализма. В экономической литературе указание на нее появилось лишь в самое последнее время. При этом признание данной особенности носит скорее формальный, нежели содержательный характер. Во всяком случае пока это обстоятельство не получило непосредственного практического преломления в самом процессе исследования производственных отношений социализма.

Все предшествовавшие социализму общественные организмы характеризовались господством отчужденных от человека его собственных сил, которые определяли все стороны его жизнедеятельности. В докапиталистическую эпоху это силы внешней природы и собственной природы человека — родовые, племенные, территориальные, которые в антагонистических дорбуржуазных формах общества приобрели характер непосредственного господства и подчинения. В товарном и товарно-капиталистическом производстве это силы отчужденного труда, получающие независимое существование и движущиеся по своим собственным законам. Исследование экономических структур докоммунистических формаций — это изучение законов существования и развития человека, но не через саму его деятельность, а посредством изучения законов движения чуждых и непонятных ему сил, которыми он никогда не мог овладеть и поставить под свой сознательный контроль.

Формирование экономической структуры коммунистического общества — это становление процесса функционирования деятельности самого человека, процесса формирования и утверждения контроля человеком своего собственного обмена веществ как между ним и внешней средой, так и внутри общества. Его экономическая деятельность становится теперь способом выражения его собственных сил, непосредственно обращенных к человеку и действующих в его интересах. Именно в этом смысле

следует понимать и трактовать содержание производственных отношений в социалистическом обществе как системы социально-экономической. Эта коренная особенность экономической структуры социалистического общества существенно не меняет своего характера от того, что в условиях социализма экономическая деятельность человека обусловлена определенным движением предметных условий и результатов.

То обстоятельство, что они выступают в определенной экономической форме, характеризует специфику первой фазы зрелости социально-экономической системы коммунистического способа производства, где еще не все виды человеческой деятельности являются социально равнозначными и где деятельность, чтобы быть социально значимой, должна принять особую социальную форму, отличную от того содержания, которое характеризует отношение между человеком и внешней средой.

Таким образом, субъектом и одновременно объектом материальной деятельности в условиях коммунистического способа производства выступает не продукт и условия его производства, а человек в его конкретной социальной определенности, и материальное производство приобретает характер производства непосредственно человека.

Как подчеркивалось на мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, «речь идет и о развитии самого человека, о качественном улучшении материальных условий его жизни и труда, его духовного облика»¹. Анализ этого процесса — общая задача всей политической экономии. Она, однако, не исключает возможность и даже необходимость отдельных работ на эту тему. Именно в плане постановки и решения этой весьма нелегкой, но крайне актуальной задачи могут быть оправданы работы, посвященные освещению столь широких тем. Такая попытка предпринимается в предлагаемой работе. Ее основной целью является стремление автора изобразить процесс развития системы производственных отношений развитого социализма, который совершается на его глубинной основе посредством постоянного развертывания его собственной сущности.

¹ Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 года, с. 9.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЦИАЛИЗМА**§ 1. СУЩНОСТЬ НЕПОСРЕДСТВЕННО
ОБЩЕСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ**

Анализ экономической структуры общества предполагает уяснение сущности процесса ее самодвижения. Дать характеристику системы производственных отношений того или иного способа производства — значит раскрыть экономические закономерности, определяющие ее существование и развитие. Это азбучное положение экономической теории марксизма можно было бы и не напоминать, если бы в литературе, посвященной систематизации категорий политической экономии социализма, еще не встречалось дискретное рассмотрение экономических явлений.

Несмотря на то что уже давно сформулированы основные методологические принципы рассмотрения системы производственных отношений, исследование экономических форм зачастую ведется обособленно друг от друга. При таком подходе объектом исследования становится не развертывание категориальных определений экономической структуры социализма, а ее внешние формы проявления. Взятые же сами по себе эти формы не дают представления о закономерностях существования и развития социализма. Избежать схоластических споров и игры в дефиниции удастся лишь в том случае, если система производственных отношений социализма будет рассматриваться на всех своих уровнях через призму определяющей ее специфическую сущность экономической связи. По существу речь идет о последовательной реализации материалистического принципа субстанционального единства всех экономических форм. Лишь рассматривая всю систему производственных отношений в плоскости развертывания субстанциональных определений, можно понять закономерности ее развития и существования.

История политической экономии подтвердила это положение. Различие материалистического и вульгарно-позитивистского подхода к анализу буржуазного общества последовательно выразилось в понимании основы единства экономических явлений. Буржуазная политическая экономия, рассматривая внешнее

единство многообразия действительности, не могла создать последовательной системы теории. Ее высшим достижением явилось выделение А. Смитом и Д. Рикардо труда как субстанции стоимости. Однако классики буржуазной политической экономии не смогли дать анализ стоимости как внутреннего единства безотносительно к тем видоизменениям, в которых и через которые она проявляется на поверхности буржуазного общества. Впервые подлинно научное понимание труда как субстанции стоимости было сформулировано К. Марксом. Именно он смог показать развертывание всех экономических форм капиталистических отношений из единой субстанции — абстрактного труда.

Всеобщность данного подхода к анализу любой системы производственных отношений определяется не какими-то формально-логическими или сугубо познавательными признаками (таких нет и не может быть). Признание всеобщей необходимости анализа системы производственных отношений исходя из определяющей ее историческую специфику экономической связи вытекает из самой сути материалистического понимания ее единства. Невозможно быть марксистом и отрицать субстанциональное единство экономических форм. Именно поэтому научное познание и движется от выделения этой субстанции системы данного производственного организма к характеристике ее многообразных видоизменений, через которые она осуществляется. Сама эта субстанция выступает как наиболее абстрактная, но реально всеобщая форма определенной системы производственных отношений, как форма связи ее элементов.

Политическая экономия эту форму всеобщей определенности рассматривает как исходное отношение данного способа производства, форму его генетической основы. Исходное отношение потому и выступает генетической основой системы производственных отношений, что содержит в себе в простом и неразвернутом виде закономерности ее развития. Являясь единичным определенным экономической структуры общества, исходное отношение включает в себе всеобщую определенность и понимается до всеобщей сущности. Именно его исследование определяет условия познания закономерностей формирования и движения системы производственных отношений, ибо, говоря словами Э. В. Ильенкова, «к анализу единичного с точки зрения всеобщего всегда реально и сводится основная задача теоретического анализа всеобщего»¹. В общем виде это положение признаю, его уже не оспаривают как таковое. Ставится вопрос о целесообразности рассмотрения исходного отношения вообще, а не о его признаках. Однако когда речь заходит о содержательной стороне, то оказывается зачастую, что все эти прописные истины повисают в воздухе. Логические определения существуют сами по себе, их не связывают с содержанием исход-

¹ Ильенков Э. В. Дialeктика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960, с. 153.

ного отношения. Мы не будем останавливаться на подробном рассмотрении всех точек зрения по данному вопросу. Они достаточно широко известны. Как уже отмечалось¹, существенным недостатком теоретических позиций по рассматриваемому здесь вопросу является попытка исследовать исходное отношение в качестве самостоятельной проблемы, изолированной от других сторон системы отношений. При такой постановке задачи она вообще не может быть решена.

Рассматривать содержание субстанционального единства системы отношений коммунистического способа производства вне связи генетической основы (исходного отношения) с другими, более конкретными отношениями посредством выведения этих других отношений из их основы просто невозможно. Ведь исходное отношение потому-то и служит генетической основой, что пронизывает всю систему отношений данного общества, развертывается в ней. Поэтому, не выяснив хотя бы основного категориального блока системы производственных отношений, как-им, например, для капитализма являлась логическая «цепочка» товар — деньги — капитал, невозможно дать сколько-нибудь полную характеристику субстанциональной основы способа производства. Решение этой задачи применительно к социализму также предполагает построение такого блока категорий. Это и явилось бы наиболее основательным доказательством того, что то или иное отношение действительно выступает в качестве исходной категории. Но в литературе этот вопрос таким образом даже не ставится. Именно поэтому ни одна из концепций исходного отношения не могла доказать свое преимущество. Взятое само по себе определение исходного отношения не дает возможности обосновать его истинность. Как бы не определялось исходное отношение, оно выглядит абстрактно-всеобщим, если не получает своего развития в системе других категорий.

Общезвестно положение В. И. Ленина о том, что «начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное „бытие“: отдельный товар („sein“ в политической экономии)»². Эту мысль он повторяет в «Философских тетрадах» неоднократно, отмечая, что «у Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров»³. На этой основе В. И. Ленин приходит к выводу о том, что «такой же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc. . . »⁴

¹ Покрытая А. К., Новиков С. В. Восхождение от абстрактного к конкретному в политэкономии социализма. М.: Высшая школа, 1982, с. 63—71.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

³ Там же, с. 318.

⁴ Там же.

Казалось бы, что многие из известных определений исходного отношения подходят под это положение. Ну разве не являются простыми, обычными и массовидными общественная собственность, планомерность, обобществление, коллективность? Формально все они удовлетворяют этому требованию. Именно формально, ибо на деле речь идет не о поверхностной простоте, общности и массовидности, а общности, простоте и массовидности, имманентной данной системе отношений. Начало (исходное отношение) является простым определением внутренних противоречий именно системы определенных производственных отношений. Его простота дана в пределах исторической специфики этих отношений, а не как простая нерасчлененность, познаваемость вообще. На это обстоятельство со всей очевидностью указывал К. Маркс, отмечая, что «форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически»¹.

Обыденность и массовидность товарных отношений раскрывается К. Марксом через всю систему производственных отношений буржуазного общества. Она доказывается не в своем простом определении в первом отделе первого тома «Капитала», а лишь на основе всех трех томов «Капитала», когда становится ясным, как и почему капитализм воспроизводит товарную форму как свою собственную основу. Эта простота и массовидность товарной формы раскрываются в «Капитале» на основе анализа субстанции всех стоимостных форм — абстрактного труда. Развитие противоречия, воплощенного в форме товара, и его воспроизводство в системе буржуазных отношений как раз и характеризуют субстанциональное единство всех экономических форм. Простота, обыденность и массовидность товарного обмена раскрыта в «Капитале» как собственный результат движения экономической структуры буржуазного способа производства.

Поэтому анализ исходного отношения (генетической основы) социализма предполагает не просто выделение того или иного внешне простого, обыденного и массовидного явления, но и доказательство этой простоты, обыденности и массовидности в системе категорий через выделение их субстанционального единства.

В литературе уже высказывалось положение (это неоднократно делал и автор этих строк) о том, что исходным отношением социализма выступает непосредственно общественное отношение индивидов. Рассматриваемое со стороны своего собственного содержания, оно означает в самом общем виде такой способ общения индивидов, при котором не отчуждение каких-либо сущностных сил индивидов, а, напротив, присвое-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 91 (прим.).

ние ими этих сил служит необходимым условием их взаимодействия, их общего жизненного процесса.

В противоположность вещественной связи, где социальная жизнь индивидов только находится в состоянии становления, непосредственно общественное отношение характеризует социальную жизнь индивидов как уже ставшую, поскольку здесь индивиды связаны не посредством движения отделившихся от них и противопоставленных им факторов (труда, продукта и т. д.), а как личности, которые совместно присваивают всю совокупность процессов, сторон и форм своей собственной деятельности. Поэтому именно непосредственно общественное отношение выступает как форма всеобщей основы принципиально новой формы общественного богатства, которое является богатством личностных сил и ресурсов человека, постоянно развивающихся и обогащающихся. Имея в виду эту общественную форму богатства, которая основана на непосредственно общественной связи индивидов, К. Маркс писал: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

Какими же конкретными характеристиками обладает непосредственно общественное отношение в качестве генетической основы социализма? В своем развитии виде оно предполагает утверждение обменародной кооперации трудового процесса, которая охватывает все общество. Это выражается в том, что основным агентом экономического процесса становится все общество (организация общественного производительного процесса за счет общества и в его интересах). На данной основе осуществляется непосредственное включение труда каждого отдельного члена общества в совокупный его труд без предварительного превращения продукта в форму всеобщего эквивалента (т. е. без его формальной метаморфозы, в процессе которой скрыто общественный характер труда обнаруживает свою

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 476.

принадлежность к совокупному труду общества) и централизованное в масштабе всего общества управление процессом производства на основе оптимального учета общественных потребностей и общественных ресурсов.

Таким образом, общественное производство подчиняется созданию общественной полезности в качестве наиболее общего мотива всей производственной деятельности общества и каждая индивидуальная затрата труда выступает в форме конкретно-всеобщего труда. Разумеется, все это предполагает полное преодоление всяких социальных различий в характере трудовой деятельности, притом различий не только умственного и физического, промышленного и аграрного труда, но и форм деятельности (производственная, непроизводственная). В результате образуется единая совокупная деятельность всех членов общества, непосредственно включенная в жизнедеятельность каждого и образующая ее основное содержание.

Таковы, по нашему мнению, наиболее существенные черты непосредственно общественного отношения, если рассматривать последнее в его развитом состоянии. Они выступают как более конкретная характеристика труда как первой потребности жизни. Поэтому коммунистический способ производства, рассматриваемый со стороны своей сущности, представляет по преимуществу социально-экономическую систему. Непосредственно общественное отношение производства (или, что то же самое, непосредственно общественная его связь) выступает как отношение по преимуществу социальное. В этом и состоит его качественное отличие и исторически особенность сравнительно со всеми предшествующими структурами общества. Поэтому его функционирование является по своему содержанию воспроизводством социальной структуры общества без каких-либо опосредований. Если, с одной стороны, развитая социальная структура образует определяющее содержание коммунистической организации общественных отношений, то, с другой стороны, это имеет место лишь потому, что ее генетическим основанием выступает непосредственно общественная связь. Подчеркивая это обстоятельство, К. Маркс отмечал, что «универсально развитые индивиды, общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю, являются продуктом не природы, а истории»¹. Иными словами, непосредственно общественная связь возникает и утверждается не как продукт природы, а как продукт истории. Она приходит на смену вещной связи, предшествовавшей ей и подготовившей для нее условия социальной жизни.

Нередко стремятся опровергнуть положение о непосредственно общественной связи как генетической основе социализма указанием на то, что К. Маркс в «Капитале» исследует не саму

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 105.

по себе субстанцию стоимости — абстрактный труд, а товар. Действительно, К. Маркс начинает анализ системы производственных отношений буржуазного общества не с характеристики абстрактного труда как субстанции стоимости, а с рассмотрения стоимостной формы продукта труда. Но ничего удивительного в этом и нет, удивительнее была бы обратная попытка рассмотреть абстрактный труд вне формы стоимости. Как известно, такие попытки неоднократно предпринимались различными экономистами и они ничего не дали. Ответ на этот вопрос лежит в природе самой субстанции. Абстрактный труд не может иметь иной формы своего выражения (существования), кроме формы стоимости. Именно поэтому К. Маркс и исследует его в этой простейшей, но единственно реальной форме. Товар есть предметно-вещественный субстрат абстрактного труда. Что же касается социализма, то здесь единственно возможным выражением субстанции может быть только определенная социальная форма индивида, агента непосредственно общественной связи. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, суть перехода к коммунизму заключается как раз в том, что «коммунистические пролетарии ... революционизируют общество и ставят отношения производства и форму общения на новую основу, — а такой основой являются они сами в качестве новых людей, их новый образ жизни...»¹

Отличительная особенность непосредственно общественной связи состоит, таким образом, в том, что она — универсальная связь, так как она охватывает не только формы экономической деятельности людей, но и все возможные сферы их деятельности, поскольку они суть выражение человеческой деятельности. Развита непосредственно общественная связь предполагает, следовательно, полное социально-экономическое нивелирование этих форм, утверждение их общественной равнозначности, которое возможно лишь на основе преодоления всех и всяких различий между видами труда, сферами общественного производства, производственной и непроизводственной деятельностью и т. д.

Развита непосредственно общественная связь предполагает не только оптимальное удовлетворение общественных потребностей, но и сознательно преднамеренное их формирование с учетом личных качеств каждого члена общества, обеспечивая ему возможность развития в тех направлениях, которые соответствуют его личным наклонностям. Это — высшая ступень контроля общества над своим собственным жизненным процессом.

Непосредственно общественная связь предполагает и качественно новое соотношение между обществом и окружающей средой, для которого характерно не только сохранение и воспроизводство ее ресурсов, но и изменение среды по меркам, наибо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 201.

лее соответствующим условиям развития индивида (процесс очеловечения окружающей среды).

Отмеченные моменты характеризуют наиболее существенные черты непосредственно общественной связи, рассматриваемой в ее развитом состоянии, как они могут быть определены исходя из доступных нам представлений, исходя из учета основных тенденций развития современных социальных отношений. Это определение имеет по существу прогностический характер. Отмеченные выше отличительные особенности непосредственно общественной связи в той или иной мере воспроизводятся и в других концепциях исходного отношения.

В самом деле, какую бы из точек зрения мы ни взяли, она отражает реальное, присущее социализму непосредственно общественное отношение производителей. Если речь идет об общепародной собственности, то она характеризует непосредственно общественную связь между членами общества по поводу предметных условий их производственной деятельности и ее результатов. Это же отношение конституирует и форму непосредственно общественного продукта. Оно же определяет основное содержание и планомерности, поскольку последняя только и может быть способом существования и развития непосредственно общественного отношения ассоциированных производителей в целом, имманентной формой его осуществления. Различные теоретические позиции относительно генетической основы социализма выступают лишь как характеристики различных граней совокупности тех признаков, система которых с различных сторон охватывает непосредственно общественное отношение в качестве социальной формы всех отношений производства, распределения, обмена и потребления. Это утверждение остается справедливым и по отношению ко многим другим теоретическим позициям относительно исходного производственного отношения, которые высказаны в литературе, и на которых мы специально не останавливаемся. Непосредственно общественное отношение, или, что по существу одно и то же, непосредственно общественная связь производителей, есть особое отношение социализма, которое в общей системе его отношений выступает и как конкретно-всеобщее, охватывая все существенные ее стороны.

Отношение — это отнюдь не формальная абстракция; оно — простейшая реальность, наиболее массовый экономический факт, повторяющийся ежедневно и ежечасно в жизненном процессе социалистического общества. В системе его отношений более простого и более массовидного явления экономической действительности не существует. Оно — наиболее элементарная конкретность. Можно было бы поэтому констатировать, что именно оно образует генетическую основу социализма. Однако исходное отношение необходимо не просто провозгласить или вывести чисто логически, его необходимо обосновать. Это обоснование должно включать, по нашему мнению, три аспекта:

исторический, абстрактно-теоретический и конкретно-теоретический. При рассмотрении вопроса в историческом аспекте задача состоит в том, чтобы показать историческую неизбежность возникновения и утверждения непосредственно общественной связи индивидов как результата естественнo-исторического процесса развития общественного производства на определенной ступени его эволюции. Исследование рассматриваемой проблемы в абстрактно-теоретическом аспекте предполагает анализ структуры этого отношения, определение его полюсов и имманентного ему внутреннего противоречия как наиболее общего противоречия, присущего системе в целом. Конкретно-теоретический аспект предполагает выведение тех более конкретных отношений, которые возникают как результат развития противоречия, имманентного этой генетической основе социализма. Речь идет прежде всего об основном производственном отношении, которое образует конкретную сущность социализма. Кроме того, конкретно-теоретическое рассмотрение включает в качестве особенно необходимого компонента анализ тех особых ступеней становления всеобщей основы, которые оно проходит в своем развитии в процессе утверждения системы производственных отношений социализма. Соответственно этим аспектам и исследуется непосредственно общественное отношение в следующих параграфах данной главы.

§ 2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ

Как известно, К. Маркс в «Капитале» специально не рассматривал исторические условия зарождения и формирования стоимостной формы связи. Исторический анализ становления подчинения труда капиталу (т. е. формирования основного отношения буржуазного общества) дается в восьмой главе третьего отдела первого тома «Капитала»¹. В этой связи возникает вопрос: необходимо ли давать историческое обоснование непосредственно общественной связи? Вопрос этот вполне закономерен. Ведь если считать, что метод «Капитала» — это и есть метод политической экономии, то никаких специальных исследований условий ее формирования быть не должно. Но все дело в том, что К. Маркс исследовал завершённый социально-экономический организм, предпосылки которого воспроизводились уже как его собственные результаты. Доказывать исторические условия ста-

¹ В данном случае мы не будем останавливаться на проблеме анализа форм стоимости, это особый вопрос. Он уже освещен в специальной литературе. Основные положения, высказанные в дискуссии между Н. В. Хессингом и В. П. Шкредовым, приведены на страницах журнала «Экономические науки» в 1976 г. Однако исследование форм стоимости не является историческим обоснованием стоимостной формы связи, такого обоснования К. Маркс не давал.

новления стоимостной формы связи в качестве всеобщей не было необходимости, поскольку в реальной действительности она воспроизводилась именно в этой своей субстанциональной определенности. Поэтому, отмечает К. Маркс, «мы исходили, скорее, из того факта, что в условиях буржуазного производства товар существует именно как такая всеобщая элементарная форма богатства»¹.

Анализ же непосредственно общественной связи как всеобщей характеристики системы производственных отношений социализма не может быть ограничен констатацией одного этого факта, поскольку в самой действительности этот факт еще не является реально всеобщим, а лишь становится таковым. Система производственных отношений социализма находится в процессе своего формирования, поэтому и конституирующая ее непосредственно общественная связь реализуется не только через свои собственные формы, но и через остатки старых экономических форм, ассимилированных ею. В этих условиях, для того чтобы рассмотреть субстанциональную природу непосредственно общественной связи и понять закономерности развития форм ее реализации, необходимо вычленить условия ее становления. Только таким путем можно разграничить формы ее собственного развития и исторически преходящие формы ее реализации через элементы старой экономической структуры. Выяснение исторических условий становления генетической основы экономической структуры коммунистического способа производства на данной ступени развития является неотъемлемым условием понимания ее внутренней природы.

Однако исследование закономерностей возникновения непосредственно общественной связи можно осуществлять по двум основным направлениям. Первое из них довольно широко представлено в литературе, посвященной данному вопросу. Его суть заключается в том, что непосредственно общественная связь рассматривается как характеристика, присущая в той или иной мере всем докапиталистическим формам производства. При такой постановке вопроса анализ закономерностей возникновения непосредственно общественной связи осуществляется путем рассмотрения эволюции форм докапиталистических отношений и их замены стоимостной (овеществленной) связью и затем снятия самой этой формы, приводящего к восстановлению непосредственно общественной связи.

Второй же путь — рассмотрение непосредственно общественной формы связи как специфической характеристики только коммунистического способа производства. При такой постановке вопроса рассмотрение закономерностей формирования непосредственно общественной связи начинается с выяснения предпосылок ее формирования в недрах капиталистического общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 36.

Нам представляется, что именно в последнем случае непосредственно общественная форма связи характеризуется как наиболее общее определение системы производственных отношений коммунистического способа производства. Поскольку от понимания этого вопроса в значительной мере зависит уяснение природы непосредственно общественной связи как генетической основы социализма, остановимся на нем более подробно.

Сторонники анализа непосредственно общественной формы связи как характеристики системы производственных отношений докапиталистических формаций исходят из того, что, поскольку движение продуктов труда не опосредовало отношения принуждения к труду в условиях рабовладения и феодализма, этим формам общества, так же как и первобытнообщинному способу производства, была присуща именно непосредственно общественная форма связи. На этом базисе форма непосредственно общественного отношения принимала характер личностного отношения, реализовавшегося в виде непосредственного господства и подчинения. Общественное богатство в этих формах общества существовало как воплощение отношения непосредственного господства. Ограниченность производительных сил, поскольку главной из них была сама природа, а не труд и его результаты, предопределяли ограниченность потребностей индивидов, а потому и отсутствие возможностей их универсального развития. Высшей целью функционирования такого рода структур было воспроизводство общественной организации, благодаря и посредством которой только и мог существовать каждый отдельный ее член, т. е. воспроизводство первобытной коллективности. Отношения отдельных индивидов если и были в этих структурах чем-то опосредованы, так это только своей собственной родовой или племенной организацией.

Стало быть, непосредственно общественное отношение индивидов в условиях первичной структуры общества имело в конечном счете своей основной такую ступень производительности труда, при которой отдельная личность не обладала самостоятельной производительной ценностью, а потому главной производительной силой выступала сама община, которая и опосредовала личностные отношения своих членов друг к другу. Возникшие при разложении первобытного общества классово-антагонистические структуры хотя и представляли прямую противоположность отношениям социально-экономического равенства, которое было присуще первобытному обществу, тем не менее сохраняли непосредственный характер общественной связи. Вследствие чрезвычайно низкого уровня производительных сил последняя оказалась сильнее существующих товарно-денежных отношений, которые на протяжении многих столетий были не в состоянии в полной мере реализовать свои внутренние возможности. Допотопные формы капитала, которые появились на основе денежной формы, действовали в пределах сферы обращения и не могли преобразовать существующий строй произ-

водства, где безраздельно преобладало натуральное хозяйство. Непосредственно общественные связи оказались, таким образом, господствующими не только в сфере движения продуктов труда, но и в самом процессе производства. Здесь отношения между непосредственными производителями и представителями господствующих сословий реализовались как непосредственно общественные отношения личной зависимости трудящегося от своего господина.

Такова в основных чертах логика рассуждений сторонников концепции непосредственно общественной связи как определяющей характеристики докапиталистических общественных структур. Внешне она привлекает своей стройностью, однако при ближайшем рассмотрении дело оказывается гораздо более сложным, чем это кажется.

Действительно, ни в одной докапиталистической формации движение продукта труда не опосредовало отношения принуждения к труду, однако на этом основании объявлять эти отношения непосредственно общественными было бы неверным. В конечном счете и в условиях капиталистического товарного производства отношения опосредованы не движением продуктов труда (указанное обстоятельство присуще только простому товарному производству, которое никогда не характеризовало ни одной общественной формации). В условиях капиталистического производства отношения рабочих и капиталистов опосредованы отделившейся и противопоставленной им экономической формой производства в виде капитала. Отмечая это обстоятельство, К. Маркс писал: «*Богатство как таковое* представлено тем отчетливее и шире, чем дальше оно отстоит от непосредственного производства и чем более оно само в свою очередь опосредствует такие стороны, каждая из которых, рассматриваемая сама по себе, уже положена как экономическое отношение формы. Это связано с тем, что деньги из средства превращаются в цель и что более высокая форма опосредствования в качестве капитала повсюду полагает более низкую форму — выступающую опять-таки в качестве труда — как всего лишь источник прибавочной стоимости»¹.

Таким образом, в условиях капитализма отношения опосредованы не вещественным результатом труда, а вещественной формой самих же этих отношений, обособившейся от них. Специфика капиталистического способа производства заключается именно в том, что общественные отношения овеществляются. Это уже давно установленные истины, и их можно было бы не напоминать, если бы в экономической литературе не ставился знак равенства между опосредованием и овеществлением и овеществленная форма опосредованных отношений не воспринималась бы как характеристика опосредованной формы отношений вообще. Именно на этой основе форма связи между чле-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 289.

нами докапиталистических формаций и объявляется непосредственно общественной.

Однако овеществление и опосредование экономических отношений — это хотя и взаимосвязанные, но не тождественные явления. Овеществление выступает лишь частным случаем опосредования экономических отношений, характеризующим его высшую форму. В докапиталистических антагонистических формациях отношения также носили опосредованный характер, хотя и не овеществлялись в деньгах как всеобщем продукте.

Если мы обратимся к характеристике формы отношений, например, рабовладельческого общества, то вполне очевидным становится тот факт, что едва ли можно считать принуждение раба к труду непосредственным господством уже хотя бы потому, что раб вообще не является членом рабовладельческого общества. Экономические отношения рабовладельческого общества складываются не между рабом и рабовладельцем, а внутри класса рабовладельцев по поводу рабов как объективных факторов производства. Причем эти отношения опосредованы противопоставленной каждому рабовладельцу формой рабовладельческого государства — полиса и его общественной структуры. Каждый рабовладелец является таковым лишь выполняя какие-либо общественные функции в данном рабовладельческом государстве — полисе. Экономическая форма собственности на землю и рабов как условия производства материальных благ опосредует отношения внутри класса рабовладельцев. Именно этим и объясняется присущая ему классовая борьба среди имущего сословия. Свободные земледельцы сохраняли собственность на землю только на основе определенной системы государственных повинностей. Таким образом, отношения рабовладельческого общества по своему существу носят опосредованный характер.

Аналогично обстояло дело и в условиях феодального общества. Более того, там существовала целая система опосредований. Принуждение к труду крепостных было опосредовано системой вассальных повинностей внутри господствующего класса. Собственником земли являлся лишь верховный сюзерен (король, император). Поэтому феодальная собственность на землю была опосредована внутри господствующего класса. Крепостной так же мало был членом общества, как и раб, он не может рассматриваться как выразитель общественных отношений. Если же исследовать отношения между представителями господствующего класса и свободными производителями, то и здесь наблюдается целая система опосредующих моментов — сервитуты, цеховая регламентация, уставы и т. д.

Форма экономических отношений противопоставлена самому процессу материального производства в виде чего-то независимого от него. Она опосредует этот процесс и все связанные с ним отношения. Непосредственное тождество формы производственного процесса и его содержания можно было наблюдать лишь

в условиях первобытного общества, когда сама община являлась формой существования индивидов и именно она определяла условия производственного процесса как его главная производительная сила. Применительно к этой стадии развития общественного производства «цель всех этих общин — сохранение, т. е. воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»¹.

Только в этом смысле можно говорить, что процесс производства в условиях первобытнообщинного строя носит непосредственно общественный характер. Форма производственного процесса здесь еще не противопоставит своему содержанию, процесс производства непосредственно есть процесс воспроизводства самой общины как главного условия существования ее членов. Однако при этом нельзя забывать того, что для каждого в отдельности члена общины «его отношение к объективным условиям труда опосредствовано его существованием как члена общины...»².

С этой точки зрения существование отдельного индивида на любой ступени общественного развития всегда опосредовано сложившейся формой общности. Однако отличие общинного строя от рабовладельческого и феодального состоит в том, что здесь имело место непосредственное тождество личностных и общинных отношений. Каждый член общины воспроизводился не как особый индивид, а как условие существования всей общины. Поэтому форма общины не противостояла им как нечто чуждое и независимое от них. Это имело место лишь на последних ступенях развития первобытнообщинного строя. В условиях же рабовладения и феодализма производственные отношения существовали в отчужденном и противопоставленном непосредственным членам этих обществ виде. Они противостояли им как чуждая каждому из них сила, опосредуя их взаимоотношения. Поэтому вряд ли правомерно рассматривать отношения докапиталистических обществ через призму непосредственно общественной связи. Эти отношения носили непосредственно личностный, а не непосредственно общественный характер.

Но если даже предположить, что эти отношения являются непосредственно общественными, то в этом случае мы вряд ли уясним сущность непосредственно общественной связи, присущей социализму, поскольку она рассматривается в плоскости абстрактно-всеобщей характеристики как непосредственной движущей продуктом труда. В таком определении игнорируется ее реальное экономическое содержание и остается неясной природа самой формы связи, так как не получает ответа вопрос, по

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 483.

² Там же, с. 473.

поводу чего складывается эта связь. Решение вопроса предполагает уяснение не только формы связи, но и ее материального воплощения, механизма движения. Трактовка же производственных отношений лишь в плоскости противопоставления стоимостной форме связи мало что может дать для их понимания. В этой связи следует вспомнить, что К. Маркс характеризовал в «Капитале» стоимостную форму связи не просто как овеществленную. Для полного ее раскрытия ему понадобилась не одна и не две категории, а гораздо больше. Представляется, что и непосредственно общественная связь требует для своего раскрытия не только рассмотрения отсутствия опосредующего начала в виде движения продуктов труда. Правы поэтому те экономисты, которые считают необходимым рассматривать непосредственно общественную связь как специфическую характеристику лишь коммунистического способа производства, начиная ее исследование с предпосылок ее становления.

Однако даже правильная постановка вопроса сама по себе еще не решает данной проблемы, поскольку и в этом случае предстоит выяснить, а что же собственно относится к предпосылкам становления непосредственно общественной связи? В литературе получила распространение точка зрения, согласно которой элементы непосредственно общественной формы связи в виде планомерного регулирования производства и не опосредованного движением продукта отношения производителей зарождаются в недрах монополий. При этом в качестве примеров обычно приводятся система маркетинга, прогнозирование спроса, комбинирование производства и т. д. Все эти процессы действительно имеют место в практике развития современного капитализма.

Ориентация американских монополий на рынок, изучение возможностей реализации продукции привели к расширению отделов маркетинга. Более того, «уже в начале 70-х годов одна из каждых трех корпораций в США возглавлялась человеком, который завоевал себе репутацию специалиста в области маркетинга»¹. За последние годы усилилось и комбинирование производства. Если мы обратимся к данным динамики одноотраслевых и многоотраслевых компаний в США и Западной Европе, то увидим, что «в 1949 г. в США среди 500 крупнейших компаний одноотраслевые составляли 34,5%. В 1969 г., т. е. всего через 20 лет, их удельный вес снизился до 6,2%. Среди 100 крупнейших монополий Великобритании в 1970 г. было 6 одноотраслевых, в ФРГ — 22, во Франции — 16, в Италии — 10»². Исходя из этих и других данных, казалось бы, есть все основания для того, чтобы рассматривать в качестве предпосылок не-

¹ Долгоруков А. П., Барыбина И. Ф. В паутинах маркетинга. М.: Политиздат, 1982, с. 12.

² Полунина Г. В. Многоотраслевые концерны в системе современного капитализма. М.: Мысль, 1980, с. 4.

посредственно общественной связи отмеченные выше факторы. Однако при этом не учитывается одно бесспорное обстоятельство. Все они, хотя и являются вполне определенными экономическими характеристиками современного капитализма, тем не менее затрагивают скорее производственно-организационные аспекты функционирования монополий. Процесс же обобществления производства не просто изменяет систему первичных звеньев капиталистического производства, но и вносит качественные изменения в механизм всего капиталистического производства.

При рассмотрении предпосылок возникновения непосредственно общественной связи нельзя ограничиться лишь констатацией того факта, что монополия является исходной формой производства, а в недрах монополии возникли элементы планомерности. Такая постановка вопроса не дает возможности уяснить закономерности подрыва стоимостной связи и, следовательно, зарождения непосредственно общественной связи, поскольку предпосылки последней анализируются на уровне внутрипроизводственных звеньев. Дело в том, что подрыв закона стоимости и, следовательно, зарождение элементов непосредственно общественной связи происходят не внутри монополий, а на уровне всего общества. В литературе, как правило, считается, что подрыв стоимостных связей происходит на уровне всего общества, а зарождение элементов планомерного регулирования производства — на уровне первичных звеньев — монополий. Нам представляется, что так ставить, а тем более решать вопрос нельзя, поскольку отрицание стоимостной и зарождение новой формы связи оказываются на разных уровнях функционирования системы производственных отношений. Между тем, как отмечал К. Маркс, это единый процесс. Отрицание старой стоимостной формы связи одновременно является и зарождением предпосылок новой формы связи. Чем, как не этими предпосылками, отрицается стоимостная форма связи? Капиталистические «условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки для нового общественного строя*»¹.

Отрицание стоимостной формы связи и зарождение предпосылок непосредственно общественной связи — единый по своей сущности процесс. Поэтому выявление этих предпосылок должно идти не путем анализа преобразований в организационной и технологической структуре первичных звеньев современного капиталистического производства — монополий (хотя это крайне необходимый аспект исследования), а путем исследования изменений в самом механизме действия экономических законов капитализма в условиях империалистической фазы его развития. При этом, разумеется, нельзя забывать того, что возникновение и развитие новых функций системы экономических

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 449.

законов капитализма не могут рассматриваться вне возникновения и развития новых элементов в недрах старой структуры. Вне этого не могли бы возникнуть и новые функции системы в целом.

Появление новых функций и новых структурных компонентов не параллельные, а взаимоположенные и взаимопологающие процессы. Появление новых функций предопределяет возникновение новых структурных компонентов, реализующих эти функции лучше, нежели старые компоненты. Наоборот, развитие этих новых компонентов предопределяет дальнейшее изменение функциональной направленности всей системы компонентов, поскольку чисто количественные изменения неизбежно перерастают в изменения качественные. Например, рост уровня обобществления производства, происходящий на основе концентрации и централизации производства, в рамках старой функциональной природы капитализма рано или поздно приводит к возникновению элементов непосредственно общественной связи и соответствующей планомерной формы движения. Иными словами, на основе количественных изменений в экономической структуре капитализма начинается перестройка ее функций. В свою очередь изменения в сфере производства вызывают к жизни слияние промышленного, торгового и ссудного капитала. Синтез ранее обособленных форм капитала приводит к изменению функций каждой из этих форм и появлению принципиально новых функций интегративного характера. Именно в этой плоскости В. И. Ленин исследовал процесс перерастания капитализма эпохи свободной конкуренции в империализм и дальнейшее его развитие в государственно-монополистический.

Указанные процессы всецело обусловлены тем обстоятельством, что система экономических законов, присущих капитализму, релятивна по своей природе. Иными словами, система экономических законов, воспроизводя определенную экономическую структуру, не остается неизменной; она находится в постоянном развитии. Самовоспроизводство системы производственных отношений неразрывно связано с ее изменениями и в конечном счете с самоотрицанием, так как процесс ее развития содержит в своей основе единство и борьбу противоположностей ее генетического начала. Поэтому и любой закон данной экономической системы выполняет двойную функцию: с одной стороны, самовоспроизводства системы, с другой, ее изменения и развития. Следовательно, сами законы есть одновременно и законы покоя данной системы и законы-тенденции ее изменения. В этом последнем качестве экономические законы заключают в себе не только источник развития данной структуры, но и основу своего собственного изменения и отрицания, а поэтому и порождают перестройку структуры и функций системы данного способа производства. Материальные предпосылки нового способа производства зарождаются в недрах старого на основе развития его собственных противоречий, проявляющихся в том, что

рядом с самовоспроизводством система производственных отношений обретает и новые функции, начинает перестраиваться.

Исходя из изложенного выше, рассмотрение материальных предпосылок непосредственно общественной связи не может быть завершено в рамках анализа тех или иных явлений, характеризующих изменения в структуре капиталистических производственных отношений. Не отрицая определенной самостоятельности исследования таких проблем, как возникновение элементов планомерности в рамках монополий, появление новых функций банковского и торгового капитала, изменения в направлении вывоза капитала, следует помнить, что сами по себе, взятые вне указанной выше двойкой определенности процесса развития, они не могут дать представление о процессах не только предопределяющих смену капитализма социализмом, но и детерминирующих их связь в рамках капиталистической системы. Анализ материальных предпосылок социализма в плоскости их структурной определенности наталкивается на определенные трудности. Например, практически невозможно определить, как элементы планомерности, возникающие в недрах монополий, изменяют специфику экономических связей на уровне всего народного хозяйства. Переход от монополистического капитализма к государственно-монополистическому не может быть понят на основе анализа только уровня обобществления производства, поскольку даже на высшей стадии капитализм не обобществляет производство в рамках хотя бы отдельных отраслей. Поэтому, говоря о материальных предпосылках социализма, необходимо исходить из взаимосвязи действия законов покоя и законов-тенденций изменений и перестройки. Более того, следует помнить, что общий результат действия системы законов далеко не сводится к сумме действия его отдельных слагаемых. Система законов, взятая в целом, обладает особыми метасистемными свойствами, которые и определяют ее функциональную природу. Поэтому материальные предпосылки социализма, если их рассматривать не как изолированные изменения системы капиталистического способа производства, а как нечто целостное, могут быть поняты лишь на основе изменения метасистемных свойств данной системы экономических законов. Анализ же отдельных явлений, процессов должен быть органически подчинен исследованию изменений этих последних.

В экономической литературе, посвященной вопросам современного капитализма, материальные предпосылки анализируются в основном лишь в плоскости структурных изменений в экономике капитализма. При всей важности такого анализа приходится констатировать, что большинство работ подобного рода отличаются друг от друга лишь объемом и временными характеристиками рассматриваемого материала. Общий существенный недостаток такого рода исследований заключается в отсутствии изображения реальной диалектики процесса подготовки материальных предпосылок перехода к социализму. Это проис-

ходит в силу рассмотрения их в плоскости только структурных изменений в экономике современного капитализма, вне анализа тех новых функций, которые приобретает система в целом и которые по существу выходят за рамки ее воспроизводства. При одномерном изображении процесса подготовки материальных предпосылок социализма сами новые явления в экономике современного капитализма выступают как нечто такое, которое может быть усвоено старой структурой без существенного изменения ее основных параметров. Действительная же диалектика этого процесса состоит в том, что новые компоненты структуры и новые ее функции находятся в непримиримом противоречии с системой в целом, они подрывают и разрушают ее, порождая особенно острые конфликты. Именно в качестве таковых они выступают как реальные предпосылки социализма.

Таким образом, анализ исторических условий зарождения элементов непосредственно общественной связи в недрах капитализма должен раскрыть особые функциональные изменения в системе экономических законов капитализма. Вне этого невозможно уяснить, каким образом такие элементы этой связи, как реальные материальные предпосылки перехода к социализму, возникают в рамках системы производственных отношений капитализма. При этом очевидно, что такие функциональные изменения должны затрагивать не частные формы проявления экономических законов, а их всеобщий характер, должны находиться в прямой альтернативе к субстанциональной основе капитализма, к действию закона стоимости. В противном случае они вряд ли могут рассматриваться как предпосылки субстанционально иной системы отношений. Как отмечал К. Маркс, «нужно помнить, что новые производительные силы и производственные отношения не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона саму себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности»¹.

Наиболее существенными изменениями в механизме действия закона стоимости, обусловленными господством монополий, являются подрыв свободного перелива живого и ошестивленного труда в процессе внутри- и межотраслевой конкуренции, отклонение цен от цены производства и устойчивая тенденция к формированию монополично высоких цен. Не вдаваясь подробно в каждую из этих проблем, поскольку это выходит за границы предмета исследования данной работы, отметим лишь наиболее важные моменты, характеризующие, по нашему мнению, сущность изменений в механизме действия закона стоимости.

Как известно, свободная конкуренция, обеспечивающая межотраслевой перелив капитала и формирование цены производства, в чистом виде нигде никогда не существовала. Суть дела

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 229.

заключается в том, что «вообще конкуренция, этот важный двигатель буржуазной экономики, не устанавливает ее законы, а является их исполнителем. Поэтому неограниченная конкуренция не является предпосылкой истинности экономических законов, а представляет собой следствие — ту форму проявления, в которой реализуется их необходимость»¹. Конкуренция и монополия, как отмечал К. Маркс в «Ницше философия», всегда взаимно обуславливали друг друга. Монополия, являясь первой формой организации капиталистического производства, характерной для эпохи его зарождения, была ограничена развитием конкуренции, но именно ограничена, а не уничтожена. Поэтому господство монополий в современных условиях не может рассматриваться как абсолютно новый феномен. При исследовании процесса подрыва монополиями закона стоимости необходимо определить те принципиально новые явления в механизме его действия, которые характеризуют современный капитализм.

Монополии уже в эпоху становления капиталистического производства, несомненно, порождали тенденцию к формированию цен гораздо выше стоимости товаров. Однако экономической основой такого монополично высокого уровня цен являлось полунасильственное подчинение труда капиталу, полупеховая государственная регламентация деятельности промышленных монополий и их «привязанность» к мировому рынку. Первоначальная монополия покоилась на купеческом и ростовщическом капитале, унаследовав от них основу присвоения прибавочного продукта. Развитие промышленного капитала, уничтожающее первоначальное господство этих допотопных форм капитала, подчинившее и преобразовавшее их в соответствии со своей собственной природой, уничтожило и господство монополии, но не устранило, да и не могло устранить монополистическую форму организации производства вообще.

Монополии как отличительный признак империалистической стадии развития капитализма вырастают уже не из монопольной формы организации производства, а из финансовой капитала и адекватной ему формы подчинения труда капиталу. Они являются следствием действия закона стоимости, а не предпосылками его развития, как это было ранее. Соответственно только теперь монополии и можно рассматривать как форму организации производства, имманентную капитализму.

Эта новейшая монополия выступает не просто формой концентрации и централизации капитала, не просто формой прямого регулирования производственного процесса, а и предпосылкой, характеризующей модификацию традиционного стоимостного отношения между трудом и капиталом. Эпоха свободной конкуренции, т. е. эпоха действия закона стоимости

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 46.

в наиболее чистом виде, характеризуется стоимостной формой подчинения труда капиталу. Капитал постоянно находит на рынке свободную рабочую силу, подчиненную ему стоимостным образом и воспроизводимую в процессе производства прибавочной стоимости на основе действия закона стоимости. Именно поэтому К. Маркс, рассматривая в «Капитале» процесс производства прибавочной стоимости, исходил из подчинения труда капиталу на основе действия закона стоимости как из сложившегося факта. Он отмечал, что «вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически»¹.

В монополистический период отношение труда и капитала как отношение стоимостного обмена живого и овеществленного труда проявлялось не только в виде свободной неограниченной конкуренции капиталов, но и, что не менее существенно, в виде неограниченной конкуренции среди рабочей силы за условия ее приложения. Как отмечал К. Маркс, «конкуренция между рабочими является лишь иной формой конкуренции капиталов»².

Формирование монополистической формы организации капиталистического производства как всеобщей нормальной формы сопровождалось подрывом не только свободного перелива овеществленного труда в межотраслевом разрезе как одного из наиболее существенных условий конкуренции, но и свободного перелива живого труда. Это и привело к ограничению конкуренции в среде рабочего класса.

Суть дела заключается в том, что усложнение системы материального производства приводит к тому, что труд становится не просто придатком к системе машин, но и требует определенного, причем зачастую довольно высокого развития личности работника³. Это бесспорное повшество в системе подчинения труда капиталу вынуждена была зафиксировать и сама буржуазная политическая экономия в виде так называемой «структурной безработицы». Уровень развития производства привел к тому, что конкуренция между рабочими ограничилась определенными профессиональными группами. Более того, указанное обстоятельство привело к тому, что монополии, поставленные перед лицом совершенно новой для капитала проблемы — обмена заработной платы на рабочую силу в ее определенной про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 180.

² Там же, т. 46, ч. II, с. 154.

³ Как отмечает Р. Косолапов, в условиях современного капитализма «объектом эксплуатации постепенно все более становятся не только и не столько физические, сколько умственные способности работника» (Косолапов Р. Маркс современен всегда. — Коммунист, 1983, № 7, с. 24).

фессиональной форме, вынуждены были начать воспроизводство этой профессиональной способности сами¹.

Таким образом, монополии в эпоху империализма не просто модифицируют конкуренцию капитала и труда, не просто способствуют устойчивому отклонению цен выше стоимости товаров, они порождают прямое регулирование воспроизводства рабочей силы в ее определенной профессиональной форме. Капитал помимо своей воли должен был пойти на введение системы государственного образования и здравоохранения. Все эти явления, хотя и находятся в рамках стоимостного обмена труда и капитала, характеризуют тенденции развития, которые по своему содержанию противоположны ему. Прямое регулирование профессиональной структуры рабочего класса, создание системы здравоохранения по общей тенденции своего развития выходят за рамки товарной формы обмена между капиталом и трудом.

Империализм порождает существенные изменения в самом механизме воспроизводства труда и капитала. Конечным результатом капиталистического производства всегда выступало именно само это отношение как воспроизведенная предпосылка. «Если рассматривать буржуазное общество в его целом,— писал К. Маркс,— то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях»². В эпоху доомонополистического капитализма это отношение воспроизводилось через механизм действия закона стоимости. «...Поскольку капитал является отношением, и притом отношением к живой рабочей силе, потребление рабочего воспроизводит это отношение»³, постольку оно «воспроизводит рабочего как рабочую силу, способную быть обмененной на капитал, на заработную плату как часть капитала»⁴.

Монополии, разумеется, не уничтожают обмен капитала на труд, но они вносят в него элементы прямого неопосредованного движением потребительных стоимостей регулирования. Именно это обстоятельство играет наиболее важную роль при рассмотрении сущности тех изменений, которые вносит монополия в механизм действия закона стоимости, поскольку оно характеризует существенные изменения в рамках всего общества. Не умаляя значения анализа элементов плаомерности, возникающих в недрах монополий, нам представляется, что ведущую роль в изучении предпосылок возникновения непосредственно

¹ По свидетельству западногерманского социолога В. Литтека, под влиянием новой техники произошли существенные изменения содержания квалификации. Она стала включать в себя совокупность навыков, необходимых работнику не только для непосредственного выполнения своей работы, но и для продажи своей рабочей силы и гарантии рабочего места как источника дохода» (Соколова Г. Н. Важное направление исследовательских разработок.— Социологические исследования, 1983, № 1, с. 71—72).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 222.

³ Там же, с. 185.

⁴ Там же.

общественной связи должно играть рассмотрение форм развития прямого государственно-монополистического регулирования воспроизводства совокупной рабочей силы, выяснение закономерностей развития этого процесса и его влияния на всю систему отношений труда и капитала.

Однако исправильным было бы считать, что уже в недрах капитализма формируются готовые социально-экономические формы будущих социалистических отношений, которые после социалистической революции достигают своего полного развития. Такая постановка вопроса еще встречается в литературе.

Нам представляется, что материальные предпосылки социализма, зарождающиеся в недрах империализма, не могут рассматриваться в качестве сколь-нибудь завершенных экономических форм. Именно поэтому, говоря о предпосылках формирования непосредственно общественной связи на империалистической стадии развития, следует иметь в виду, что они зарождаются не в недрах первичных производственных звеньев (там могут возникнуть лишь новые организационно-экономические формы), а на уровне межмонополистических связей, т. е. на уровне всей экономики.

Сами эти материальные предпосылки не являются завершенными социально-экономическими формами, они выступают скорее как негативные тенденции в развитии старых экономических форм, как тенденции их отрицания. Определяющей тенденцией, как уже отмечалось выше, является модификация стоимостного отношения труда и капитала, т. е. в конечном счете тенденция к отрицанию товарной формы рабочей силы. Однако вряд ли из этого следует делать вывод о том, что данная тенденция — социально-экономическая форма, присущая капиталистическому способу производства. Экономической формой, определяющей специфику капитализма, является товарная форма рабочей силы, поэтому ее отрицание есть отрицание специфики капитализма, но это отрицание и есть зарождение предпосылок нового общества, становление новой экономической формы производителя. Именно эта тенденция и образует материальные условия для перехода к социализму. Новой экономической формой производителя, идущей на смену рабочей силы, выступает непосредственно общественный деятельный индивид, развитие которого не ограничено какими-либо односторонними его способностями.

Можно ли говорить о том, что такая экономическая форма зарождается в недрах капитализма? Разумеется, нет. Империализм модифицирует стоимостное отношение труда и капитала, расширяет объем потребностей и, как следствие, способности рабочего класса. Он порождает тенденцию к универсализации способностей рабочих и формирует материальные возможности для этого развития. «Культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями,— писал К. Маркс,— а по-

тому и потребностями,— производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества (ибо для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком),— тоже являются условиями производства, основанного на капитале¹. Вместе с тем рабочий продолжает выступать только в одной экономической форме — форме товара рабочая сила. До тех пор пока основой производства продолжает являться прибавочная стоимость, непосредственный производитель остается рабочей силой, которая обменивается на капитал. Так же как ранее капитал эксплуатировал физический труд рабочих, теперь он эксплуатирует их духовные способности. Рабочая сила остается товаром.

Новая форма социально-экономических отношений в недрах капитализма не возникает, возникают лишь ее предпосылки. Для того чтобы эти предпосылки превратились в ее собственную структуру, необходимо уничтожение всей экономической структуры капитализма. Прежде всего необходимо уничтожение исходного и основного отношений: стоимостного отношения как основы отчуждения способности к труду и отношения труда и капитала как всеобщей господствующей формы, определяющей жизнедеятельность членов общества. Только на этой основе предпосылки непосредственно общественной связи могут превратиться в социально-экономическую форму, могут определять процесс развития. Становление новой непосредственно общественной формы связи и отрицание капиталистического способа производства — взаимосвязанные, но существенно различные процессы. Отрицание капитализма не является даже предпосылкой социализма, тогда как становление непосредственно общественной связи характеризует сущность его возникновения и формирования. В недрах капитализма осуществляется лишь подготовка условий для отрицания экономической формы рабочей силы, само же это отрицание происходит уже за пределами капитализма.

Отрицание рабочей силы в качестве экономической формы непосредственного производителя начинается осуществляться только после социалистической революции. В течение всего переходного периода, до тех пор пока сохраняются эксплуататорские классы, пока существует государственный капитализм, продолжает сохраняться и отчуждение рабочей силы. Дело однако даже не в этом. До тех пор пока общество не овладевает воспроизводством профессионально-квалификационной структуры совокупного работника, сохраняется монополия работников на определенные формы и роды деятельности. Как следствие этого, сохраняются и все условия для обмена способности к труду на материально-вещественные блага, т. е. условия для отчуждения рабочей силы. Эти условия исчезают лишь в той

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 386.

мере, в какой общество, овладевая воспроизводством профессионально-квалификационной структуры совокупного работника, уничтожает монополию на ту или иную форму деятельности.

§ 3. ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ

Процесс развития генетической основы в системе производственных отношений, который характеризует формирование зрелой коммунистической структуры, осуществляется на основе развертывания ее внутреннего противоречия. Непосредственно общественная связь как субстанция всех экономических форм развертывается в целостное образование вследствие развития своего собственного, адекватного именно ей внутреннего противоречия. Поэтому выяснение закономерностей формирования экономической структуры социализма предполагает исследование этого противоречия, его анализ позволяет определить сущность процесса превращения непосредственно общественной связи из предпосылки развития коммунистического способа производства в его собственный результат¹.

В литературе эта проблема зачастую ставится еще с ног на голову. Закономерности развития социализма рассматриваются в плоскости развития исторически переходящей формы противоречия между непосредственно общественной формой связи и остатками (элементами) товарно-денежных отношений. Вследствие этого анализ внутренних закономерностей подменяется рассмотрением сугубо поверхностных форм и явлений. Уязвимость такого рода теоретических построений становится все очевиднее. Поэтому в последние годы стали предприниматься попытки превратить эти внешние формы во внутренние противоречия, присущие самой генетической основе социализма. Одной из таких попыток является постановка вопроса о двойственном характере непосредственно общественного труда. При этом игнорируется, что непосредственно общественная форма труда представляет собой прямую противоположность двойственному характеру труда. Утверждение о том, что в условиях социализма и конкретный, и абстрактный труд выступают как различные формы непосредственно общественного труда основано на смешении различных форм производственных отношений и соответствующих им научных понятий, выработанных теорией для обозначения этих форм.

¹ В этой связи уместно вспомнить, что В. И. Ленин, характеризуя сущность марксовской методологии, отмечал, что «анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (герметичные зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий в этого общества, в 2 его отдельных частях, от его начала до его конца» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318).

Поэтому, под каким бы благовидным предлогом ни происходило это смешение, оно не имеет ничего общего с действительно научным пониманием проблемы о природе внутреннего противоречия непосредственно общественного труда. Стремление «вмонтировать» двойственный характер труда в экономическую систему коммунистического способа производства независимо от того, о какой стадии идет речь,— приводит не только к теоретическим ошибкам, но и к негативным практическим последствиям. Абстрагирование от различий конкретных видов человеческого труда выступает не как процесс, который происходит в сознании теоретиков, а как совершенно объективный и потому независимый от какого бы то ни было познавательного процесса механизм сведения разных видов труда к абстрактно-всеобщему, т. е. труду вообще. Это сведение имеет место совсем не потому, что абстрактно-всеобщее существует и может существовать только как свойство, черта, сторона особенного. В этом случае такое сведение было бы просто невозможно. В системе товарного и капиталистического производства абстрактно-всеобщее само выступает в роли особенного. Это происходит потому, что в этих условиях именно труд, рабочее время становятся всеобщей основой богатства. И каждый конкретный вид труда может заявить о себе как о создателе одного из элементов этого богатства лишь постольку, поскольку он обнаружит себя не как конкретный, а как труд вообще, как всеобщий человеческий труд.

Стало быть, каждый отдельный вид конкретного труда оканчивается социально неравнозначен другому конкретному виду труда. Они оказываются социально равнозначными лишь будучи сведены к социально значимому труду, в роли которого выступает абстрактный человеческий труд. Следовательно, абстрагирование от различий конкретных видов труда происходит не потому, что все они являются разными, а потому, что они социально разные. Никто из товаропроизводителей не знает и не может знать, непосредственно создал ли он своим трудом общественное богатство — элемент совокупного продукта общества или он создал такую вещь, которая не нужна обществу, а следовательно, не обладает социальной ценностью. Таким образом, абстрагирование от конкретных видов труда — это процесс по существу социальный. Абстрактный труд — это не физиологическая, а социальная характеристика труда, хотя она и обусловлена затратой физиологической энергии. Однако эта затрата приобретает социальное значение и социальное содержание только в определенных общественно-исторических условиях, а именно в условиях товарного производства. Сведение труда к абстрактно-всеобщему — это необходимая форма движения противоречия между частным и общественным трудом и может иметь место только в условиях сохранения этого противоречия.

Но почему конкретные виды труда в системе отношений товарного производства оказываются социально разными и нуж-

даются в сведении их к труду абстрактно-всеобщему? Это сведение обусловлено самой природой товарного производства, где «равенство различных видов человеческого труда приобретает вещную форму одинаковой стоимостной предметности продуктов труда; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых осуществляются их общественные определения труда, получают форму общественного отношения продуктов труда»¹.

Утверждение же непосредственно общественного труда означает социальную определенность труда, рассматриваемого в его полезной, целесообразной форме. В этом случае специфическая социальная функция труда вообще просто перестает существовать. В условиях непосредственно общественного характера труда исчезает всякое рациональное основание для существования категории абстрактно общественного труда, который служит средством выражения скрыто общественного его характера. Таким образом, абстрактный труд — это категория системы отношений, в пределах которой труд каждого производителя непосредственно выступает как частный. В системе отношений непосредственно общественного труда категория абстрактного труда отсутствует не потому, что процесс создания продуктов освобождается от затраты труда в физиологическом смысле.

Такое утверждение было бы просто нелепостью, поскольку целесообразная форма труда и расходование труда в физиологическом смысле являются общими определениями всякого процесса труда и в этом смысле общими его моментами. Но двойственный характер труда обусловлен совсем не этим. Затрата труда в смысле расходования физиологической энергии лишь тогда характеризует абстрактный труд как экономическое понятие, когда по поводу этого расходования труда вообще возникают и функционируют определенные производственные отношения экономически обособленных производителей, когда затрата труда вообще выступает как способ реальной связи их независимых частных работ, т. е. когда он становится формой выражения общественного характера этих их частных работ. Только в этом случае расходование труда в физиологическом смысле становится носителем экономического отношения, а потому приобретает статус экономической категории.

В условиях когда труд носит непосредственно общественный характер, выражение общественной значимости труда каждого производителя не нуждается в сведении его труда к абстрактно-всеобщему потому, что он в своей целесообразной форме выступает как труд общественный, непосредственно социально значимый. Здесь его общественный характер проявляется в форме конкретного труда. Именно поэтому он и характеризуется как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 81—82.

непосредственно общественный. Утверждение непосредственно общественного характера труда, разумеется, не означает, что в процессе создания продуктов уже больше не расходуется труд в физиологическом смысле. Однако он перестает быть выражением определенного производственного отношения. Он остается моментом простого процесса труда и не принимает специфической общественной формы.

Стремясь обосновать сохранение «двойственного характера» затрат труда в условиях его непосредственно общественной формы, некоторые экономисты указывают на необходимость и в этих условиях достигнуть количественной сопоставимости различных конкретных затрат труда. Разумеется, категории количества и качества и их общедialeктическое соотношение сохраняют свое значение всегда, а значит, и в условиях непосредственно общественной связи. Однако проецировать это соотношение таким образом, чтобы обосновать двойственный характер труда в условиях его непосредственно общественной формы,— значит по существу оставаться на позициях, прямо противоположных диалектике, поскольку последние всегда требуют конкретного анализа конкретной ситуации. Когда речь идет о двойственном характере труда, т. е. о конкретном и абстрактном труде, то имеется в виду не просто соотношение количественной и качественной сторон труда, а конкретный труд и труд вообще, каждый из которых обладает своей собственной количественной и качественной определенностью. Конкретный труд не потому сводится к труду абстрактному, что он не обладает своей собственной количественной стороной. Такой стороной является рабочее время. И если бы рабочее время каждого отдельного производителя было социально однородным (а это имело бы место в том случае, если бы его труд носил непосредственно общественный характер, т. е. если бы конкретная затрата труда каждого выступала бы сразу, без опосредования обменом, как пропорциональная доля всего общественного рабочего времени), тогда сведение конкретного труда ко всеобщему человеческому абстрактному труду никакого смысла не имело бы. Рабочее время Робинзона, как известно, было распределено между различными видами затрат конкретного труда, но ему и в голову не приходило выражать его во всеобщей абстрактной форме. В этом не было никакого смысла, потому что каждый вид его конкретного труда с самого начала выступал как непосредственно значимая частичка всего того времени, которым он мог распоряжаться. Проблема сведения конкретных видов труда ко всеобщему абстрактному, а следовательно, и сведения индивидуального рабочего времени в качественно определенной форме затрат конкретного труда ко всеобщему рабочему времени возникает потому, что только таким образом труд отдельного лица включается в совокупный, т. е. всеобщий труд, затрата индивидуального конкретного труда становится общественно значимой, а продукт этой за-

траты оказывается составным элементом совокупного продукта общества.

Стало быть, здесь имеет место не соотношение между количеством и качеством вообще, а соотношение между социально определенным количеством и социально определенным качеством. Здесь налицо, следовательно, не просто счетно-бухгалтерская операция, а социально определенная счетная операция, т. е. процедура, обладающая специфически общественной определенностью. В случае же утверждения непосредственно общественного характера труда она просто потеряет свой социальный смысл, поскольку затрата труда в конкретной форме с самого начала будет означать затрату труда как конкретно-всеобщего. Характеризуя сущность этих изменений, К. Маркс писал: «Чтобы непосредственно быть *всеобщими деньгами*, труд отдельного лица должен был бы с самого начала быть не *особенным* трудом, а трудом *всеобщим*, т. е. должен был бы с самого начала фигурировать как звено *всеобщего производства*. . . Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим»¹. Таким образом, непосредственно общественный характер труда и его двойственный характер представляют собой исключаящие друг друга противоположности, на что указывал К. Маркс². Все это, разумеется, не означает, что в условиях непосредственно общественной формы труда уже более не существует различия индивидуального и общественно необходимого труда, как полагают некоторые представители экономической мысли, ссылаясь на то, что двойственный характер труда уже преодолен.

В условиях непосредственно частного труда различия индивидуального и общественно необходимого труда выступают как форма проявления противоречия конкретного и абстрактного, частного и общественного труда. Индивидуальный труд есть затрата труда отдельным производителем на производство определенного полезного эффекта. Однако если этот эффект оказывается за пределами общественной нормы, он перестает быть носителем общественной полезности, а потому и затрата труда на его создание перестает быть общественно значимой, т. е. необходимой обществу при данных структуре и объеме общественной потребности. Мерой затрат выступает, таким образом, общественная потребность.

Общество может израсходовать на производство данного полезного эффекта лишь столько труда, сколько необходимо этого полезного эффекта для удовлетворения общественной потребности. И только в пределах этой общей величины затрат рабочего времени индивидуальные затраты труда соотносятся с общественно необходимыми. Общественно необходимое рабо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 115.

² Там же, т. 23, с. 104 (прим.).

чее время здесь выступает как дробная часть всего общественного рабочего времени, затраченного на производство единицы полезного эффекта, который удовлетворяет общественную потребность. Если же рабочее время израсходовано сверх этого лимита, то оно выступает как совершенно напрасная затрата рабочего времени. Противоречие частного и общественного труда и состоит в том, что, прежде чем дело дойдет до сравнения индивидуального и общественно необходимого рабочего времени, труд уже должен доказать свою общественную значимость, т. е. его продукт уже должен стать необходимым составным элементом совокупного продукта общества. В условиях непосредственно общественного характера труда эта проблема не существует потому, что весь объем затрат труда, который воплощен в определенной массе полезных эффектов, выступает как непосредственно общественно значимый, а потому как единое целое образует общественно необходимые затраты труда. Однако в этой общей массе труда могут быть различия в размерах затрат на единицу одного и того же полезного эффекта.

Данное бесспорное обстоятельство далеко не всегда учитывается. Это приводит к тому, что наиболее общим недостатком, присущим большинству работ, посвященных анализу непосредственно общественного характера труда и его особенностям на социалистической стадии, является отождествление непосредственно общественного и товарного начал. В частности, написано, что «содержание исходного производственного отношения социализма и экопомической формы его осуществления охватывает субординированные непосредственно общественные и опосредованные черты, планомерность и товарность, не исключая какой-либо из этих форм из системы связей данного отношения. Здесь планомерность и товарность дополняют друг друга как необходимые элементы такого отношения»¹.

При такой постановке вопроса исходное отношение, фиксирующее генетическую основу социализма (неразвитую форму его сущности), оказывается разнокачественным. Причем его полюса прямо противоположны друг другу. Поскольку же исходное отношение социализма является зародышем всей системы отношений коммунистического способа производства, взятого в целом, то вольно или невольно оказывается, что товарные отношения должны сохраняться и в сущности полного коммунизма. Разумеется, могут возразить, что товарные отношения характеризуют лишь исходное отношение социализма, а не коммунизма. Но и в этом случае дело обстоит не лучше. При таком подходе следует признать, что либо социализм и коммунизм обладают различными исходными отношениями и тогда социализм должен трактоваться как самостоятельный

¹ Агеев В. М. Экономические категории социализма: системный анализ. М.: Мысль, 1980, с. 75.

способ производства, либо же развитие социализма ведет к перерождению самого исходного отношения и уничтожению его товарной определенности. Однако и в последнем случае перерождение исходного отношения означает, что оно не является собственным исходным отношением социализма как первой фазы коммунистического способа производства. Кроме того, при такой постановке вопроса не исключена возможность теоретического обоснования того, что борьба непосредственно общественных и товарных начал как генетического зародыша системы отношений не приведет к победе именно товарных начал и преобладанию товарного производства.

Очевидно, что в такой плоскости выявить закономерности развития социализма на основе превращения непосредственно общественной связи в господствующую и всеобщую не представляется возможным. Позитивное решение вопроса возможно лишь на основе исследования ее собственного, внутреннего противоречия, на этой же основе можно будет уже и решать вопрос о соотношении непосредственно общественных и товарных начал в экономике.

Как уже отмечалось выше, непосредственно общественная связь, рассматриваемая со стороны своего собственного содержания, — это форма общественной связи индивидов, при которой, во-первых, достигнута ступень их универсального развития, во-вторых, их взаимные связи не опосредованы ни личной, ни вещной зависимостью, а существуют и функционируют как отношения самих индивидов, в-третьих, это форма общения индивидов, основные параметры которой сознательно устанавливаются самими индивидами на основе учета достигнутого уровня зрелости их материальных условий. Непосредственным материальным носителем такой связи может быть только индивид. Именно поэтому элементарной формой выражения непосредственно общественной связи являются отношения между индивидами, в которые они вступают в процессе производства условий своей социальной жизни. Такая форма выражения обусловлена самой природой непосредственно общественной связи: ведь последняя и есть не что иное, как непосредственное отношение индивидов. Вступающие в него индивиды выступают как материальные носители существенных качеств одной и той же общественной системы, притом всех ее качеств, всего богатства общественных отношений. В то же время это богатство выражается по-разному в каждом из индивидов, поскольку он — единичный субъект непосредственно общественной связи. Общее выступает как свойство, сторона, черта отдельного. Развитие и обогащение данного отдельного — это способ развития общего, но только в своей противоположности как развитие отдельного, особенного. Стало быть, полюсами единства противоположностей в данном случае выступают разные конкретные носители непосредственно общественной связи, так как их социальная общность принимает форму особенного, точ-

нее, оказывается стороной данного особенного. Разумеется, речь должна идти не о констатации этих всеобщих определенных формы выражения (проявления) непосредственно общественной связи, а о характеристике этой формы в ее непосредственной данности.

В литературе уже ставился вопрос об индивиду как исходном пункте в экономической теории коммунистического способа производства. Существенным недостатком этой концепции (несмотря на ее плодотворность) является то обстоятельство, что не разграничивается содержание экономической связи, конституирующей коммунизм, — непосредственно общественной связи и форма ее материального носителя — индивида. Индивид сам по себе без дальнейших определений мало что может дать для понимания сущности экономической структуры социализма, так же как, например, потребительная стоимость сама по себе не дает представления о стоимостной форме связи, воплощенной в товаре.

При анализе формы проявления непосредственно общественной связи в отношениях индивидов необходимо не просто констатировать тот факт, что они — ее материальные носители. Следует определить, в каком именно качестве они таковыми являются. Подобно тому как отдельный товар является воплощением стоимости лишь как определенная овеществленная частичка общественно разделенного труда, а не как продукт конкретной деятельности, так же и индивиды выступают носителями непосредственно общественной связи в своей не биологической, а социальной определенности. Разумеется, нам могут возразить, что индивиды всегда имели социальную определенность. Действительно, это так. Однако в данном случае речь идет не о социальной определенности вообще, а об определенности индивидов как носителей их собственной связи. Иными словами, если во всех докоммунистических формациях социальная определенность членов общества выражалась в чем-то отличном от их деятельности, то в условиях социализма человек впервые выступает как деятельный индивид, социальная определенность которого выражена в его непосредственной деятельности. Подчеркивая это обстоятельство, К. Маркс отмечал, что в условиях коммунистического способа производства труд «является напряженным человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»¹.

Таким образом, именно деятельная форма индивидов и служит материальным выражением специфики непосредственно общественной связи. Форма деятельности индивидов выступает формой проявления их собственной связи постольку, поскольку

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 110.

непосредственный труд перестает быть основой материального производства и в своей деятельности каждый человек проявляет себя в качестве непосредственно составного элемента общества в целом. Материальная деятельность людей становится не внешней целесообразностью, а формой их существования, формой проявления всех их жизненных сил и потенций. Именно поэтому деятельность, например, индивида А есть непосредственно общественная. Для установления ее общественной значимости никаких опосредствующих звеньев не требуется; она в своей особенной форме выступает как общественное действие. Однако особенная материальная деятельность индивида А, совпадая с непосредственно общественной по своему социальному характеру, не может совпадать с ней по объему именно потому, что это есть деятельность индивида А. Ведь все остальные виды деятельности бесконечного множества общественных индивидов также выступают как непосредственно общественные. Поэтому и деятельность индивида А должна быть распространена до пределов этой всеобщности, универсальности. Отношение рода деятельности индивида А к роду деятельности индивида Б есть та элементарная и вместе с тем наиболее общая форма, в которой их деятельности могут обнаружить свою принадлежность к этой общности. Стало быть, деятельность индивида А соотносится с деятельностью индивида Б не потому, что вне этого отношения они не могут выразить своего общественного значения, а потому, что это их значение ограничено в каждый данный момент пространственно-временными пределами, которые раздвигаются включением в отношение материальной деятельности другого индивида. Но А и Б не исчерпывают всех видов деятельности. Поэтому отношение А к Б должно раздвинуть свои границы, принимая всякий раз в зависимости от обстоятельств места и времени вид системы, которая постоянно развивается и обогащается.

Таким образом, противоречие непосредственно общественной связи состоит в том, что материальная деятельность индивидов образует конкретно-всеобщее как особая форма деятельности, но поскольку она есть деятельность конкретного индивида, постольку она ограничена во времени и пространстве, а потому должна реализоваться посредством других видов конкретно-всеобщей деятельности. Эта реализация и осуществляется в процессе обмена индивида своей деятельностью как процесс непосредственного воспроизводства социальной структуры общества.

На этой основе происходит развитие противоречия непосредственно общественной связи, которое обусловлено динамикой ее внутренней структуры, определяемой структурой общественных потребностей, по поводу которых возникают отношения взаимного общения индивидов. Это предопределяется не только возникновением все новых видов материально-про-

изводственной деятельности, но и необходимостью для каждого индивида в пределах своих возможностей их усвоения, так как лишь в этом случае может осуществляться нормальный процесс их общения. Противоречие как раз и состоит в том, что всякая новая потребность и всякая новая форма деятельности обвязывают индивидов усваивать эту новую форму, изменяя уже сложившуюся структуру.

Таким образом, в рамках самой непосредственно общественной связи возникает и развивается противоречие между социальной жизнедеятельностью человека и ее конкретной односторонней формой, в рамках же формы проявления на стадии социализма — противоречие между трудом как средством к жизни, т. е. относительно самостоятельной и обособленной формой деятельности, и социальной жизнедеятельностью индивидов. Труд как экономическое отношение еще относительно противопоставлен жизнедеятельности, вследствие этого последняя как всеобщее реализуется через свое единичное и относительно самостоятельно обособленное существование. По сути дела сохраняется перевертывание абстрактного и конкретного, конкретно-единичное выступает в качестве абстрактно-всеобщего. В результате действительным субъектом производства оказывается не деятельный индивид, а противопоставленная ему в известных пределах трудовая деятельность.

Вследствие этого, во-первых, непосредственный труд сохраняет свое значение для каждого члена общества как средство к жизни, а для общества — как главный фактор создания условий жизни; во-вторых, сохраняются социальные различия в труде, известная социальная закреплённость его за разными членами общества и обусловленное этим неравенство в материальном положении членов общества; в-третьих, каждый отдельный член общества продолжает оставаться в значительной мере непосредственным агентом технологического процесса; в-четвертых, в системе общественных потребностей преобладающее значение сохраняют потребности, непосредственно определяемые производством материально-вещественного богатства; в-пятых, именно поэтому преобладающей функцией контроля общества над своим собственным жизненным процессом выступает распределение ресурсов производства, и в частности трудовых, контроль за мерой труда и мерой потребления. Это предопределяет границы, характер и формы сознательного формирования потребностей членов общества и реальное содержание планомерности общественного производства, а потому и имманентной ей формы практической реализации — народнохозяйственного планирования.

В каком же отношении находятся эти моменты к непосредственно общественной связи? Последняя как внутренняя поддерживающая генетическая основа всего общественного организма здесь уже существует, функционирует и определяет характер и направление всего движения. Но она существует

в специфических формах, характеризующих первую ступень ее зрелости. Ее непосредственным материальным посетелем выступает индивид в конкретной социальной определенности работника, трудящегося, но пока еще социально закрепленного в известных пределах за каким-либо одним видом трудовой деятельности, которая сохраняет для него по преимуществу значение средства к жизни, постепенно превращающегося в непосредственный компонент его жизнедеятельности. На стадии социализма непосредственно общественная связь — это связь, которая осуществляется в процессе труда как условия создания материальных благ, поступающих в потребление членов общества в форме вознаграждения за труд. Реализуясь через труд, она детерминирует его непосредственно общественный характер. Что же характеризует труд как непосредственно общественный? Он является таковым прежде всего потому, что трудовые связи индивидов регулируются и контролируются обществом. Они материально обеспечиваются обществом и вознаграждаются им. Общество как концентрированное целостное выражение интересов и целей индивидов выступает, таким образом, не только как исходный и конечный пункт, но и как доминирующий фактор всего трудового процесса индивидов.

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА И ЗАКОН ЕЕ ДВИЖЕНИЯ

§ 1. ДИАЛЕКТИКА ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И СТРУКТУРНОЙ ОСНОВ

Генетическая основа способа производства выражает его наиболее абстрактную сущность, определяя объективные границы развития данной формации. Однако конкретно детерминировать его развитие она может взятая не сама по себе, а лишь в единстве с основным структурообразующим фактором данного способа производства, его основным производственным отношением. Только в связи с этим последним генетическая основа утверждается как его реальное, действительное начало. Отдельные компоненты генетической основы способа производства могут существовать и вне его исторических пределов. Это, например, имеет место с явлениями товарного производства и товарного обращения, которые возникли и функционировали задолго до капитализма, и с элементами непосредственной связи производителя со средствами производства, которые появились до социалистической организации производства. Но те и другие существовали в системе другого целого, т. е. не как наиболее общие определения системы в целом, а как относительно самостоятельные и обособленные элементы. Реальная же экономическая основа любой системы производственных отношений реализует свою истинность лишь в ее отношении ко всей этой системе, в особенности к ее основному отношению, которое определяет специфическую его сущность, характеризуя данный способ производства конкретно-исторически. Это объясняется тем, что, с одной стороны, основное отношение производства может возникнуть и действительно возникает лишь на основе всеобщего экономического отношения данной системы, т. е. является его историческим и логическим завершением, а с другой, только на основе этого отношения генетическая основа способа производства утверждается как действи-

тельная основа и воспроизводится уже как специфическое отношение данной системы. Наиболее отчетливо единство исходного и основного отношений выступает в условиях утвердившегося способа производства. В этом случае содержание генетической основы способа производства выражается и может быть выражено только в основном отношении данного способа производства. Посредством него исходное отношение воспроизводится как основное. Например в капиталистическом обществе стоимостное отношение, являясь всеохватывающим, существует и реализуется как всеобщая основа этого способа производства лишь будучи выраженным в отношении наемного труда и капитала, т. е. в производстве прибавочной стоимости.

Стало быть, всеобщая основа данного способа производства реально существует лишь в его специфической сущности, которая выражена в основном производственном отношении и основном экономическом законе. Поэтому только исследование их диалектики позволяет осуществить теоретическое воспроизведение исходного отношения.

В процессе утверждения любого способа производства на первых порах исходное отношение проявляет себя как альтернатива основному отношению старого способа производства. Это исходное отношение нового, становящегося способа производства начинает отрицать функциональную природу основного отношения старого, разлагающегося общественного организма. Это проявляется в том, что в рамках старой формы принуждения к труду происходит формальное изменение его основы.

Например, в эпоху перехода от феодализма к капитализму вначале происходит формальное подчинение труда ростовщическому и торговому капиталу. Труд формально самостоятельных мелких производителей подчиняется скупщику по существу на полунезкономическом принуждении. Это находит свое выражение в том, что торговый и ростовщический капиталы овладевают вначале даже не прибавочным трудом производителей, а их прибавочным продуктом. Изъятие прибавочного продукта у непосредственного производителя по существу мало чем отличается от изъятия денежной формы феодальной ренты. Различие лишь в том, что феодал изымает прибавочный продукт в виде денежного эквивалента на основе неэкономического принуждения, в то время как скупщик изымает прибавочный продукт у производителя не в денежном виде, а в виде безвозмездно присвоенного уже на основе полукэкономического принуждения части произведенной продукции в ее натуральной форме. По сути дела прибавочная стоимость как таковая здесь еще не получила самостоятельной экономической формы. Она непосредственно связана с натурально-вещественной формой прибавочного продукта. Именно поэтому на первых порах капитал не приобретает безразличия к своей нату-

риально-вещественной форме. Торговый и ссудный капиталы вначале проникают лишь в сложившиеся отрасли, новые отрасли как таковые не возникают. Это объясняется причинами двойного рода. Во-первых, как уже отмечалось, капитал овладевает не прибавочным трудом, а прибавочным продуктом. Следовательно, он еще не подчинил себе труд как таковой. Во-вторых, и в самом труде еще не произошло обособления способности к труду от самого труда, а следовательно, не сформирована еще и товар рабочая сила. Это свидетельствует о том, что стоимостное отношение, разлагая экономическую структуру феодального общества, не реализует себя в качестве действительно всеобщей формы. Сам процесс разложения выступает в виде подрыва стоимостными отношениями внеэкономического принуждения к труду. Именно поэтому в данном случае капиталистические отношения выступают лишь в своей наиболее абстрактной форме. Они реализуются не только через систему экономических форм своего исторического предшественника, но и через систему политико-правовых форм.

Стоимостное отношение, которое выступает как исходное для системы капитализма, не только содержит в себе генетические функции нового способа производства, но и является отрицанием структурных моментов предшествующего общественного организма, а потому в известном смысле является структурным моментом капитализма. Исходное отношение как таковое не отчленилось, не противопоставилось основному. На первых порах капиталистические отношения развиваются как единое целое, в котором генетические и структурные функции не расчленены. Говорить об исходном отношении в противоположность основному в процессе становления способа производства можно лишь в той мере, в которой функции развития противопоставлены функциям самовоспроизводства. Это обстоятельство получает свое завершение лишь в зрелой экономической структуре, процесс же становления характеризуется нерасчлененной структурой отношений. Это находит свое выражение в развитии методов присвоения вначале прибавочного продукта, а затем и форм прибавочной стоимости. Исходное отношение капиталистического способа производства (отношение стоимости) в процессе его становления выступает не только как генетический, но и как структурный компонент. Представляя прямую противоположность субъективированно-персоцифицированной форме внеэкономического принуждения к труду, оно не только разлагает это последнее, но и обеспечивает воспроизводство самих условий этого разложения. Поэтому стоимостное отношение выступает в процессе утверждения капитализма как фактор, определяющий его развитие, так и фактор воспроизводства сложившейся экономической структуры. Исходное отношение обладает и генетическими, и структурными функциями.

Указанная закономерность по своему характеру всеобща. Она присуща процессу перехода от одного способа производства к другому в целом. В общен историческом аспекте отчленение исходного отношения в самостоятельный феномен одновременно является развитием его собственной структуры и превращением в структурный компонент всей системы. Если первоначально вся система отношений выступает в определенности исходного отношения, то затем это исходное отношение определяется как лишь одна из сторон этой системы (пусть даже сохраняющая ее наиболее всеобщие свойства).

Аналогично обстоит дело и в процессе развития и становления социалистического производства. Развитие системы его отношений, вычленение основного отношения означает, что исходное непосредственно общественное отношение развивает свою внутреннюю структуру. Это находит выражение в том, что из характеристики прямого непосредственного соединения личного и вещественных факторов она превращается в характеристику движения всей системы и ее структурных компонентов. Речь прежде всего идет о том, что общество на первых порах овладевает движением не всех ресурсов и результатов материального производства в целом и даже не всего продукта в единстве его натуральной и стоимостной форм. Первоначально общество в лице государства овладевает преимущественно прибавочным продуктом в его стоимостной форме, что выражается в контроле за его аккумуляцией и использованием. Лишь постепенно общество начинает контролировать движение не только стоимостной, но и натурально-вещественной структуры прибавочного продукта. Это выражается в контроле за структурой и направлениями капитальных вложений, стремлении не допустить их распыленности. Именно овладение прибавочным продуктом вначале определяет становление и развитие системы социалистических производственных отношений. В этот период овладение обществом необходимым продуктом носит производный, в известной мере формальный характер. Всеобщность труда фиксирует признание его непосредственно общественной природы и означает, что необходимый продукт гарантируется обществом лишь в стоимостном виде. Натуральная структура необходимого продукта как таковая еще не контролируется обществом. Эта задача решается уже в ходе развития самой системы производственных отношений социализма. Развитие социализма и характеризуются тем, что лишь в меру овладения обществом прибавочным продуктом оно может контролировать движение необходимого продукта.

Задача повышения народного благосостояния, осуществление которой характеризует контроль за необходимым продуктом, может решаться лишь в меру контроля за движением прибавочного продукта. Лишь в процессе решения этой задачи происходит не только расчленение и обособление исходного отношения от основного, но и их дальнейшее развитие. В про-

цессе овладения обществом контролем за движением не только прибавочного, но и необходимого продукта в его натурально-вещественной форме происходит изменение и развитие внутренней структуры и основного отношения и соответствующего им основного экономического закона. Поэтому задача обеспечения полного материального благосостояния народа органически превращается в основу решения задачи всестороннего развития личности.

С момента обособления исходного и основного отношений как самостоятельных структурных компонентов характер их воспроизводства взаимообусловлен и взаимоположен. Развитие всей системы предполагает развитие и исходного, и основного отношений как моментов движения этой системы, а соответственно и развития их собственной внутренней структуры. Таким образом, речь идет не просто о том, что основное отношение является продуктом развития исходного отношения, поскольку оно генетически в нем заложено. Развитие исходного отношения в системе данного способа производства выступает также результатом развития основного отношения, как и развитие основного отношения является продуктом развития исходного. Поэтому мало ограничиться фиксацией генетической соподчиненности и субординированности исходного и основного отношений. Необходимо видеть и то, что их связь в каждый данный момент носит структурно-функциональный характер.

В литературе характеристика исходного и основного отношений дается лишь с позиций развития всей системы отношений, т. е. генезиса структуры. Но при этом упускается из виду то важное положение, что генезис структуры одновременно является перестройкой не только компонентов всей структуры, но и структуры каждого из ее компонентов. Иными словами, характеристика соподчиненности исходного и основного отношений страдает известной односторонностью. Анализ системы производственных отношений отдельно в плоскости исходного или отдельно в плоскости основного отношения неправомерен, поскольку он не включает свою противоположность. В сущности исходного отношения уже должны содержаться элементы основного отношения, и наоборот. Следует, далее, различать характеристику исходного и основного отношений как моментов становящейся системы и как моментов ставшей системы не только по отношению друг к другу, но и по отношению к самим себе.

Непосредственно общественная связь, например, как исходное отношение в плоскости ее генетической определенности вначале выступает лишь как непосредственное соединение личного и вещественных факторов производства. В процессе же общественного развития она уже выступает в плане воспроизводства этого непосредственного соединения в экономических формах. Контроль за прибавочным продуктом позволяет

воспроизводить принадлежность средств производства обществу экономическим путем. Но поскольку общество еще не в полной мере контролирует движение необходимого продукта, то соединение работника со средствами производства как непосредственное осуществляется лишь в пределах его профессионального круга обязанностей. И наконец, исходное отношение, взятое уже как структурный компонент системы производственных отношений, обладает качественно новой структурой. Контроль общества за движением необходимого продукта создает возможность того, что теперь непосредственно соединение личного и вещественных факторов производства наполняется реальным содержанием. Только теперь непосредственное соединение работников со средствами производства открывает возможность всестороннего овладения всей совокупностью форм человеческой деятельности.

Однако специфика реализации исходного отношения в процессе своего развития этим не ограничивается. Она находит свое выражение в тех непосредственных формах, в которых на поверхности явлений выступает становление непосредственно общественной связи. Речь прежде всего идет о том, что отрицается стоимостная форма соизмерения затрат труда. В противоположность ей как форма проявления непосредственно общественной связи появляется и приобретает определяющий характер плановое нормирование труда. Этот вопрос более чем очевиден, он не вызывает особых споров. Однако, поскольку сама непосредственно общественная связь индивидов как всеобщая основа социализма рассматривается либо только как генетический, либо только как структурный компонент, то и проблема соизмерения затрат непосредственно общественного труда решается в литературе, как правило, в двух основных формах. Первая — соизмерение затрат труда непосредственно в часах рабочего времени. Вторая — соизмерение затрат конкретного труда на основе сведения непосредственного труда к конкретно-всеобщему.

В обоих случаях вольно или невольно допускается абсолютизация одной из сторон двойственного характера труда. В первом случае признается наличие труда вообще, хотя и в непосредственно общественной форме, и, следовательно, его противопоставление конкретному труду (отсюда и появление непосредственно общественного труда вообще). Во втором случае, противопоставляя индивидуально-конкретный и всеобщеконкретный труд, эту двойственность помещают в рамки простого процесса труда, поскольку конкретный труд как таковой является его характеристикой. Следовательно, непосредственно общественный характер труда лишается социально-экономических черт и сводится к сугубо экономическим (общеекономическим).

Между тем, как уже отмечалось выше, в рамках характеристики труда как непосредственно общественного различия

между конкретным трудом и трудом вообще в любой его социальной форме не существует. Труд не может иметь различия между своим общеэкономическим содержанием и социальной формой. Двойственность труда есть характеристика только одной исторической ступени развития общества — капитализма, поскольку такая двойственность предполагает вещную всеобщность труда.

В условиях социализма всеобщность труда меняет свое содержание. Труд является не только основным источником общественного богатства, но и основным условием существования всех членов общества. Именно поэтому затраты труда каждого отдельного индивида с самого начала носят непосредственно общественный характер. Индивидуальный труд признается непосредственно общественным постольку, поскольку он является основой существования всех членов общества, однако непосредственно общественная природа труда характеризуется лишь в самых общих чертах, наиболее абстрактно. Дело в том, что труд каждого индивида до начала своего осуществления признается потенциально нужным для удовлетворения тех или иных потребностей общества. Реальное же удовлетворение общественных потребностей связано уже с самим осуществлением этого труда, с тем, в какой мере он будет реализовывать общественные потребности. Следовательно, объективно возникает необходимость соизмерения индивидуальных затрат труда в его непосредственно общественной форме. Иными словами, индивидуальный непосредственно общественный труд должен получить форму своего включения во всеобщий непосредственно общественный труд уже в самом процессе своего осуществления, а не после своего завершения.

Это включение осуществляется в форме установления и поддержания плановых нормативов труда, которые устанавливаются обществом на основе заранее определенных общественных потребностей. Таким образом, затраты индивидуального труда приводятся в соответствие с общественно необходимым не после завершения процесса труда, а уже в самом процессе его осуществления. Причем речь идет о нормативах затрат не только живого, но и овеществленного труда. Поскольку общественно необходимые затраты труда слагаются из затрат и живого и овеществленного труда, то общество, устанавливая эти нормативы, регламентирует их взаимосвязь и взаимозависимость. По сути дела, установление и поддержание этих нормативов выполняет не организационно-техническую, а социально-экономическую функцию. Такие нормативы экономически реализуют общепародную собственность на средства производства. Установление плановых норм расхода живого и овеществленного труда является не только и не столько средством контроля за расходом труда, сколько средством формирования пропорций между необходимым и прибавочным продуктом, средством установления абсолютных

величин необходимого и прибавочного продукта. В этом смысле плановое нормирование труда выполняет не столько технико-экономическую функцию, присущую обществу производству, сколько функцию движения непосредственно общественного труда. Благодаря этим нормативам общество гарантирует непосредственно общественную природу индивидуального труда.

Однако поскольку в пределах социалистической стадии развития реальной производственной единицей является первичное производственное звено в виде предприятия и объединения, то включение индивидуального непосредственно общественного труда во всеобщий непосредственно общественный осуществляется через включение индивидуального труда в совокупный труд коллектива предприятия, т. е. через признание непосредственно общественной природы коллективного труда.

На этой основе возникает двуединая задача. Во-первых, стимулирования не только индивидуального, но и коллективного непосредственно общественного труда. Во-вторых, преодоления различий технической оснащенности труда, связанных с различием фондовооруженности предприятий и ее структуры. Это в свою очередь предполагает динамичность нормативов, которые должны не допускать пивелировку индивидуального труда, покоящегося на различных способностях самих индивидов. В то же время эти нормативы должны исключать различия в производительной силе индивидуального труда, обусловленные различием фондовооруженности коллективного труда, непосредственно определяющие различия материального благосостояния как отдельных работников, так и коллективов первичных производственных звеньев. В противном случае неизбежны двойные последствия: во-первых, уравнилельное распределение; во-вторых, неравенство индивидуального непосредственно общественного труда, которое обусловлено неравенством вещественных факторов труда и противоречащее по сути дела самой природе непосредственно общественного труда. Наличие и того и другого подрывает систему непосредственно общественного труда.

Включение индивидуального непосредственно общественного труда во всеобщий является той формой, в которой он признается не только как предпосылка движения общества, но и как его результат. Это объясняется тем, что в конечном счете распределение материальных благ прямо пропорционально количеству и качеству индивидуального труда, определяется тем, насколько он признается моментом всеобщего непосредственно общественного труда. В противном случае, когда отсутствует механизм включения индивидуального труда во всеобщий непосредственно общественный, признание общественной природы труда происходит не в самом процессе его осуществления (через систему контроля за его расходованием),

а через движение продуктов труда. Это сразу же приводит к возрождению элементов товарных отношений и подрывает механизм функционирования труда как непосредственно общественного. Это и не удивительно, поскольку внутренним, организационным моментом включения индивидуального непосредственно общественного труда во всеобщий непосредственно общественный является процесс возмещения его затрат. Как уже отмечалось выше, именно в форме распределения материальных благ прямо пропорционально количеству и качеству индивидуального непосредственно общественного труда он закрепляется и воспроизводится как частица всеобщего непосредственно общественного труда.

Таким образом, характерной особенностью индивидуального непосредственно общественного труда является его воспроизводство на основе трудового эквивалента. Последнее имеет место не потому, что индивидуальный труд выступает непосредственно общественным, а потому, что он все еще служит основным источником богатства общества, а следовательно, и средством существования всех его членов.

Трудовая эквивалентность характеризует отношения между членами общества, но не в их непосредственной форме, а в снятом виде как общественное отношение, поскольку основой этого отношения является само общество. На первый взгляд может создаться впечатление, что в рамках непосредственно общественной природы труда имеет место опосредование. Однако в данном случае следует иметь в виду, что непосредственно общественные отношения лишь по форме неопосредованные. Дело в том, что даже неопосредованное отношение двух индивидов всегда опосредовано. Во-первых, опосредовано объектом, по поводу которого складываются эти отношения. Во-вторых, опосредовано результатом, в котором проявляются (материализуются) эти отношения. Следовательно, говоря о непосредственно общественных отношениях, нужно помнить, что речь идет не об уничтожении проявления этих отношений через что-либо, а об уничтожении отчужденной формы проявления этих отношений. При социализме общество не противопоставляет индивидам как нечто им чуждое. Поэтому те обстоятельства, что отношения трудовой эквивалентности проявляются не как личные отношения людей друг к другу, а как отношения, связанные с движением части совокупного продукта, не отрицают ее непосредственно общественной природы. Данное обстоятельство обусловлено тем, что, во-первых, все члены общества непосредственно включены в единую (производственно-потребительскую) ассоциацию и, во-вторых, как уже отмечалось выше, фонд личного потребления и количественно, и качественно, и по объему, и по структуре формируется всем обществом, не говоря о том, что все члены общества с самого начала находятся в равном отношении к объективным условиям производства.

Сохранение трудовой эквивалентности в пределах функционирования непосредственно общественного труда обусловлено тем, что индивидуальный непосредственно общественный труд включается во всеобщий непосредственно общественный в форме односторонне определенной профессиональной деятельности членов общества, для которых эта форма является одновременно и условием их существования.

Вследствие этого индивидуальный непосредственно общественный труд воспроизводится не только как момент движения всеобщего непосредственно общественного труда, но и как труд, профессионально ограниченный. Сама эта профессиональная ограниченность индивидуального труда имеет разное социальное значение. Именно поэтому нормативы, определяющие условия труда и его вознаграждения, обеспечивают воспроизводство работников как членов производственной ассоциации и, кроме того, в заранее заданной (условиями приложения труда) профессиональной форме.

Таким образом, уже в рамках движения непосредственно общественного труда как индивидуального существует определенное противоречие. Как непосредственно общественный индивидуальный труд предполагает безразличие к конкретной форме своего осуществления и, следовательно, подвижность приложения затрат, т. е. предполагает свободную смену членами общества своих профессий. Однако поскольку этот труд является основой производства богатства в материально-вещественной форме, то он предполагает воспроизводство существующей профессиональной структуры деятельности членов общества.

Это противоречие не имеет своей собственной определенности, отличной от общей определенности противоречия индивидуального и всеобщего непосредственно общественного труда. Индивидуальный непосредственно общественный труд противоречит его всеобщей определенности, поскольку, как уже отмечалось выше, он выступает единичной обособленной формой проявления непосредственно общественной его природы. Это противоречие снимается в процессе включения индивидуального труда во всеобщий. Однако в пределах самого непосредственно общественного труда, рассмотренного как индивидуальный, оно получает форму противоречия между трудом как профессионально закрепленной деятельностью и его непосредственно общественной формой. Существовая как момент более общего противоречия, оно снимается в ходе его разрешения. Вместе с тем это частное противоречие дает более полное понимание этого общего противоречия, поскольку последнее проявляется и реализуется в форме своего единичного. В пределах индивидуального непосредственно общественного труда указанное противоречие снимается в силу обеспечения обществом условий стирания профессиональных различий труда в рамках производства материального богатства. Выдвижение на передний

план непосредственно общественной природы труда приводит к тому, что ширится движение по овладению смежными профессиями, растет на этой основе количество комплексных бригад, профессионально взаимозаменяемых рабочих и т. д.

Движение противоречия между индивидуальным и всеобщим непосредственно общественным трудом выражается в стирании граней между сферами его приложения (производственной и непроизводственной), в усилении и расширении нематериальных стимулов деятельности (престижность, творческий характер деятельности и т. п.), поскольку эти последние выходят за рамки труда как условия существования. На этой основе происходит постепенное превращение природы труда как экономической формы в специфически социальный феномен, а соответственно и превращение его в первую жизненную потребность. Это означает, что отношения людей друг к другу формируются на принципиально новой основе. Они формируются как отношения, все более очищенные от связи с движением продуктов труда. Вследствие этого они получают форму более зрелых непосредственно общественных связей.

Одновременно с этим осуществляется и внутренняя перестройка структурной основы социалистического производства, поскольку процесс генезиса системы производственных отношений приводит к перестройке не только экономической структуры общества в целом, но и внутренней структуры каждого из ее компонентов. Если мы обратимся в поисках аналогий к «Капиталу» К. Маркса, то этот факт становится более достоверен. Как известно, К. Маркс указывал, что при капиталистическом способе производства именно капитал «образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение...»¹

В процессе становления капитала в качестве господствующего отношения его предпосылки воспроизводились товарным производством и обращением, которые «размывали» внеэкономическое закрепление производителя за средствами производства. В этом смысле отношение стоимости как базис товарного производства одновременно выполняло функцию генетической перестройки складывающегося общества и функцию воспроизводства новой складывающейся структуры. «Образование капитала не может иметь места, — писал К. Маркс, — кроме как на основе обращения товаров (которое включает и денежное обращение), следовательно, на уже данной, в известной мере развитой ступени торговли, между тем как, наоборот, производство товаров и обращение товаров отнюдь не предполагают капиталистического способа производства в качестве предпосылки своего существования... Они — историческая предпосылка капиталистического способа производства»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 394.

² Там же, т. 49, с. 4.

Становление же капитала в качестве определяющего отношения означает, что товарное производство и обращение превратились из предпосылки системы производственных отношений капитализма в ее собственный результат и что произошло качественное изменение в самом товарном производстве. «Превращение денег, которые сами суть лишь превращенная форма товара, в капитал имеет место лишь с тех пор, когда рабочая сила превратилась в товар для самого рабочего и, следовательно, категория товарной торговли уже овладела сферой, которой она прежде не касалась или касалась только спорадически»¹.

Таким образом, выделение основного отношения в качестве определяющего самовоспроизводство экономической структуры отношения по существу означает качественную перестройку не только всей системы отношений, но и каждого из них². Капитал как определяющее отношение буржуазного общества вырастает из отношения стоимости, но качественно отличается от него тем, что в качестве потребительной стоимости, противостоящей ему, предполагает только один единственный товар — рабочую силу.

В «Капитале» К. Маркс рассматривал основное производственное отношение двояко. Во-первых, в качестве воспроизведенного исходного отношения, при этом оно получает лишь самое абстрактное выражение. Превращение денег в капитал дает нам воспроизводственную форму товарного обмена, особенностью которой является выделение особого товара рабочая сила. Однако рассмотренное в такой плоскости основное производственное отношение само служит лишь предпосылкой воспроизводства экономической структуры капиталистического общества. В нем еще не раскрыты реальные условия его собственного воспроизводства. Именно поэтому К. Маркс показал действительный процесс воспроизводства основного производственного отношения. Соответственно основное производственное отношение анализируется в плоскости материального процесса его движения — процесса производства прибавочной стоимости, который и является действительным воспроизводством капитала в качестве господствующей и всеохватывающей формы. Именно здесь раскрывается, что «труд производит свои условия производства как капитал, а капитал производит труд как средство своего осуществления в качестве капитала, как наемный труд. Капиталистическое производство есть не просто воспроизводство этого отношения, оно есть его воспроизводство в постоянно возрастающем масштабе»³. Во-вторых, основное производственное отношение анализируется уже

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 5.

² В данном случае мы абстрагируемся от вопроса о том является ли основное отношение отдельным или всеобщим. Эта проблема требует специальной разработки.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 115—116.

как результат движения всей системы, воспроизведенное через основной экономический закон. Теперь оно определено конкретно, как отношение, взятое не в своих абстрактных характеристиках, а в полном объеме, как действительно господствующее и определяющее условия существования капиталистического способа производства в целом.

Такой ход анализа основного производственного отношения имеет по существу общеметодологическое значение. Аналогично обстоит дело и при характеристике основного отношения коммунистического способа производства.

Оно также может быть рассмотрено двояко. Во-первых, как результат воспроизводства исходного отношения. Этим фиксируется первый виток восхождения от непосредственно общественного отношения индивидов как предпосылки развития социализма к результатам его движения. В этом случае основное отношение получает лишь самое абстрактное определение, т. е. само оказывается лишь предпосылкой воспроизводства экономической структуры. Во-вторых, как результат движения всей системы, воспроизведенной через основной закон, т. е. уже конкретно, не как отношение отдельных индивидов — типичных носителей непосредственно общественного отношения, а как действительно всеобщее, реализующееся через воспроизводство индивидов как всеобщие развивающиеся личности. Если на уровне исходного отношения сущность социализма проявляется просто как непосредственно общественная связь индивидов, то на уровне основного производственного отношения эта непосредственно общественная связь обогащается определением целевой функции, она выступает как непосредственно общественная связь по поводу воспроизводства индивидов как всеобщие развивающиеся личности. Соответственно если на уровне исходного отношения индивиды выступают как непосредственные носители социальных свойств всей системы производства, то на уровне основного отношения эти свойства проявляются как стороны развития личности. Рассматривая индивидов в плоскости исходного отношения, мы видели, что каждый в отдельности, в своей конкретной единичной определенности проявляет свою всесторонность через отношение к бесчисленным социальным свойствам других, таких же односторонне определенных индивидов. В плоскости же основного отношения становится очевидным, что каждый в отдельности индивид устраняет свою однородность, перестает противопоставлять себе остальных как форму проявления своей всесторонности. Эта всесторонность становится одним из его собственных полюсов его развития.

Основное отношение социализма выступает прежде всего как отношение по поводу производства и воспроизводства всех членов общества как всеобщие развитые личности, как отношение воспроизводства деятельно-видовой структуры общества.

Однако в условиях социалистической стадии развития, поскольку живой труд работников продолжает оставаться основным источником общественного богатства и всеобщим условием существования всех членов общества, специализация родов и видов деятельности членов общенародной кооперации труда приводит к тому, что тенденция к всестороннему развитию индивидов выступает пока еще в специфической форме их всесторонней профессиональной подготовки в качестве работников.

Вместе с тем поскольку само это всестороннее развитие играет роль основного структурообразующего фактора развития коммунистического способа производства, постольку распределение членов общества по родам и видам деятельности оказывается детерминантой всех других материальных выражений отношений общения индивидов, в том числе и отношений, обусловленных процессом создания непосредственных материальных благ. Строго говоря, именно структура этого распределения и необходимость ее постоянного воспроизводства и выступает определяющим материальным фактором, который обуславливает необходимость постоянного изменения собственно производственной деятельности, направленной на создание непосредственных условий жизни. Подвижность структуры распределения членов общества характеризует действительное содержание всесторонности развития индивидов — это его материальное выражение и материальная форма. Уже применительно к социалистической стадии развития можно утверждать, что обусловленность материального производства структурой распределения членов общества по родам и видам занятий является атрибутивным признаком превращения труда в первую потребность жизни, поскольку непосредственный процесс материального производства становится теперь не предпосылкой жизни индивидов, а непосредственно входит в содержание самой жизни, определяя ее основу.

§ 2. ОСНОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ И ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Процесс развития социализма, как отмечалось выше, полагает не только изменение функциональной роли всех структурных компонентов системы производственных отношений, но и перестройку их собственной структуры. В предыдущем параграфе рассмотрены основные черты этой перестройки. Однако полностью раскрыть сущность этого процесса можно лишь после рассмотрения трансформации основного отношения, ибо лишь на его базе и через него непосредственно общественная связь реализует свою субстанциональную природу в качестве реальной всеобщности экономических форм.

Подобно тому как вычленение основного отношения капиталистического общества в самостоятельный феномен порождает закрепление всеобщности товарной формы за рабочей силой, так и вычленение основного отношения социализма полагает материализацию всеобщности непосредственно общественной связи за жизнедеятельностью каждого члена общенародной кооперации труда. Продолжая оставаться решающим фактором создания материальных благ, работники социалистического производства занимают в его структуре принципиально иное место, чем в условиях капитализма. Поскольку производство материально-вещественного богатства становится внутренним, а не внешним фактором деятельности всех членов общества, постольку сама эта деятельность утрачивает свой отчужденный характер, превращаясь в форму развития творческих сил человека.

Разумеется, социалистической стадии свойственны особенности, обусловленные сохранением остатков старого разделения труда и закреплением каждого члена общества в качестве определенного звена совокупной профессионально-квалификационной структуры. Вследствие этого происходит развитие не всех, а прежде всего профессиональных способностей каждого индивида.

Дело в том, что общественное разделение труда выступает в качестве фактора, фиксирующего верхнюю границу уровня производительности труда, не просто определяет наличие специализированных его звеньев, но и закрепляет, и притом пожизненно, членов общества за различными звеньями деятельности. Поэтому их личные способности, данные им природой или приобретенные воспитанием и обучением, могут развиваться не в соответствии со своими собственными закономерностями, а в соответствии с местом, которое определенным индивид или определенная группа членов общества занимает в системе общественного разделения труда. Развитие богатства субъективных сил индивидов оказывается подчиненным действию внешних и противопоставленных им законов социальной жизни, пока еще исключающих возможность выбора рода деятельности соответственно своим личным способностям и наклонностям.

В условиях общественного разделения труда каждый вид человеческой деятельности оказывается социально обособленным и социально отчужденным. Социальные противоречия, наиболее развитой формой выражения которых выступает классово-антагонистическая структура общества, выступают в качестве неизбежного следствия и необходимого составного элемента общественного разделения труда. Именно эти обстоятельства выражают достигнутый уровень общественной производительности труда. «...Пока человеческий труд, — писал Ф. Энгельс, — был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными

средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой. Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство»¹. Во всех докоммунистических формациях структура материального производства и уровень его экономического развития, определяемый состоянием производительности труда, детерминировали структуру распределения родов и видов трудовой деятельности в форме общественного разделения труда. Оно выступало в качестве наиболее мощного рычага развития материального производства вплоть до появления крупного машинного производства. Подчеркивая это обстоятельство, В. И. Ленин писал, что «на базисе ручного производства много прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло»².

Чтобы специализация трудовой деятельности перестала фиксироваться в закреплении различных видов работ за различными группами общества и противопоставлении их друг другу как особых социальных образований, должен быть достигнут такой уровень производительности общественного труда, при котором развитие материального производства освободилось бы от ограничений социального закрепления людей за различными видами деятельности. В свою очередь это предполагает такой уровень производительности труда, при котором производство выходит за пределы, полагаемые ресурсами живого труда и его дееспособностью. Материальным базисом, на котором возможно это преобразование, является система крупного машинного производства. Его развитие обуславливается мощностью вещественных факторов производства, которая в свою очередь зависит от состояния науки и возможностей утилизации новых научных идей и новых технических решений, новой технологии.

Крупное машинное производство коренным образом меняет сам принцип взаимоотношений между функционированием производства и структурой живого труда. Однако в условиях капиталистического производства система машин лишь усиливает присущие ему антагонизмы. Являясь материализованным бытием капитала, машинное производство противостоит рабочим как чуждая и враждебная им сила. Сокращая долю живого труда в процессе производства материальных благ, внедрение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 186.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 428.

машин увеличивает безработицу и усиливает степень эксплуатации трудящихся. Весь парадокс капиталистического применения машин заключается в том, что, подрывая определяющую роль живого труда в процессе создания вещей, они неизбежно ведут ко все большей его эксплуатации, поскольку не затрагивают стоимостной формы его потребления. Именно поэтому даже полная автоматизация при капитализме не может облегчить участь трудящихся, она меняет лишь характер потребления труда, но не уничтожает его эксплуатацию.

В условиях же социализма дело обстоит принципиально иначе. Социальная форма этого процесса определяется тем, что в ходе социалистической революции устанавливается действительная всеобщность деятельности и ее социальная однородность.

Это означает, что деятельность превращается во всеобщее средство к жизни, социально нивелируется. При этом, разумеется, сам характер деятельности со стороны своего содержания еще не претерпевает существенных изменений: Однако уничтожение социальных границ перемещения труда в рамках совокупной профессионально-квалификационной структуры общества означает, что уменьшаются и исчезают препятствия для смены форм деятельности в рамках производства как самого материального богатства, так и материальных и нематериальных благ. Следовательно, возникают условия для стирания различий между умственным и физическим, промышленным и сельскохозяйственным трудом не только по форме, но и по содержанию. Развитие машинного производства сопровождается выравниванием условий труда и, как следствие этого, преодолением профессиональной ограниченности, появляются рабочие, обладающие несколькими рабочими профессиями, и, что еще важнее, совокупные взаимозаменяемые производственные коллективы. Иными словами, стирание границ между различными формами деятельности единичных работников ведет к тому, что они перестают выступать главной производительной силой общества, а следовательно, различие их индивидуальной производительности утрачивает характер не только определяющего фактора производства материальных благ, но и основы, обуславливающей степень участия самих индивидов в процессе распределения материальных благ, а следовательно, перестает закреплять их единичность.

На основе повсеместного развития машинного производства происходит стирание граней между индивидуальным и коллективным работником, а затем между коллективным и совокупным работником. Как отмечал К. Маркс, «в этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве

общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида»¹.

Стирание границ между структурными элементами совокупного работника означает, что исчезает различие всеобщей производительной силы труда, представленной его кооперативной формой и воплощенной в системе машин, и индивидуальной производительной силы. Единичный труд уже не противостоит своей комбинации, он осуществляется через нее и вне ее не может существовать. Иными словами, исчезает различие индивидуальной и коллективной форм деятельности, любое проявление индивидуальной деятельности одновременно служит непосредственным проявлением коллективной деятельности. Данное обстоятельство находит свое содержательное выражение как в преобразовании вещественно-организационных условий деятельности, так и в коренном преобразовании общественного разделения труда.

Именно поэтому машинное производство в условиях социализма подрывает определяющую роль живого труда, поскольку речь идет о нем как о непосредственном компоненте технологического процесса. Однако при этом, поскольку условием развития машинного производства выступает развитие науки, роль человека в громадной степени усиливается.

Говоря о роли науки в условиях социалистического производства, необходимо иметь в виду существенно новое соотношение науки и производства. Нередко это соотношение трактуется традиционно. Считается, что ничего существенно нового при социализме не произошло: наука, как и прежде, детерминирована развитием производства и его потребностями. Конечно, с точки зрения каждого данного момента, действительно, складывается представление именно о такой детерминации. Однако с точки зрения социально-исторической динамики общества вопрос о соотношении науки и производства далеко не столь однозначен, как это может показаться. Дело в том, что даже в аспекте общеисторической динамики уже нельзя оперировать терминами «наука» и «производство» в их общем значении. С тех пор как материальное производство стало развиваться на основе машинной техники, оно перестало быть совокупностью традиционных, основанных на эмпирическом опыте средств производства, технологических процессов, транспортных устройств, методов контроля и наблюдения. Оно претерпело революционные преобразования в том смысле, что стало областью материализации научных знаний. Наука превратилась в своеобразное основание материального производства. Это значит, что все системы машинного производства (средства труда, технологические процессы, транспортные операции, методы контроля и управления производством) стали базироваться на применении не эмпирических, а научных знаний.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213—214.

Имея в виду современное ему состояние материального производства, К. Маркс писал: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание... превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»¹. Стало быть, уже в середине прошлого века реальный жизненный процесс, т. е. процесс материального производства, все более подчинялся всеобщему интеллекту, т. е. науке, которая уже тогда превращалась в непосредственную производительную силу.

Что же можно сказать в таком случае о соотношении реального жизненного процесса социалистического общества и системы научных знаний, имея в виду современное состояние того и другой? Современное материальное производство до такой степени преобразовано наукой, что, не имея общего или специального среднего образования, практически невозможно выполнять трудовые операции станочника². Сейчас следует говорить не о соотношении материального производства и науки вообще, поскольку само материальное производство представляет собой опредмеченную форму научных знаний, а о соотношении эмпирического и научного аспектов материального производства, так как сама наука выступает по существу в двух формах — знаний и совокупности непосредственных моментов общественной практики. Не случайно поэтому рост национального дохода все в большей степени зависит от воздействия науки на непосредственных агентов материального производства. Например, если в 1960 г. за счет образования и квалификации было получено 21,8 % прироста национального дохода, или 31,6 млрд. руб., то в 1977 г. — 33,4 %, или 134,6 млрд. руб. В 1960 г. на 1 руб. расход на образование

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 215.

² Так, в литературе отмечается, что 13 % электротравм, 75 % брака машиностроительной промышленности и 30 % поломок инструментов происходят вследствие несоответствия квалификации работников выполняемой работе (Москович В., Аляшев В. Профессионально-квалификационная структура рабочих. — Вопрос экономики, 1979, № 6, с. 58).

и подготовку кадров приходилось 3,72 руб. национального дохода, а в 1977 г. — 4,95 руб.¹

Однако даже не эти последствия являются решающими. Дело в том, что интеграция науки и производства выступает конкретной материальной формой, в которой происходит перестройка основного производственного отношения. Стирание граней между физическим и умственным трудом, превращение науки в действительно всеобщую производительную силу неизбежно сопровождается вытеснением работников из сферы производства материальных благ и, как следствие этого, снятием профессиональной ограниченности самих работников.

Высвобождаемые рабочие вовлекаются в производство либо средств производства, либо нематериальных благ, и в первую очередь самих знаний, от которых зависит развитие вещественных факторов производства. Отсюда возрастает роль науки в целом в обществе, а соответственно и роль творческих начал, умственного труда в производстве материальных благ. В первом случае это означает, что общество осуществляет все большие затраты совокупного труда на развитие сферы науки и связанных с ней отраслей. Во втором случае это означает, что изменяется непосредственный характер деятельности даже в рамках производства материальных благ. Растет доля умственного интеллектуального труда, происходит перестройка самого характера этой деятельности, она профессионально усложняется в плане преодоления ограниченности единичной специализации отдельных производителей. Именно поэтому развитие человека в качестве посетителя всеобщей деятельности оказывается теперь в значительной степени самостоятельным фактором, движение которого уже не ограничивается рамками только материального производства. На базе всеобщего труда происходит формирование универсальных потребностей индивида, поскольку этот труд требует для своего осуществления универсально, т. е. всесторонне, развитых личностей. Вместе с этим наступает конец необходимости закрепления деятельности, а потому и противопоставлению ее различным особым форм, т. е. общественному разделению труда, понимаемому в смысле единства противоположностей специализации и социального обособления.

Таким образом, на основе развития самого материального производства, роста производительности общественного труда, утверждения системы крупного машинного производства и выхода общественных отношений за непосредственные пределы собственно производства материально-вещественных благ происходит изменение соотношений между этим последним и структурой распределения членов общества по видам деятельности, процесс воспроизводства общества принимает форму воспроизводства преимущественно самого человека без каких-либо опло-

¹ ЭКО, 1981, № 1, с. 150.

средований (кроме опосредования самой формы его общественной организации), отношения между членами складываются уже не по поводу условий и результатов производства, распределения и обмена материальных благ, а по поводу условий, обеспечения воспроизводства весьма подвижной и динамичной структуры совокупной деятельности членов общества.

В свою очередь изменение характера деятельности, превращение индивидуальной деятельности в непосредственное проявление всеобщей коллективной деятельности означает, что каждый производитель (член общества) должен относиться к вещественным факторам производства как к предпосылкам не только и не столько своего индивидуального труда, а труда всего совокупного работника. Овладение вещественными факторами происходит именно путем овладения самой формой деятельности, а не как чего-то противостоящего ей. Поскольку в условиях непосредственно общественного производства нет противопоставления индивидуального и общественного труда, настолько и условия индивидуального труда не противостоят комбинации вещественных факторов, они едины в своей сути. Овладение условиями индивидуального труда является овладением не факторами комбинированного труда, а самим комбинированным трудом. Общественное богатство выступает уже не в материально-вещественной форме, а в виде самого деятельного человека, поэтому и овладение условиями труда является овладением каждым членом общества своей собственной природой в качестве составного элемента деятельности общества.

Указанное обстоятельство изменяет структуру производственного аппарата в двух взаимосвязанных направлениях. Во-первых, преобразование профессионально-квалификационной структуры деятельности порождает соответствующее преобразование организации и управления развитием народного хозяйства. В качестве главной целевой функции выдвигается управление производством и воспроизводством самой деятельной структуры общества. Это требует перестройки системы управления общественным производством не только с формальной, но и с содержательной стороны. Во-вторых, овладение индивидуальными условиями труда как условиями непосредственно общественного труда предполагает преобразование системы технологий. Речь идет об устранении узкоспециализированного оборудования, появлении и все более широком внедрении широкопрофильного, быстроперенастраиваемого оборудования и соответственно создания и совершенствования открытых технологических циклов. Техника и технология прогрессируют на основе не только применения безотходной технологии преобразования вещества природы, но и во все большей степени развития личности. Именно эта область отношений выступает непосредственным предметом изучения в системе политической экономии, поскольку речь идет о коммунистическом способе производства. Этим изменением определяется содержание

перестройки основного структурообразующего фактора в процессе перехода от производственно-экономической системы (в пределах которой отношения складываются по поводу производства материальных благ) к социально-экономической системе (в пределах которой отношения складываются по поводу производства и воспроизводства социальной определенности человека).

Так обстоит дело, если рассматривать процесс кристаллизации основного производственного отношения со стороны его внутренней сущности безотносительно к его движению. Однако, как отмечалось в предыдущем параграфе, такой его анализ даст лишь самое абстрактное определение, он неизбежно должен быть дополнен рассмотрением тех реальных форм, в которых и через которые осуществляется перестройка структуры основного отношения. Как известно, К. Маркс в «Капитале» определял основное производственное отношение через анализ форм прибавочной стоимости. Рассматривая сущность движения основного производственного отношения через основной закон капиталистического способа производства, он вместе с тем вскрыл действительный процесс подчинения труда капиталу. Особой проблемы вычленения основного производственного отношения и рассмотрения его вне процесса развития форм прибавочной стоимости перед ним и не стояло, поскольку речь шла о структурной соподчиненности исходного и основного отношений.

При исследовании процесса генезиса экономической структуры необходимо различать генезис структуры исходного отношения и генезис структуры основного отношения для того, чтобы вскрыть действительную основу превращения предпосылок в собственный результат развития коммунистического способа производства. Недостаточно показать, что непосредственно общественная связь обретает реальную всеобщность, только материализуясь в жизнедеятельности самих индивидов, необходимо показать, что и сама эта жизнедеятельность является действительной формой всестороннего развития творческих сил человека. Именно поэтому анализ перестройки структуры основного производственного отношения может быть завершен лишь на базе выявления тех изменений, которые происходят в механизме действия основного экономического закона¹.

Основной экономический закон как закон воспроизводства основного отношения характеризует движение его полюсов. Именно поэтому перестройка основного производственного отношения ведет к тому, что и сам основной закон в процессе развития социализма не остается тождественным самому себе, из-

¹ В литературе справедливо отмечается, что «основной экономический закон социализма выступает как закон движения основного отношения социалистического производства, как форма разрешения заключенного в нем неадаптивистического противоречия» (Основной экономический закон социализма. М.: Паука, 1978, с. 133).

меняются не только формы его реализации, развивается его собственное содержание. Этим и объясняется тот факт, что в литературе сложилось по существу два определения основного экономического закона.

Первое характеризует содержание основного экономического закона как закона наиболее полного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей. В этом определении подчеркивается наиболее общее выражение целевой функции социалистического производства применительно к той стадии, когда развитие детерминировано производством материальных благ и непосредственной задачей является удовлетворение потребностей, определяемых сложившейся структурой совокупного работника в пределах сохранения специализированного труда. Это определение ориентирует, кроме того, на необходимость систематического изучения всей совокупности потребностей различных профессиональных групп общества.

Однако при этом оказывается недостаточно ясным, что именно подразумевается под наиболее полным удовлетворением потребностей общества. Если рассуждать абстрактно, всякое общество так или иначе стремится наиболее полно удовлетворить существующие потребности, так как без этого невозможно нормальное функционирование общества.

Таким образом, рассматриваемое определение основного экономического закона неполно и недостаточно конкретно характеризует его содержание именно как закона движения основного (структурообразующего) отношения коммунистического способа производства.

Другое определение основного экономического закона, согласно которому коммунистический способ производства подчинен потребности обеспечения полного благосостояния и всестороннего свободного развития всех членов общества, несомненно, имеет преимущества перед первым определением. Здесь совершенно однозначно определяется характер потребностей, подчеркивается их специфическое содержание, которое отличает коммунистический способ производства от его исторических предшественников. Главное достоинство рассматриваемого определения основного экономического закона состоит в том, что в системе потребностей общества выделяется ведущая потребность, которая доминирует над всеми остальными, образуя ядро всей их совокупности.

В ряде работ авторы, хотя и подчеркивают преимущественно социальное содержание основного экономического закона, при определении его материального носителя по существу отказываются от этого и дают чисто опредмеченную трактовку его содержания. Поэтому при конкретной характеристике материальных условий обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития личности и тем более при характеристике количественного выражения основного экономического закона социализма зачастую говорят уже не о преодолении профессио-

пальной ограниченности работника, а о продукте, в составе которого специально выделяется фонд благосостояния и всестороннего развития личности. В итоге оказывается, что и основное производственное отношение, и основной экономический закон непосредственно связаны лишь с производством, обменом и распределением материально-вещественного результата социалистического производства. Продукт или его часть (в данном случае это не имеет принципиального значения) выступают как материальный носитель основной структурообразующей связи социалистического производства.

Между тем основной экономический закон — это закон воспроизводства всей системы общественных отношений. Действительным результатом его функционирования является данный тип общества (всего общества), а не какой-либо его отдельной структуры. Было бы, разумеется, неправильным отделять функционирование основного экономического закона социализма от движения продуктов — средств производства и предметов потребления (и те, и другие образуют материально-вещественное содержание циркуляции вещей в любом обществе независимо от его общественной формы). Речь идет о другом.

Из изложенного выше следует, что продукт независимо от того, идет ли речь обо всем общественном продукте или какой-либо его части, не может быть материальным носителем ни основного производственного отношения, ни основного экономического закона коммунистического способа производства. Если он является таковым — значит, ему присуща особая общественная функция, отличная от его натуральной функции, а следовательно, отношения между людьми здесь опосредованы вещами. Это обстоятельство и служит основанием для некоторых экономистов трактовать производственные отношения социалистического общества как вещные.

Представление о продукте или о его определенной части как материальном носителе основного экономического закона социализма по существу является основанием концепции оптимального функционирования экономики. В этой концепции критерием оптимальности выступает максимизация интегрального фонда потребления или (что по существу одно и то же) фонда благосостояния и всестороннего развития личности. Этот же критерий трактуется и как критерий эффективности социалистического производства. И хотя эта концепция содержит немало весьма полезных и плодотворных идей, которые, несомненно, должны быть использованы политической экономией социализма, трактовка целевой функции социалистического производства как максимизации интегрального фонда потребления представляется несостоятельной, если иметь в виду содержание основного экономического закона коммунистического способа производства в целом. В лучшем случае такая трактовка допустима, и то с весьма существенными оговорками, применительно к условиям социалистической стадии. При исследовании зако-

номерностей функционирования производственных отношений социализма и определения ближайших и отдаленных перспектив их развития необходимо оисрировать не понятием основного экономического закона вообще, а определить ту конкретную форму, в которой он объективно действует на стадии социализма. Именно этой конкретно-исторической формой его действия определяются характер экономической политики, формы и методы управления экономическим процессом.

Постановка и решение этого вопроса должны исходить из учета объективного состояния способа производства на этапе развитого социализма, материальных возможностей общества, достигнутой ступени обобществления производства, состояния и уровня производительности общественного труда, структуры общественных потребностей и степени их познания и других объективных характеристик экономической структуры. Исходя из имеющихся на этот счет теоретических исследований и фактического состояния дел, можно считать установленным, что на современном этапе экономического развития и в ближайшем будущем функционирование производственных отношений по критерию всестороннего свободного развития личности всех членов общества как объективной цели экономического роста может осуществляться лишь как господствующая тенденция, а не как непосредственная и ближайшая цель. Осуществление всестороннего развития личности именно в последнем значении является формой действия основного экономического закона, адекватной лишь высшей фазе коммунистической формации.

На социалистической же стадии развития, как подчеркивалось выше, всестороннее развитие личности пока еще выступает в форме развития профессиональных качеств работников, так как непосредственный труд выступает как средство к жизни, а процесс общественного производства в значительной степени еще детерминирован процессом создания материальных благ. Само производство этих благ должно достигнуть определенного состояния, прежде чем тенденция к существенному изменению соотношения производства и профессиональной структуры общества станет определяющей закономерностью функционирования общественных отношений.

Для достижения этого состояния, во-первых, должны развиться общественные потребности за пределами собственно потребностей существования, которые удовлетворяются производством материальных благ, должен быть окончательно решен вопрос обеспечения полного благосостояния всех членов общества. Пока он не решен, потребности непосредственного производства материальных благ, как и прежде, будут определять структуру занятости. Последняя сохранится в качестве результата, а не исходного пункта функционирования и развития общественных отношений. Во-вторых, непосредственный труд должен превратиться в действительно творческий, в форму самоутверждения и самовыражения членов общества. А это предполагает не

только окончательное устранение ручного тяжелого и тем более вредного физического труда, но и значительное облегчение труда для масс работников, занятых в системе материального производства. Кроме того, необходим значительный рост уровня производства материальных благ, более полное удовлетворение потребности в них на базе научно обоснованных норм, существенное развитие сферы бытовых и социальных услуг, повышение общей культуры членов социалистического общества, формирование и утверждение системы новых социальных потребностей и т. д.

Следует иметь в виду, что применительно к социалистической стадии развития непосредственно общественная связь между членами общества, устанавливаемая в результате насильственной экспроприации класса собственников средств производства, начинается воспроизводиться через основной закон постольку, поскольку именно рост материального благосостояния как основа перехода к всестороннему развитию личности обеспечивает непосредственным движением материальных благ отношение людей друг к другу. Это всецело обусловлено тем, что по мере вытеснения человека из сферы материального производства устраняется его профессиональная ограниченность и, следовательно, обеспечивается неограниченный доступ к средствам производства и, как следствие, неограниченные результаты или условиями труда отношение индивидов друг к другу.

Противоречие непосредственно общественной связи, воспроизведенное через основной экономический закон как противоречие всестороннего развития личности, является основой беспредельного движения коммунистического способа производства. Следовательно, и основной закон движения в этом смысле постоянно обогащается, видоизменяя место и роль структурной основы, он развивает и свою собственную сущность.

Именно поэтому применительно к социализму основной экономический закон и является, строго говоря, не только законом воспроизводства структурной завершенности, но и законом ее развития. В докоммунистических обществах основной экономический закон, воспроизводя структурную целостность системы производственных отношений, образовывал предел ее изменения (ее генотипическую и фенотипическую границы). В условиях же коммунистического способа производства дело обстоит принципиально иначе. Только генетически преобразуя экономическую структуру общества, он может выполнять свои структурные функции. Иными словами, только постоянно превращая рост благосостояния в основу всестороннего развития личности, может решаться задача обеспечения благосостояния.

Стало быть, поскольку основной экономический закон является законом воспроизводства структурной основы способа производства как главного структурообразующего компонента, он не может не выполнять генетических функций. Это вытекает не из общенсторических аспектов диалектики исходного и ос-

нового отношений, а, напротив, из специфической природы коммунистического способа производства и обусловленной именно ею специфики закона движения последнего.

Возникают вопросы: как же быть с производством материальных благ, т. е. созданием непосредственных условий жизни? Не означает ли развиваемая здесь точка зрения на основное производственное отношение и основной экономический закон социализма игнорирования материального производства, связи общества с природой, процесса труда как вечного и естественного условия человеческой жизни безотносительно к этапу и особенностям конкретно-исторической формы общества? На все эти вопросы следует дать отрицательный ответ.

Во-первых, производство и воспроизводство вещественного богатства, т. е. системы отношений между индивидами, опосредованной вещами, не было главным содержанием материальной деятельности и в условиях докапиталистических форм общества. Оно стало таковым лишь на основе производства меновой стоимости, т. е. при капитализме.

Во-вторых, если основным мотивом деятельности членов общества, определяющим стимулом общественного процесса производства становится только создание вещественного богатства, то неизбежно рано или поздно создается тупиковая ситуация. Общество в погоне за элементами общественного богатства как вещного богатства на определенной ступени своего развития вступает в непримиримое противоречие с природой. Обмен веществ между обществом и природой — это главное условие существования любого общества — настолько нарушается, что на определенном этапе это создает угрозу не только социальной, но и биологической жизни. Производство вещественного богатства на базе технологии и техники ближайшего будущего создает реальную угрозу экологической катастрофы. Современный капитализм наглядно подтверждает эту тенденцию.

В-третьих, в условиях сохранения системы производства вещественного богатства человек никогда не может достигнуть ступени зрелости развитого социального феномена, поскольку эта система исключает саму возможность превращения труда в органический составной элемент жизнедеятельности. Производство вещественного богатства как самоцель является завершающей стадией предистории человека и общества. Его подлинная история может начаться лишь за пределами этой ступени на путях развития самого человека, присущих ему потенций и способностей, т. е. его собственного развития как социального образования. В пределах производства вещественного богатства создаются лишь условия для социальной жизни, но люди еще не живут социальной жизнью.

В-четвертых, материальное производство остается основанием, без которого система социалистического производства существовать не может. Не может не только потому, что материальное производство продолжает сохраняться в качестве

одного из основных капалов связи общества с природой, но еще и потому, что, даже перестав быть посредником отношений между членами общества, оно сохраняет значение одной из главных арен самовыражения личностных сил человека, так как только в этой области человек выражает себя как родовое существо. Только в этой области он находит действительный критерий правомерности своей собственной деятельности и истинности ее результатов. Стало быть, переставая быть непосредственной ареной, характеризующей и определяющей способ жизнедеятельности членов общества, материальное производство тем не менее продолжает оставаться глубинным основанием царства свободы, т. е. фундаментом самой социальной жизни.

Таким образом, излагаемая точка зрения относительно природы основного экономического закона социализма никоим образом не игнорирует роли и значения материального производства в системе общественных отношений. Она лишь констатирует ту тенденцию, которая наметилась в соотношении сферы материальной деятельности по созданию непосредственных условий жизни и сферой той же материальной деятельности, результатом которой является непосредственно сам человек в его определенной социальной форме. Такое изменение есть по существу результат изменений в системе общественных потребностей, перемещения центра тяжести в сторону специфически социальных потребностей людей, оно материально подготовлено системой крупного машинного производства, которая первоначально возникает и в основном утверждается в капиталистической форме. Социализм наследует крупное машинное производство, продолжает и завершает процесс его развития, поскольку только в условиях новой социальной формы оно может в полной мере реализовать заложенные в нем возможности преобразования сил природы, поставив их на службу человеку. Но если развитие крупного машинного производства еще на основе капиталистической формы освободило человечество от абсолютного господства природных факторов, то тем более его дальнейшее развитие под воздействием новой социальной формы освобождает человека и от абсолютного, ничем не контролируемого господства социальных сил. Завершение процесса реализации возможностей крупного машинного производства в процессе развития социализма сопровождается не только тем, что непосредственно природные факторы перестают детерминировать социальную жизнь людей и превращаются в основание социальной формы движения. Завершение процесса развития крупного машинного производства и утверждение социальной жизни человека в качестве постоянно воспроизводимого результата по существу означают, что кроме этого непосредственно природного глубинного основания общественного развития сформировалось другое, «рукотворное» основание социальной жизни, в роли которого как раз и выступает материальное про-

изводство, существующее в форме вполне развитой промышленной системы. Именно она — наиболее фундаментальный базис социально-экономической формы общественных отношений, в пределах которой преобладающее значение приобретают непосредственные общественные отношения, т. е. отношения, не опосредованные предметными факторами процесса труда и его результатами. В этих условиях, следовательно, непосредственное материальное производство становится «второй природой», которая создана человеком и обмен вещества с которой обеспечивает существование как самого этого основания, так и всей социальной жизни. Но поскольку именно «вторая природа» создана человеком, то она и должна быть детерминирована потребностями его социального развития, т. е. потребностями, которые формируются под влиянием собственных законов социальной жизни, потребностями ничем не ограниченного развития человеческой деятельности, постоянного обогащения ее содержания и форм. Это обусловлено тем, что и само производство становится не столько сферой создания материальных благ, сколько сферой, в которой происходит формирование и развитие человеческих потребностей более высокого порядка — в труде, в творчестве, в самовыражении личности и т. д.

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОЦИАЛИЗМА

§ 1. СУЩНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ОБЩЕСТВА

Основной экономической закон коммунистического способа производства может осуществлять свое действие в формах, полностью адекватных его природе, лишь при наличии определенной материально-технической базы, обеспечивающей такой уровень общественной производительности труда, который необходим для полной реализации условий нормального функционирования этого способа производства. Поэтому на определенной ступени развития основного производственного отношения и основного экономического закона социализма его материально-техническая база начинает в процессе своего совершенствования подвергаться качественным изменениям и перестраиваться в соответствии с их внутренней природой. Этот процесс образует один из наиболее существенных аспектов совершенствования развитого социалистического общества.

Наиболее важными задачами, которые должны быть решены в процессе совершенствования социалистического общества, являются преодоление социально-экономических различий в труде и подготовка реальных материальных условий освобождения человека от функции непосредственного агента технологического процесса, создание условий его всестороннего гармоничного развития. Только в процессе решения этих задач можно достигнуть полного социального равенства всех членов общества, преодолеть остатки классовых различий и подготовить условия для окончательной ликвидации существенных различий между городом и селом, между умственным и физическим трудом. Именно эти задачи должны быть решены в процессе со-

вершенствования социалистического общества на основе развития и преобразования материально-технической базы социализма.

Отмеченные обстоятельства требуют самого пристального внимания к разработке теоретических основ проблемы формирования материально-технической базы коммунизма, поскольку только подлинно научное понимание ее сущности, места и роли в развитии социализма может позволить решать текущие вопросы совершенствования ее структуры, определять основные направления ее развития. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что в области общественных наук следует сосредоточить усилия на ряде проблем, к числу которых относится «исследование теоретических вопросов развитого социализма, создания материально-технической базы коммунизма и совершенствования производственных отношений»¹.

Необходимость углубленного исследования вопросов построения материально-технической базы диктуется не только их непосредственной практической значимостью, но и недостаточной разработанностью ряда аспектов ее социальной сущности, структуры и закономерностей развития.

В специальной литературе до сих пор еще нет единообразного понимания места и роли материально-технической базы в системе общественного производства. В значительной степени это объясняется тем, что данная проблема по простоте восприятия рассматривается в плоскости изменения моментов простого процесса труда, а не факторов общественного процесса производства. Поэтому спор в основном идет о структуре материально-технической базы, а не о ее сущности.

В настоящее время существуют три основные точки зрения по данному вопросу. Одни экономисты считают, что в состав материально-технической базы способа производства включаются как вещественные, так и личные факторы производства, т. е. по существу ставят знак равенства между понятием материально-технической базы и производительных сил. Другие же ограничивают состав материально-технической базы только вещественным составом производительных сил. Причем внутри этой концепции в свою очередь существуют три разные точки зрения.

Сторонники первой из них сводят материально-техническую базу к совокупности исторически определенных средств производства и технологии как производительной, так и непродуцирующей сферы деятельности человека².

Согласно второй точке зрения материально-техническая база коммунистического способа производства характеризуется как

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 145.

² Материально-техническая база коммунизма. Ред. колл.: Л. М. Гатовский, Е. И. Капустин, С. А. Хейнман. Т. 1. М.: Мысль, 1977, с. 9.

совокупность скомбинированных высокоразвитых средств или орудий труда¹.

Третья точка зрения заключается в понимании материально-технической базы коммунистического способа производства как господствующего во всех отраслях машинного производства, которое основано на достижениях науки и техники, и решающего социально-экономическую задачу, которая обусловлена типом собственности и основным экономическим законом формации².

Именно таким структурным анализом состава материально-технической базы и следует объяснить то обстоятельство, что при ее освещении основное внимание уделялось вопросам развития средств труда, технологии производства, формирования новых источников энергии, создания принципиально новых способов контроля и наблюдения за процессом производства и другим по существу техническим вопросам. При этом, конечно, указывалось, что на основе мощного развития техники и технологии будут происходить и определенные социально-экономические изменения, такие, как, например, утверждение творческого характера труда, преодоление остатков его старого разделения и т. д. Эти изменения однако трактовались как социальные последствия развития техники и технологии производства.

Конечно, то обстоятельство, что в процессе совершенствования материально-технической базы социализма действительно будут иметь место глубокие изменения технической основы современного производства, а также изменения системы социально-экономических отношений, едва ли может оспариваться. Суть вопроса, однако, состоит как раз в том, что сами изменения в техническом строе производства являются по своему характеру изменениями социальными. Материально-техническая база общества — явление отнюдь не техническое, а социальное. Именно в этом своем качестве оно входит в предмет политической экономии. Задача заключается в том, чтобы определить ее место в системе социально-экономических отношений, установить характер ее связи с другими компонентами этой системы, найти форму их реального взаимодействия. Решение этих вопросов в их совокупности и означает выяснение социально-экономической сущности материально-технической базы коммунистической формации.

Поэтому рассмотрение сущности и путей создания материально-технической базы должно быть начато с уяснения ее социально-экономической природы, ее связи с развитием системы производственных отношений и производительных сил.

Как известно, положение о том, что в основе процесса общественного развития лежит взаимодействие производительных

¹ Производительные силы социализма в условиях научно-технической революции. М.: Экономика, 1974.

² Лебедев В. Г. Материально-техническая база коммунизма (социально-экономическая модель). М.: Мысль, 1978, с. 21.

сил и производственных отношений, было сформулировано К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в одной из их первых совместных работ — «Немецкой идеологии». Пследую закономерности развития человеческого общества, они пришли к выводу о том, что «форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обусловливаемая производительными силами и в свою очередь их обусловливающая, есть *гражданское общество*», которое «обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил»¹.

Исходя из этого, К. Маркс сформулировал в предисловии к «Критике политической экономии» наиболее общие предпосылки познания закономерностей развития человеческого общества. Он писал, что «общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»².

Производительные силы и производственные отношения образуют внутреннюю структуру каждой исторически определенной формы общества, определяя характер хозяйственных, политических, моральных и других отношений. Поскольку эти категории были выделены К. Марксом в качестве всеобщей основы познания исторического процесса развития человеческого общества, постольку им уделялось самое пристальное внимание не только марксистами, но и буржуазными и мелкобуржуазными экономистами. Poleмика о сущности как производительных сил, так и производственных отношений, механизме их взаимодействия возникла еще в конце прошлого века.

Буржуазные экономисты, сводя сущность производительных сил к совокупности техники и технологии, обвиняли К. Маркса в механистическом подходе к анализу общественного развития, одностороннем детерминизме и т. д. Сознательно искажая основополагающее положение марксизма, они пытались убедить читателей, что «Маркс признает существование причинного ряда: определенное состояние техники — определенные формы производства — определенный порядок имущественных отношений»³.

Искажение закономерностей развития общества усугублялось еще и потому, что ряд лидеров социал-демократов, пропагандируя марксизм, допускали вольное толкование указанного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 35.

² Там же.

³ Там же, т. 13, с. 6.

⁴ Барт П. Философия истории как социология. С. П., 1902, с. 280

положения. Э. Бернштейн, Ж. Жорес, К. Каутский, А. Богданов способствовали отождествлению производительных сил с техникой и технологией. Так, например, К. Каутский считал, что «экономическое развитие в конечном счете есть ничто иное, как развитие техники, т. е. последовательный ряд открытий и изобретений»¹.

Такое понимание механизма общественного развития пришло к тому, что в нашей стране после социалистической революции довольно долго дискутировался вопрос о том, входят ли вообще производительные силы в предмет экономической науки или же их изучением должны заниматься естественно-технические дисциплины. Однако наряду с разработкой теоретических проблем развития общества, на повестке дня со всей остротой стоял вопрос практического преобразования системы материального производства, поскольку для окончательной победы коммунизма «нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил...»² Именно эта практическая потребность перестройки системы производительных сил, доставшихся социализму от своего исторического предшественника, в соответствии с характером социалистических производственных отношений и нашла выражение в требовании развития материальной базы социализма.

Уже в первом пятилетнем плане развития СССР было предусмотрено создать в нашей стране такую индустриализацию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, сельское хозяйство — на базе социализма. Понятие «экономическая база социализма» постепенно трансформировалось в материально-производственную, а затем и материально-техническую базу социализма, прочно войдя в арсенал экономической науки. Во всех учебных пособиях по политической экономии социализма содержалось положение о том, что «материально-производственная база социализма есть крупное машинное производство во всех отраслях народного хозяйства, основанное на высшей технике и труде работников, свободных от эксплуатации»³.

Сама постановка вопроса о практическом преобразовании системы производительных сил предопределила тот факт, что понятие материально-технической базы стало ассоциироваться с теми структурными элементами производительных сил, которые подвергались непосредственному изменению в ходе социалистической индустриализации: орудиями и предметами труда. Однако само же развитие системы орудий труда и привело к пониманию того, что сами по себе они не могут характеризовать новой материально-технической базы, поскольку

¹ Цит. по: Исторический материализм/Под ред. проф. Семковского. Харьков, 1922, с. 44.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

³ Политическая экономия/Под ред. К. В. Островитянова и др. М.: Госполитиздат, 1954, с. 377.

новые орудия труда требуют изменения сложившихся навыков труда, а следовательно, и развития самого работника. В свою очередь понять закономерности развития работника социалистического производства вне учета социальной специфики труда, формы его организации не представлялось возможным. Все эти обстоятельства и предопределили усиленное внимание к разработке сущности материально-технической базы, уяснению ее места и роли в механизме взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Определенная трудность решения этого вопроса заключается в том, что классики марксизма-ленинизма не употребляли понятия материально-технической базы способа производства, как уже отмечалось выше, оно было введено советской экономической наукой. Поэтому политическая экономия социализма первоначально искала ответ на вопрос о сущности материально-технической базы в ее структурных отличиях от системы производительных сил.

В последнее время такая постановка вопроса признана неудовлетворительной. Если подходить к материально-технической базе способа производства только как к совокупности структурных элементов производительных сил, то трудно ответить на вопрос о том, чем отличаются закономерности развития техники и технологии в различных социально-экономических системах.

Более того, необходимость пересмотра сложившихся на первоначальном этапе развития политической экономии социализма представлений о сущности материально-технической базы диктовалась и сугубо практическими потребностями ее развития — необходимостью формирования новой дисциплины труда, развитием новых форм стимулирования труда и повышения эффективности использования средств труда. Решение всего этого комплекса проблем невозможно в плоскости рассмотрения процесса формирования материально-технической базы только как совокупности вещественных и личного факторов производства.

Все это привело к появлению ряда публикаций, посвященных рассмотрению социально-экономической природы материально-технической базы. В настоящее время положение о ее социально-экономической сущности общепризнано. В литературе прочно утвердилось положение о том, что процесс построения материально-технической базы, выступая выражением внутренних закономерностей развития каждого данного способа производства, закрепляет становление в качестве господствующего элемента основного производственного отношения. Это в свою очередь позволило решить вопрос о сущности материально-технической базы, ее месте и роли в механизме взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Положение о том, что «основное производственное отношение коммунистической формации оказывает решающее

формобразующее влияние на материально-техническую базу»¹ является ключевым для понимания сущности материально-технической базы. Дело в том, что категории «производительные силы» и «производственные отношения» в своей абстрактной форме характеризуют общэкономические закономерности развития общества.

Сущность же материально-технической базы можно понять лишь как явление способа производства в целом, т. е. в плоскости реального взаимодействия его производительных сил и производственных отношений, поэтому следует рассмотреть это взаимодействие более конкретно. Первый вопрос, который нуждается в специальном освещении, это содержание категории «производительные силы». Для понимания процесса их взаимодействия с производственными отношениями крайне важно различать производительные силы простого процесса труда и производительные силы общества. Следует подчеркнуть, что при освещении вопроса о материально-технической базе эти различия, как правило, вообще не проводятся. Такое разграничение имеет существенное значение для понимания форм взаимодействия компонентов общественного производства во внутрiformационном процессе и в процессе перехода от одной общественной формы производства к другой.

Производительными силами простого процесса труда являются, как известно, средства производства и люди, которые приводят их в движение, используя определенный опыт и трудовые навыки. В данном случае имеются в виду абстрактные моменты процесса труда, которые образуют всеобщие условия производства, присущие всем возможным его историческим ступеням. Результатом взаимодействия элементов простого процесса труда выступает продукт, т. е. материальное благо, пригодное для производственного и личного потребления. Хотя содержание производительных сил простого процесса труда является абстракцией, это не отменяет того, что она имеет вполне реальное значение, а потому относится к разумным абстракциям.

Что касается производительных сил общества, то они в ряде существенных пунктов отличаются от производительных сил простого процесса труда. Это различие фиксируется прежде всего в результате их функционирования. Таким результатом выступает не непосредственно материальное благо, продукт, пригодный для потребления, а само общество. Имея в виду капиталистический процесс производства, К. Маркс писал: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную

¹ Лебедев В. Г. Материально-техническая база коммунизма (социально-экономическая модель), с. 139.

форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент»¹. Следовательно, общественное производство есть средство воспроизводства общества как особой системы природы. Потому-то и производительные силы общества как средство связи общества с природой являются фактором воспроизводства общества. Они охватывают всю совокупность сил, которые обеспечивают связь общества с природой и благодаря которым происходит воспроизводство данной формы общества. Сюда относится не только совокупность предметных и личного факторов процесса труда, но и степень развития личностных сил человека, система стимулов его трудовой деятельности, формы общественной организации производительного процесса, формы и способы распределения условий и результатов производства и многое другое.

Такое понимание производительных сил общества по существу означает, что и взаимные отношения людей друг к другу выступают в качестве необходимого элемента той совокупности сил, которые воспроизводят общество в его определенной специфически исторической форме. Иначе говоря, связь с природой обеспечивается не только предметными и личным факторами процесса труда, которыми располагает данное общество, но и теми общественными отношениями, благодаря которым эта связь становится возможной. «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»². То обстоятельство, что материальные отношения людей выступают как необходимый компонент производительных сил исторически данного общества, не означает, разумеется, что они перестают быть производственными отношениями, т. е. общественными отношениями производства. Оно лишь означает, что производительные силы общества нельзя трактовать как тождественные абстрактным моментам простого процесса труда, поскольку последний существенно отличается от общественного процесса производства. Если в первом случае в отношения с природой вступает человек, то во втором — общество. Если в первом случае создается продукт, материальное благо, то во втором случае — определенная форма общества.

Производительные силы в общен историческом аспекте включают всю совокупность средств связи данного общества с природой. Однако при характеристике производительных сил каж-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 222.

² Там же, т. 6, с. 441.

дой данной формы общества решающее значение принадлежит исследованию их социальной специфики. Дело в том, что в пределах каждого исторически данного способа производства главным фактором связи общества с природой служит система его производственных отношений.

Например, в условиях первобытнообщинного способа производства сама община и являлась главной производительной силой. Подчеркивая это обстоятельство, К. Маркс писал, что «естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность, есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность в качестве пастуха, охотника, земледельца и т. д.)»¹.

Аналогичным образом обстоит дело и в условиях всех остальных форм общественного производства

Таким образом, характеристика производительных сил общества во внутрiformационном разрезе предполагает выяснение сущности механизма закрепления той или иной системой орудий труда и организацией производственного процесса господства основного производственного отношения данного способа производства. Поэтому распространное в литературе мнение о том, что средства труда сами по себе являются решающим фактором этого процесса, нуждается в определенной корректировке. Обычно, отстаивая это положение, ссылаются на высказывание К. Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»². Сразу же отметим, что основной акцент К. Маркс делал на том, что средства труда служат показателем общественных отношений, при которых совершается труд. Иными словами, не средства труда определяют систему общественных отношений — являются по отношению к ней чем-то первичным, а как раз наоборот: они выступают всего лишь как показатель развития этих общественных отношений, определяются ими. Следовательно, текстуальная ссылка на «Капитал» не дает нам оснований считать развитие средств труда определяющим и конечным фактором взаимосвязи общества с природой. Более того, если быть последовательным и рассматривать весь текст пятой главы первого тома «Капитала», то мы приходим к обратным выводам.

Во-первых, раскрывая сущность цитируемого выше положения, не следует упускать из виду и примечания к основному тексту. На этой же странице, где находится приведенная ци-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 462—463.

² Там же, т. 23, с. 191.

тата, К. Маркс отмечал, что «как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, доисторические времена делятся на периоды на основании естественнонаучных данных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век»¹. Как мы видим, разграничение исторических эпох по материалу орудий труда относится не к компетенции исторической науки (как одного из разделов общественнонаук), а к области естественнонаучных исследований. Следовательно, и в области политической экономии эти предпосылки не носят определяющего характера.

Во-вторых, К. Маркс прямо указывал здесь, что речь идет о простом процессе труда, а «по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жесткой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взглядом капиталиста, совершает ли его Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя»². Таким образом, он имел в виду роль средств труда в рамках простого процесса труда, а не общего взаимодействия общества с природой.

Из изложенного выше следует вывод: в состав производительных сил общества включается и его конкретно-историческая форма, которая играет существенную роль в обмене вещами между обществом и природой. Поэтому, рассматривая процесс формирования материально-технической базы коммунистического общества, нельзя ограничиваться только анализом развития системы орудий труда, преобразованием технологии и организации производственного процесса. Сущность преобразований, характеризующих указанный процесс, не сводится к техническим изменениям.

Производительные силы общества образуют содержание общественного производства, но это такое содержание, которое включает и его общественную форму. Последняя в свою очередь находится в диалектическом единстве (тождестве) с содержанием общественного производства. Именно в этом смысле, по нашему мнению, следует понимать высказывание К. Маркса о том, что всякий процесс общественного производства «есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 191 (прим.).

² Там же, с. 195.

ческой формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры»¹. Отсюда следует, что экономическая структура общества представляет совокупность отношений, в которых индивиды находятся как к природе, так и друг к другу. С другой стороны, вещественные факторы общественного процесса производства, поскольку они выступают как олицетворение специфически общественной формы, оказываются компонентом экономической структуры общества. Весьма характерным на этот счет является следующее положение Ф. Энгельса в письме к В. Боргниусу от 25 января 1894 г.: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря *vis inertiae**, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму»².

Таким образом, различие производительных сил и производственных отношений, поскольку речь идет именно о производительных силах общества, если рассматривать это различие со стороны тех и других, оказывается весьма относительным и подвижным. Поэтому оно может проследиваться лишь в плоскости тех функций, которые выполняются ими в системе общественного производства. Производительными силами общества является все общественное производство, если рассматривать его со стороны отношений общества с природой, т. е. со стороны содержания, как реальную совокупность средств этой связи. Производственные отношения также охватывают все общественное производство, но уже рассматриваемое не со стороны отношения общества с природой, а со стороны внутриаппетивной системы отношений, поскольку они характеризуют внутреннюю структуру общества, его реальный базис,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 385.

* — сила инерции *Ред.*

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 174.

над которым возвышается общественная надстройка. Именно поэтому они образуют форму общественного производства.

Так обстоит дело, если рассматривать содержание понятия «производительные силы общества» в отличие от производительных сил простого процесса труда. Определяя содержание производительных сил общества, мы стремимся подчеркнуть, что их решающая роль может быть определена отнюдь неоднозначно. Во всяком случае вещественные элементы общественного производства, и в частности средства труда, далеко не всегда играют эту роль. Чрезвычайно активным элементом структуры производительных сил общества выступают производственные отношения данной формы общества. Производительные силы общества — это категория внутрiformационная, поскольку только в пределах данной формации производственные отношения могут выполнять роль производительной силы.

Определение характера и функций общественных производительных сил дает возможность понять процесс формирования и социально-экономическую природу материально-технической базы общества как явление, которое по своему содержанию тождественно содержанию производительных сил общества, т. е. соответствующей совокупности средств, с помощью которой общество будет осуществлять процесс обмена веществ с природой для реализации своих социальных целей. Таким образом, вне содержания производительных сил общества понять содержание материально-технической базы общества просто невозможно.

Именно этот аспект функционирования производительных сил и характеризует сущность материально-технической базы способа производства. Поэтому она является характеристикой не только могущества общества перед лицом природы, но и показателем самовоспроизводства на основе определенной формы обмена веществ между обществом и природой, экономической структуры данного общества.

Не случайно поэтому, что «материально-техническая база общества всегда создается и развивается в определенных социальных условиях и вне их не существует. Соответственно нет и не может быть единых критериев для характеристики материально-технической базы различных общественных формаций. Эти критерии носят прежде всего социально-экономический характер и должны отразить те черты и особенности, которые необходимы и достаточны для того, чтобы она была способна решить стоящие перед ней социально-экономические задачи данной общественной формации»¹.

История развития человеческого общества даст конкретные примеры этого положения. Так, в процессе развития капиталистического способа производства «лишь после того как материальная база, технологическая база цеховой организации пере-

¹ Материально-техническая база коммунизма, с. 44.

стала быть господствующей, после того как она в результате этого утратила свой революционный и прогрессивный характер, после того как она перестала соответствовать своему времени и вступила в борьбу отчасти с мануфактурой, отчасти, позднее, с крупной промышленностью,— она как *реакционный* элемент получила поддержку *реакционных правительств* и связанных с ними сословий»¹. В свою очередь машинное производство, закрепившее отделение производителя от средств производства, решая задачу реального подчинения труда капиталу, явилось элементом материально-технической базы капитализма. Однако само по себе, взятое вне системы общественного разделения труда и процесса производства прибавочной стоимости машинное производство не может дать исчерпывающей характеристики сущности материально-технической базы капиталистического способа производства. Не случайно в «Капитале» К. Маркс рассматривал технологическое преобразование воздействия на природу в рамках анализа форм производства прибавочной стоимости. Раскрыв природу абсолютной прибавочной стоимости как исторически и логически всеобщей основы подчинения труда капиталу, он, анализируя относительную прибавочную стоимость, показал закрепление этого отношения в системе материального производства.

Таким образом, материально-техническая база капитализма характеризуется прежде всего формированием всеобщности наемного труда. Наемный труд подчиняется капиталу вначале простым, полувольным отделением производителя от средств производства. Лишь затем отношение труда и капитала получает свое закрепление в системе машинного производства и адекватном ей разделении труда. Формирование материально-технической базы капитализма, следовательно, далеко не сводится к машинной индустрии. Этот процесс включает в качестве неотъемлемых составных моментов и уничтожение системы разделения труда, основанной на индивидуальных навыках производителей, и формирование нового типа наемного работника.

Исторически новая форма общества наследует от своего предшественника определенную сумму средств производства. Но это не ее собственные производительные силы. Ремесленная техника, веками сложившиеся традиционные методы технологии, высокое профессиональное мастерство непосредственных производителей и другие материальные факторы производительного процесса, которые капитализм унаследовал от своего исторического предшественника — феодального общества, хотя и использовались капиталом на протяжении известного периода времени, не были в действительности его производительной силой. Та новая производительная сила, которая с самого начала знаменовала собой новый буржуазный способ производства, была капиталистической кооперацией труда, функционирующая первоначаль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 463.

начально в форме простой кооперации. Именно она, как подчеркивал К. Маркс, и исторически, и логически служит исходным пунктом капиталистического способа производства. Хотя капитализм не избрал эту форму, поскольку она была известна так или иначе и добуржуазным способам производства, но, во-первых, до капитализма она являлась спорадической, и, во-вторых, при капитализме эта форма трудового процесса выступает как носитель существенно нового социального содержания.

Аналогичным образом обстоит дело и при переходе от капитализма к социализму. Новый способ производства не просто наследует от старого определенную сумму средств производства, созданных его предшественником. Он с самого начала создает новую форму общественного трудового процесса, соответствующую природе его экономических отношений. Именно она и выступает его первой производительной силой. Такой формой, как будет показано ниже, является общенародная кооперация труда. Как в первом, так и во втором случае речь идет, следовательно, о качественном скачке, о перерыве непрерывности в исторической динамике производительных сил. Все это, разумеется, не исключает того, что производительные силы выступают в то же время и как воплощение непрерывности исторического процесса, т. е. олицетворяют общенародную связь.

Историческая специфика каждой данной общественной формы производства не только отражает прерывность исторического процесса, но и содержит в себе также и момент непрерывности. Элементы, характеризующие общественную форму производства последующего способа производства, зарождаются в пределах экономических отношений предыдущего. Так, стоимостная форма экономической связи возникла задолго до капитализма, в добуржуазных способах производства, и при определенных исторических условиях стала исходной формой промышленного капитала. Именно в условиях его господства она превращается в общественно нормальную форму экономической связи. Однако на высшей стадии капитализма, в условиях господства монополий, когда на смену промышленному капиталу приходит финансовый, стоимостная связь подрывается, возникают элементы планомерной формы связи.

В условиях коммунистического способа производства планомерная форма связи выступает как характеристика общественного производства, т. е. как нормальный, господствующий способ связи в масштабе всего общества.

Все это, естественно, не означает, что конституирующей стороной производственных отношений являются те их черты, которые характеризуют непрерывность исторического процесса. Напротив, экономические отношения общества представляют собой главным образом такой компонент общественного производства, который характеризует его как исторически особую форму. Однако это не исключает и присущих им общенародных моментов.

Таким образом, и производительные силы, и производственные отношения представляют единство и непрерывности, и прерывности. Поэтому и те, и другие, хотя и в разной степени, олицетворяют и общенсторические, и внутрiformационные связи. В противном случае нельзя было бы объяснить, с одной стороны, каким образом в ходе функционирования данной формы производственных отношений и на их основе происходит формирование тех материальных факторов, которые служат предпосылками перехода к новой общественной форме производства, а с другой стороны, каким образом эти факторы выполняют функцию средства связи данной формы общества с природой, т. е. выступают в качестве условий воспроизводства этой формы. Ведь та система материальных условий производства, которая создана капитализмом, особенно если идет речь о современной его стадии, содержит в себе материальные предпосылки перехода к социализму. И этот переход уже приобрел в настоящее время характер всемирно-исторического процесса, хотя в пределах капиталистической системы эти материальные условия продолжают выполнять роль фактора воспроизводства отношений буржуазного общества. Создание материальных условий перехода к новой форме общественного производства и сам этот переход непосредственно не совпадают.

Изложенные выше соображения относительно характера взаимоотношений производительных сил и производственных отношений как в межформационном, так и во внутрiformационном аспекте имеют, по нашему мнению, принципиальное значение для понимания процесса формирования и для определения сущности материально-технической базы коммунистического способа производства.

Коммунистический способ производства не получает от истории готовой системы производительных сил, адекватной его социальной природе и историческому назначению. Он получает от предшествующего ему капиталистического способа производства в лучшем случае незавершенную систему крупного машинного производства, которое к тому же не представляет собой единой целостной системы, охватывающей все общественное производство. Но то, что наследует от капитализма возникающий коммунистический способ производства, генетически не связано с ним, поскольку вся совокупность унаследованных материальных условий является продуктом развития капиталистического производства, материальным воплощением капиталистического отношения. Это, разумеется, не значит, что данные материальные условия в состоянии обслуживать лишь производство капитала, но как определенная система материальных условий производства они генетически связаны с капиталистическим способом производства.

Совокупность материальных условий, наследуемых на первых порах социализмом, не является результатом его собственного развития, его собственной производительной силой. Той но-

ной производительной силой, которая возникает вместе со становлением социалистического производства, во всяком случае когда социалистический уклад оказывается всохватывающей формой хозяйства, является новая общественная форма организации трудового процесса, форма совместного (в масштабе всего общества) труда. Но на первых порах она выполняет свою роль новой производительной силы именно как форма. Поскольку формирующийся коммунистический способ производства еще не располагает совокупностью материальных условий производства, созданных его собственным развитием, он по необходимости еще должен использовать те материальные условия, которые он унаследовал от капитализма. Поэтому с самого начала в процессе функционирования коммунистического производства возникает противоречие между теми элементами материальных условий, которые являются продуктом формирующегося коммунизма, и теми материальными условиями, которые он унаследовал от прошлого и которые не являются, следовательно, его собственным результатом. Противоречие это состоит в том, что формирующаяся система общественных потребностей, имманентная новой системе экономических отношений, не может быть в полной мере удовлетворена по существу старыми материальными условиями производства, которые были рассчитаны на иную систему общественных потребностей, отражающую совершенно иную систему отношений. Совершенствование и преобразование совокупности материально-технических условий производства, которые осуществляются как форма реализации требований экономических законов нового способа производства, и в первую очередь его основного экономического закона, как раз и выступают как способ движения указанного противоречия. Так, в процессе функционирования нового способа производства осуществляется и формирование системы его материальных условий, т. е. формирование его новой материально-технической базы. Эти процессы по существу неотделимы друг от друга. Степень зрелости коммунистического способа производства определяется через состояние его материально-технической основы, и наоборот. Это, разумеется, не означает, что материально-техническая база выступает единственным измерителем состояния системы производственных отношений нового способа производства. Но состояние его материально-технической основы выступает как его органический элемент и вместе с тем как его материальная основа. Завершение формирования материально-технической базы поэтому адекватно той степени зрелости нового способа производства, когда он достигает состояния полной зрелости.

Таким образом, с точки зрения процесса формирования материально-техническая база коммунистического общества выступает как собственный продукт развития системы его производственных отношений. Это и определяет ее социально-экономическую сущность.

Обобщая изложенное выше, приходим к выводу, что материально-техническая база способа производства образует основу утверждения и закрепления системы производственных отношений и лишь в этом качестве является фактором связи общества с природой.

Поэтому, рассматривая социально-экономическую сущность материально-технической базы того или иного способа производства, необходимо выделять ряд взаимосвязанных аспектов преобразований в системе материального производства. Во-первых, социальную задачу, которую решает создание материально-технической базы как наиболее общей и субъективированной формы проявления основного отношения способа производства. Во-вторых, изменение в содержании и характере общественного труда. В-третьих, формирование нового типа работника. И наконец, в-четвертых, материализация указанных изменений в системе вещественных факторов производства. Лишь на основе учета всех этих факторов можно дать характеристику сущности материально-технической базы способа производства и выделить этапы ее формирования.

Основная социально-экономическая задача, решаемая коммунистическим способом производства в ходе его исторического развития, — высвобождение человека из сферы материального производства в качестве его главного агента и обеспечение условий для свободного и всестороннего развития личности каждого члена общества.

Именно поэтому рассмотрение сущности материально-технической базы коммунистического способа производства и предполагает выяснение тех предпосылок, которые определяют условия решения указанной задачи.

В настоящее время общепринято рассмотрение этой проблемы в плоскости анализа двух основных стадий развития коммунистического способа производства — социализма и собственно коммунизма. Соответственно специфическим особенностям стадий развития коммунистического способа производства анализируются и этапы формирования его материально-технической базы. Поскольку на социалистической стадии непосредственно стоит задача достижения условий полного благосостояния всех членов общества как основы перехода к их свободному и гармоничному развитию, то и процесс формирования материально-технической базы обладает рядом особенностей. Остановимся на них более подробно.

Основным фактором, определяющим преобразование в процессе труда, как уже отмечалось выше, является не изменение вещественных факторов производства, а становление нового экономического базиса развития — производственного отношения, служащего зародышем системы становящегося способа производства. Преобразование материально-технической базы феодализма началось не с зарождения мануфактур, а с развития капитала как определенного производственного отношения. Апа-

логично обстоит дело и с преобразованием материально-технической базы, достигающей социализму от своего исторического предшественника. Уже волевое преобразование системы капиталистического производства в форме национализации средств производства определяет развитие принципиально нового отношения — непосредственно общественного. Именно непосредственно общественная форма экономической связи и является той основой, на которой осуществляется формирование материально-технической базы социализма. Суть в том, что в самой природе непосредственно общественного отношения заложена реальная всеобщность труда как условие существования всех членов общества. Уничтожение монополии отдельного класса на вещественные условия производства означает, что труд становится единственным и главным средством связи людей в процессе общественного производства условий их жизни.

Указанное обстоятельство находит свое выражение прежде всего в изменении содержания и характера самого труда. Из средства существования и воспроизводства рабочей силы он превращается в форму жизнедеятельности производителей. Свободный от эксплуатации труд, обретая непосредственно общественную форму своего выражения, порождает и изменение формы работника. Во-первых, как уже отмечалось выше, кооперация труда раздвигается до рамок всего общества. Это расширение ее границ содержит в себе основу для ее дальнейшего качественного преобразования. Во-вторых, на смену индивидуализму, обособленному работнику, располагающему лишь своей рабочей силой, приходит совокупный ассоциированный работник, производительная сила труда которого определяется самой формой ассоциации. Именно эти изменения в конечном счете порождают необходимость перестройки системы материально-вещественных факторов производства.

Поэтому на первых порах развития социализма стоит задача не каких-либо кардинальных преобразований в системе машинного производства, доставшейся ему от капитализма, а задача утверждения и закрепления принципиально новой формы организации труда — общенародной кооперации. Уже национализация средств производства, которая сама по себе еще ничего не изменяет в системе материально-вещественных факторов производства, служит основой для развития совместного труда в рамках всего общества. Не случайно, поэтому, например, национализация земли, являясь основой для кооперативного преобразования сельского хозяйства, выступает как необходимое условие формирования материально-технической базы социализма. Подчеркивая этот факт, В. И. Ленин отмечал, что «национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 413.

Преобразование материально-технической базы капитализма и формирование собственной материально-технической базы социализма начинается не с преобразования системы технологического воздействия на природу, а с утверждения и развития на основе формирующихся социалистических производственных отношений нового типа общественной организации процесса труда. Социализм первоначально должен был овладеть и приспособить к пущадам становящейся общенародной кооперации труда систему машинного производства и лишь после этого начать его преобразование. В. И. Ленин указывал, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»¹.

Дело в том, что машинное производство, усиливая кооперативный характер труда, выступает материально-вещественным закреплением элементов непосредственно общественного труда.

В процессе становления и утверждения социализма на основе национализации средств производства происходит развитие машинного производства, упрочение кооперативного характера труда во всех отраслях производства. Это в свою очередь порождает формирование принципиально нового типа совокупного работника и новую социалистическую организацию и дисциплину труда.

Решение указанной задачи позволяет не только повысить уровень могущества общества перед лицом природы, но и осуществить реальный вклад в решение основной социально-экономической задачи. Например, в СССР первоначально формирование материально-технической базы социализма осуществлялось в форме индустриализации промышленности, кооперирования сельского хозяйства на основе его технического перевооружения. Однако этот процесс с самого начала предполагал в качестве своих неотъемлемых составляющих и преобразование структуры совокупного работника на основе обеспечения всеобщего начального образования, и подготовку инженерно-технической прослойки и повышение уровня народного благосостояния. Без этого невозможно было бы построить материально-техническую базу социализма как первой ступени развития нового способа производства.

Построение материально-технической базы социализма означало, что новый тип организации общественного труда получил свое материальное воплощение в системе взаимосвязанных отраслей народного хозяйства, определенной профессионально-квалификационной структуре совокупного работника.

Отмечая все эти изменения, нельзя забывать того, что речь идет лишь о первом этапе развития материально-технической базы нового способа производства. Материально-техническая база социализма не есть нечто раз и навсегда данное, она развивается одновременно со способом производства.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 9.

Второй этап ее развития связан уже с ее совершенствованием и преобразованием. Дело в том, что хотя в процессе ее формирования и была решена задача формирования новой формы общественного трудового процесса, тем не менее на протяжении довольно продолжительного времени еще сохранились определенные противоречия, обусловленные недостаточно высоким уровнем обобществления. Например, в 1939 г. половина населения не была связана с общенародным сектором производства, а 2,6 % населения составляли кустари и крестьяне-единоличники, к 1970 г. с общенародным сектором было связано примерно около 80 % населения. Уровень обобществления производства возрос в 1,6 раза, однако до сих пор 20 % населения непосредственно не связано с общенародным сектором производства. Кроме того, несмотря на сближение уровней доходов различных слоев населения, уровень реальных доходов колхозников все еще составляет 85 % по отношению к реальным доходам рабочих и служащих¹.

Процесс совершенствования материально-технической базы социализма означает ее качественное преобразование.

На втором этапе развития материально-технической базы социализма происходит перестройка всех ее компонентов уже в плане непосредственного решения высшей цели — обеспечения условий для всестороннего и свободного развития личности. Этот процесс затрагивает не только материально-вещественные ее компоненты, но и социально-экономические.

В рамках этого общего преобразования совершаются изменения и отдельных ее элементов. Устраняется кооперационное и подетальное разделение труда, определяющее узкую специализацию производителей. В рамках решения этой задачи в свою очередь происходит изменение системы материально-вещественных компонентов производства. Уничтожение старого разделения труда требует кардинального преобразования средств труда в направлении замены узкоспециализированного оборудования универсальным, позволяющим осуществлять переналадку технологических циклов. Без этого ликвидировать профессиональное закрепление работника за определенным видом деятельности невозможно. Процесс освобождения человека от функций непосредственного агента технологического процесса и достижение условий для его свободного всестороннего развития предполагают преобразование самой системы машинного производства в направлении утверждения комплексной автоматизации, которая охватывает все звенья производительного процесса.

Чтобы уяснить сущность всех этих изменений, необходимо рассмотреть основные направления развития материально-технической базы социализма на современном этапе.

¹ Дунаев Э. П. Рост обобществления производства на этапе развитого социализма. — Вестн. МГУ. Сер. экон., 1983, № 2, с. 28.

§ 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЗДАНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ

Если описывать процесс создания материально-технической базы терминами экономической науки, необходимо прежде всего рассмотреть два основных направления этого процесса. Мы говорим основных потому, что общая структура этого процесса весьма сложна, так как речь идет о создании общественных производительных сил, адекватных коммунистическому способу производства в целом. Каковы же основные направления этого процесса? Такими направлениями являются всесторонняя интенсификация общественного производства и совершенствование профессионально-квалификационной структуры совокупного работника, рассматриваемого в качестве содержания общенародной кооперации труда. Такое определение основных направлений процесса формирования материально-технической базы социализма с первого взгляда может вызвать недоумение. Ведь совершенствование структуры совокупного работника является составным моментом процесса всесторонней интенсификации социалистического производства. Это, конечно, правильно. Однако возникает вопрос, в каком аспекте рассматривать профессионально-квалификационную структуру этого работника. В структуре его сущности можно выделить по крайней мере два уровня — общеэкономический и специфически исторический. Если иметь в виду общеэкономическое содержание совокупного работника, то оно в полной мере охватывается проблемой интенсификации общественного производства, рассматриваемой опять-таки в общеэкономическом плане. Если же иметь в виду специфически историческое содержание совокупного работника, то оно характеризует систему только данных производственных отношений, образующих экономический строй исторически определенного общества.

Конечно, можно и интенсификацию общественного производства рассматривать в специфически историческом аспекте. Но в этом случае, особенно если иметь в виду процесс развития социализма, интенсификация оказывается по существу тождественной полному развитию профессионально-квалификационной структуры совокупного работника, поскольку последний выступает как специфически историческая категория, характеризующая процесс формирования основного производственного отношения и основного экономического закона. Имея в виду специфически историческое содержание категории совокупного работника социалистического общества, можно утверждать, что именно процессу полного развития его профессионально-квалификационной структуры подчинена интенсификация общественного труда, рост эффективности общественного производства в том смысле, что потребности формирования совокупного работника определяют условия, формы и границы интенсификации производства, рассматриваемой в общеэкономическом плане.

При исследовании проблемы интенсификации общественного производства в условиях развитого социализма это обстоятельство крайне важно иметь в виду

Остановимся прежде всего на характеристике содержания и форм интенсификации общественного производства, которая в настоящее время выступает как путь ускорения социально-экономического развития страны.

Если рассматривать интенсификацию производства со стороны ее общего содержания, т. е. в общеэкономическом аспекте, то она характеризуется тем, что рост общественного производства осуществляется за счет повышения интенсивности использования различных ресурсов живого и овеществленного труда, а не за счет вовлечения в производство дополнительных средств производства и рабочей силы. «...Через известные промежутки времени, — писал К. Маркс во втором томе «Капитала», — совершается воспроизводство, и притом — если рассматривать его с общественной точки зрения, — воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется только поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более эффективные средства производства»¹.

Следовательно, в первом случае рост производства происходит за счет соответствующего роста применяемых в производстве личного и вещественных факторов, тогда как во втором случае он осуществляется за счет экономии труда, обусловленной применением более совершенных средств производства. Когда речь идет о применении более эффективных средств производства, то имеются в виду прежде всего и главным образом средства труда, возможности повышения эффективности которых несравнимо шире. Определяя таким образом содержание интенсификации общественного производства, мы находимся в пределах его материально-вещественного содержания. Такое понимание процесса интенсификации по существу сводит его к повышению производительности общественного труда. В экономической литературе этот показатель трактуется зачастую как критерий интенсивного роста общественного производства. Это положение следует признать правильным лишь в самой общей форме. Дело прежде всего в том, что по своему реальному содержанию производительность труда включает не только интенсивные, но и экстенсивные факторы. Поэтому, имея в виду именно интенсификацию общественного производства, точнее говорить не о производительности, а о производительной силе труда.

Поскольку речь идет об уменьшении количества живого труда в единицу времени при том условии, что в эту единицу

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 193. Нередко это высказывание К. Маркса интерпретируется таким образом, что суть проблемы интенсификации производства сводится к применению более совершенных средств труда. Такая трактовка представляется нам односторонней.

создается то же самое или даже большее количество потребительных стоимостей, а потому каждая такая единица содержит в себе меньше труда, чем прежде, постольку имеется в виду не производительность, а производительная сила труда, которая всегда выступает как свойство конкретного труда. К. Маркс, формулируя зависимость величины стоимости единицы товара от количества абстрактного, общественно необходимого труда (простого труда), писал именно о производительной силе конкретного труда. В этом нетрудно убедиться, обратившись к следующему тексту «Капитала»: «Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре»¹. И это отнюдь не случайная оговорка. К. Маркс имел в виду производительную силу труда (а не производительность) и в том случае, когда рассматривал процесс производства относительной прибавочной стоимости: «Для того чтобы в нашем примере необходимое рабочее время уменьшилось на $\frac{1}{10}$, т. е. с 10 часов до 9, а следовательно, прибавочный труд возрос с 2 до 3 часов, необходимо действительное понижение стоимости рабочей силы на $\frac{1}{10}$ ».

Но такое понижение стоимости рабочей силы на одну десятую предполагает, в свою очередь, что то же самое количество жизненных средств, которое раньше производилось в течение 10 часов, теперь производится в течение 9 часов. Но это невозможно без повышения производительной силы труда»².

Этой же категорией пользовался К. Маркс при исследовании изменения в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости.

Производительность труда и производительная сила труда — категории различные. Когда речь идет о производительной силе труда, то имеется в виду лишь конкретный характер труда. Когда же речь идет о производительности труда, то в расчет принимается и абстрактный труд, количество которого в единицу времени определяется интенсивностью труда. Стало быть, производительность труда зависит не только от дееспособности конкретного труда, но и от количества абстрактного труда. Поэтому закон, согласно которому величина стоимости единицы товара обратно пропорциональна количеству овеществленного в нем труда, уже не сохраняет своей силы, если речь идет о производительности труда. Количество потребительных стоимостей, создаваемых в единицу времени, реально может зависеть не только от дееспособности конкретного труда, т. е. от производительной силы труда, но и от степени интенсивности труда, расходуемого в единицу времени.

Рост производительности труда находит свое выражение в количестве потребительных стоимостей, создаваемых в единицу

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 49.

² Там же, с. 324.

времени, но он не всегда приводит к понижению стоимости единицы потребительной стоимости. Более того, рост производительности труда может приводить к росту стоимости единицы потребительной стоимости, если только возросшее количество продукции явилось результатом роста не производительной силы труда, а преимущественно интенсивности труда. Эти соображения подтверждаются и тем, что К. Маркс, определяя совокупность обстоятельств, детерминирующих производительную силу труда, не упоминал об интенсивности труда. «Производительная сила труда,— писал он,—определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»¹.

Таким образом, с учетом вышесказанных соображений следует признать, что критериальным признаком интенсивного типа воспроизводства выступает в самой общей форме именно производительная сила труда, поскольку она характеризует дееспособность полезного труда, его эффективность. При этом, разумеется, нельзя впадать в односторонность и игнорировать фактор интенсификации труда, тем более с учетом современного состояния организации труда в промышленности и сельском хозяйстве, когда во многих случаях еще не достигнут нормальный уровень интенсивности труда на основе его научной организации. Статистика не исчисляет производительной силы труда, в качестве особого показателя используется показатель производительности труда². Состояние производительности труда определяет общий подход к исследованию проблемы интенсификации производства, но он сам по себе еще не дает ответа на вопрос, каково соотношение интенсивных и экстенсивных факторов экономического роста. Дело в том, что приросты продукции и национального дохода могут осуществляться в подавляющей своей части на основе роста производительности труда, но при этом основная масса продукта будет производиться при высокой доле ручного труда.

Уже в первой пятилетке за счет роста производительности труда был получен 51 % прироста промышленной продукции, во второй — 79, за период военных лет и в первой послевоенной пятилетке — 69, в пятой — 68, в восьмой — 73, в девятой — 84 и в десятой — 75 %. Согласно этим данным уже в первой пятилетке более половины факторов, обеспечивающих прирост продукции, относились к интенсивным. Это относится еще в большей степени к последующим пятилеткам, но не служит основа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 48

² Вопрос о различии производительности и производительной силы труда обсуждался еще в 20-х годах. Однако окончательного решения он не получил до сих пор, между тем как различие этих понятий имеет не только теоретическое, но и непосредственно практическое значение.

Таблица 1

СОТНОШЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ, ЗАНЯТЫХ МЕХАНИЗИРОВАННЫМ И РУЧНЫМ ТРУДОМ, В ГЛАВНЫХ ОТРАСЛЯХ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1979 г. *

(в %)

	Всего рабочие	В том числе выполняющих работу				всего вручную без 6-й группы
		при помощи машин и механизмов, в том числе выполняющих за работой автоматическую работу (1-я и 2-я группы)	ручным способом (3-я и 4-я группы)	ручную не очень тяжелую и среднюю (4-я группа)	ручную тяжелую и самую тяжелую (5-я группа)	
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	100	46,7	7,3	32,8	13,2	40,1
СТРОИТЕЛЬСТВО	100	38,5	8,9	49,9	3,6	57,9
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	100	29,4	4,0	62,5	4,0	66,5

* Социальные факторы интенсификации и роста эффективности производства в условиях развитого социализма. М.: ИЭ АН СССР, 1983, с. 98.

нием для констатации преимущественно интенсивного типа экономического роста.

На основе данных, характеризующих роль повышения производительности труда в приростах общественного продукта и национального дохода, еще нельзя судить в достаточной степени относительно характера и источников экономического роста, поскольку прирост продукта может иметь место при преобладании ручного труда. Несмотря на повышение значимости производительности труда в приростах общественного продукта и национального дохода, удельный вес ручного труда в основных отраслях материального производства остается все еще весьма ощутимым. Об этом свидетельствуют данные табл. 1.

Данное обстоятельство ставит существенные препятствия на путях интенсификации общественного производства. Снижение доли и массы ручного труда предполагает внедрение в производство результатов научно-технического прогресса, осуществление механизации и автоматизации производства. Эффективность осуществления этих процессов определяется тем, в какой мере они способствуют росту фондовооруженности и происходящему на этой основе совершенствованию профессионально-квалификационной структуры. Темпы сокращения численности занятых ручным трудом за период с 1965 по 1979 г. были невысоки. За этот период численность занятых сократилась на 7,6%¹.

¹ Кестин Л. А. Рост производительности труда — основной фактор развития производства и повышения благосостояния народа. М.: Мысль, 1980, с. 33.

Таким образом, хотя повышение механизации и автоматизации производства обуславливает повышение удельного веса приростов общественного продукта и национального дохода за счет повышения производительности общественного труда, тем не менее основная масса того и другого создается при значительном удельном весе ручного труда. Кроме отмеченных существуют и другие обстоятельства, характеризующие относительность показателя производительности труда в качестве критерия интенсивного роста.

Когда речь идет о производительности труда, имеется в виду результат непосредственного процесса производства, соотносительный с затратами на его создание. Но кроме непосредственного процесса производства существуют и другие фазы воспроизводства — обмен, распределение и потребление, процесс функционирования которых тоже связан с расходом определенного времени. Однако это время не учитывается при исчислении показателя производительности труда, тем более в пределах предприятия или отрасли. Конечным пунктом движения продукта является личное потребление или накопление. Но какая часть прироста достигает этого пункта, показатель производительности труда не отражает. Интенсификация производства — это не просто рост производительности труда, а экономия времени, понимаемая в широком смысле и охватывающая все виды затрат времени человеком и обществом.

И наконец, последнее замечание в адрес производительности труда. Производительность труда является показателем интенсивного характера производства, поскольку речь идет о производстве предметно-вещественного богатства, служащего источником удовлетворения потребностей в пределах достижения цели полного благосостояния. Это первоначальная, но отнюдь не специфическая функция основного экономического закона, поскольку главным содержанием последнего служит всестороннее развитие личности. Рост производительности труда выступает как общий базис всестороннего развития личности. Однако последнее в ряде существенных пунктов выходит за пределы полного благосостояния, и в данном случае закон экономии времени следует считать более предпочтительным.

Это, разумеется, не означает, что показатель производительной силы труда вообще непригоден в качестве критерия интенсивного типа экономического развития. На современном этапе рост производительности труда является основой интенсивного характера производства.

Поскольку производительная сила труда выступает как критерияльная основа интенсивного типа общественного производства, постольку факторы, которые ее определяют, одновременно являются и факторами интенсификации. К ним относится не только внедрение новейших достижений науки и техники, но и существенное улучшение использования личного научно-технического потенциала, экономия предметов труда и энергии,

интенсификация процесса воспроизводства основных фондов, совершенствование форм общественной организации производства, системы управления, рост квалификационного уровня работников и многое другое.

В литературе отмечается, что интенсификацию общественного производства не следует отождествлять с интенсивным типом расширенного воспроизводства. Но вопрос о содержательном различии этих понятий остается открытым до тех пор, пока эти различия не будут определены более конкретно. В настоящее же время они представлены настолько недостаточно, что зачастую интенсификация производства и интенсивный тип расширенного воспроизводства употребляются почти как синонимы. Это обстоятельство, разумеется, отнюдь не способствует плодотворному теоретическому исследованию проблем интенсификации. Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее освещение этого вопроса, хотелось бы отметить обстоятельства, которые необходимо учитывать при исследовании этих различий.

Представляется, что интенсификация производства и интенсивный тип расширенного воспроизводства соотносятся между собой как общее и особенное. Интенсификация производства, которая сопровождается экономией живого труда на единицу потребительной стоимости, является базисом, на котором начинается разворачиваться интенсивный тип расширенного воспроизводства. Утверждение интенсивного типа воспроизводства, характеризующегося сближением темпов развития двух подразделений, существенным возрастанием роли амортизации как источника расширенного воспроизводства, ростом удельного веса II подразделения, ускорением оборота предметов труда, снижением удельного веса фонда возмещения, предполагает такой уровень интенсификации производства, при котором на основе роста производительности общественного труда в результате научно-технического прогресса осуществляется экономия не только живого, но и прошлого труда. Будучи следствием интенсификации общественного производства, интенсивный тип расширенного воспроизводства сливается с общим процессом экономического роста, воспроизводя свои собственные предпосылки.

Отсюда следует, что не при любом состоянии процесса интенсификации производства одновременно осуществляется и интенсивный тип расширенного воспроизводства. Чтобы понять, при каких условиях это возможно, необходимо рассмотреть формы интенсивного типа экономического роста. Следует отметить, что в литературе нет единого мнения по этому вопросу. В качестве особой формы интенсификации выделяют частичную механизацию трудовых процессов, при которой за счет производительной силы труда обеспечивается преобладающая часть прироста общественного продукта и национального дохода, тогда как основная их масса создается все еще при значительном применении ручного малоквалифицированного труда. Вто-

рой формой считается такая, при которой вся масса общественного продукта и национального дохода создается при отсутствии ручного труда вообще. Выделяют и третью форму интенсификации, когда на основе роста производительности труда не только осуществляется суммарная экономия живого и овеществленного труда на единицу потребительной стоимости, но и происходит сокращение затрат прошлого труда. Иначе говоря, осуществляется фондосберегающий вариант научно-технического прогресса. Если первые две формы интенсификации обозначают термином «частичная интенсификация», то третью — термином «всесторонняя интенсификация».

Существуют и другие подходы к формам интенсификации. Заслуживает внимания, в частности, обоснование форм интенсификации на основе выделения того материального фактора общественного производства, который вытесняется в результате применения достижений научно-технического прогресса. В этом случае выделяют две формы интенсификации. Первая, низшая форма характеризуется тем, что машинные средства труда вытесняют из производства ручной труд. Вторая же форма характеризуется вытеснением машинной не ручного труда, а менее производительного машинного труда¹. В какой же связи находятся отмеченные формы интенсификации производства и интенсивный тип расширенного воспроизводства? Нам представляется, что непосредственным основанием этого типа воспроизводства выступает вторая форма интенсификации производства. Именно при достижении данной формы может развернуться в полной мере интенсивный тип воспроизводства с присущими ему характеристиками.

Выделяя ступень роста производительности труда на основе вытеснения простейших механизмов машинами, которая сопровождается ростом фондоотдачи, а значит, экономией не только живого, но и прошлого труда на единицу полезного эффекта, в качестве высшей формы интенсификации производства, мы не учитываем характера взаимоотношений между обществом и внешней средой.

Представляется, что достижение ступени интенсификации производства, при которой будет происходить не только экономия совокупных затрат труда, но и прошлого труда на единицу потребительной стоимости, еще не будет характеризовать в полной мере высшей ступени интенсивного типа воспроизводства. Она будет высшей с точки зрения общезкономического аспекта интенсификации без учета тех последствий, которые оказывает в современных условиях развитие материального производства на окружающую среду. Экологические аспекты проблемы интенсификации производства необходимо рассматривать прежде

¹ Латышева Г. И. Интенсификация производства: сущность, критерии, формы. — В сб.: Социальные факторы интенсификации и роста эффективности производства в условиях развитого социализма. М.: ИЭ АН СССР, 1983.

всего в общеэкономическом плане, поскольку природные условия относятся к факторам, воздействующим на производительную силу общественного труда. Их особенность состоит в том, что по мере развития орудий труда возможности воздействия человека на природную среду значительно возрастают, между тем как источники минерального сырья и топлива, запасы пресной воды и другие природные ресурсы исчерпываются, не говоря уже о том, что развитие промышленности сопровождается загрязнением окружающей среды.

Рассматриваемая проблема достаточно широко освещена в литературе, однако, как правило, вне связи с интенсивным ростом общественного производства. А между тем она имеет к проблеме интенсификации общественного производства, даже если освещать последнюю в общеэкономическом плане, самое непосредственное отношение. В практике хозяйственного развития вопрос этот поставлен уже сравнительно давно и так или иначе находит там свое решение. Речь идет о создании системы очистных сооружений, борьбе с загрязнениями атмосферы, организации безотходного производства, комплексном использовании всех компонентов извлекаемых из недр руд и т. д. Все это имеет самое непосредственное отношение к интенсификации общественного производства.

Высшая ступень интенсификации производства предполагает такое ее состояние, при котором достигается природоохраный вариант расширенного воспроизводства. Именно этот вариант в наибольшей степени соответствует социалистической организации производства. Ведь социалистическое производство и воспроизводство — это процесс производства и воспроизводства человека. Пока продолжается создание общественного богатства как предметного, и этому служат все общественные потенции, т. е. пока оно является главным мотивом общественного производства, общество находится в противостоянии с природой. Взаимодействие всех систем природы подчинено закону сохранения вещества и энергии.

Например, в неорганической природе тело отдает внешней среде ровно столько тепла, сколько оно от нее получило. В органической природе этот обмен несколько модифицируется. Во время формирования живой организм получает больше вещества и энергии, чем отдает. И лишь по мере того как организм достигает взрослого состояния, общий баланс обмена равных количеств вещества и энергии восстанавливается.

В пределах подчинения производства созданию вещественного богатства как самоцели этот конфликт между обществом и природой не только неизбежен, но и безысходен. Он может найти свое разрешение лишь в том случае, если определяющим мотивом общественного производства становится непосредственно человек. Рост производительности труда в этом случае будет включать в качестве необходимого момента наряду с созданием прибавочного продукта производство свободного вре-

мени как условия развития самого человека. Поэтому та ступень общественного производства, при которой оно будет включать в качестве одного из решающих компонентов сохранение природы как условия производства самого человека, и будет означать высшую ступень интенсификации общественного производства. Судить о том, каковы конкретные параметры этой ступени в настоящее время, более или менее определенно не представляется возможным. Однако необходимо постоянно иметь в виду указанную выше ступень интенсивного типа воспроизводства, с тем чтобы уже сейчас постепенно формировать адекватные ей компоненты. Это тем более важно, что экологические проблемы стали настолько актуальными, что привлекают к себе все более пристальное внимание. Можно полагать, что в дальнейшем оно будет постоянно усиливаться.

Формирование интенсивного типа производства соответствует переходу от первоначальной его ступени, когда все еще продолжается замена ручного труда машинным, ко второй, сопровождающейся научно-техническим прогрессом уже на основе машинного производства. Этот процесс, однако, еще не достиг того состояния, когда осуществляется экономия не только живого, но и прошлого труда на единицу потребительной стоимости. Но именно достижение этой ступени интенсификации производства является условием утверждения интенсивного типа расширенного воспроизводства, о котором речь уже неоднократно шла выше.

Так обстоит дело, если иметь в виду содержание и основные формы интенсивного типа экономического развития со стороны материально-вещественной. Этим однако проблема далеко не исчерпывается.

Поскольку критерием интенсивного роста общественного производства служит повышение производительности труда, постольку факторы, которые определяют ее динамику, одновременно выступают и как факторы интенсификации общественного производства. Сюда относятся не только технические, организационно-экономические, но и (что особенно важно) социально-экономические факторы. Следовательно, процесс утверждения интенсивного типа экономического развития — комплексный. Он предполагает перестройку всей системы отношений хозяйствования, особенно таких ее компонентов, как народнохозяйственное планирование, управление, материально-техническое снабжение, материальное стимулирование, организация труда и других. Развернутое осведнение этого круга вопросов предполагает специальное исследование. В аспекте темы работы следует особо подчеркнуть роль социально-экономического фактора интенсификации общественного производства. Переход к интенсивному типу экономического развития является результатом действия экономических законов каждого данного способа производства, когда они достигли определенной степени своей зрелости.

В истории капиталистического производства интенсивный тип экономического роста стал утверждаться лишь в процессе реального подчинения труда капиталу, когда методы производства относительной прибавочной стоимости стали преобладающими. До этого периода в капиталистическом обществе преобладал экстенсивный путь развития производства. Это, разумеется, не исключает того, что отдельные проявления интенсивного типа производства имели место и в прошлом, на предыдущей стадии развития капитализма. Но эти элементы не могли охватить все общественное производство, поскольку рост производительности труда имел своим основанием не коренное преобразование вещественных элементов производства, а усовершенствование форм его общественной организации при сохранении прежнего технического базиса производства.

История социалистического строительства в СССР и других странах мировой системы социализма убедительно показывает, что интенсивный тип общественного производства может утвердиться лишь на той ступени зрелости, когда оно достигает нового качественного уровня своего развития. Ведь социализм наследует материально-техническую базу, созданную капитализмом, а такой базой, как известно, является система крупного машинного производства, утвердившаяся задолго до того, как произошел реальный переход от капитализма к социализму. С точки зрения абстрактно-теоретической это положение не вызывает каких-либо сомнений. Более того, только благодаря утверждению и развитию системы крупного машинного производства достигается та ступень в росте производительных сил, в уровне обобществления производства и глубины классовых антагонизмов, которая необходима для перехода от капитализма к социализму. Но одно дело общие, всемирно-исторические предпосылки перехода от капитализма к социализму, без которых, естественно, этот переход невозможен вообще, и совсем другое дело — конкретно-историческая ситуация, в пределах которой реально осуществляется этот переход. А ситуация, показывая история нынешнего века, который будет вписан в летопись человечества как начало крушения системы капитализма и развертывания всемирного процесса перехода к социализму, такова, что этот переход был ознаменован перерывом постепенности, подавляющее число стран мировой системы социализма начали процесс социалистического строительства, отправляясь отнюдь не от самого высокого уровня, который был достигнут развитием капиталистического способа производства. О каком интенсивном типе расширенного воспроизводства могла идти речь в переходный от капитализма к социализму период в нашей стране, если подавляющее большинство ее населения составляли мелкие товаропроизводители, а крупное машинное производство было разрушено, так что в ведущих отраслях тяжелой промышленности пришлось начинать почти с нулевого цикла.

Нельзя, разумеется, впасть в односторонность и вообще исключать элементы интенсивного типа воспроизводства, например, в период индустриализации страны и даже коллективизации сельского хозяйства, поскольку и в промышленности и в сельском хозяйстве какая-то часть прироста общественного продукта достигалась за счет повышения производительности труда на основе пусть незначительного, но тем не менее технического прогресса. Однако эти элементы не определяли особенностей экономического роста в общественном масштабе. В целом это было экстенсивное производство со всеми присущими ему характерными особенностями. И это следует объяснить не каким-либо одним фактором, а всей совокупностью обстоятельств — наличием громадных ресурсов живого труда, полезных ископаемых, не втянутых в культуру земледелия полезных площадей, низким квалификационным уровнем занятых в народном хозяйстве, несовершенством форм общественной организации, весьма значительным удельным весом ручного, мало квалифицированного и тяжелого физического труда, слабо развитой отраслевой структурой общественного производства и многими другими обстоятельствами.

Но дело и в состоянии системы производственных отношений, в степени дифференциации общественных потребностей, в существующем жизненном уровне, в реальных формах соединения личного и вещественных факторов, в развитии стимулов к труду и форм его вознаграждения и, наконец, в уровне потребления материальных и в особенности духовных благ. Все эти параметры характеризуют такое состояние социалистических производственных отношений, когда они еще находились в свернутом виде, когда, следовательно, экономические законы нового общества еще не вышли на простор, а потому и не могли стать тем материальным фактором, который диктует необходимость интенсивного типа общественного производства. Последний стал складываться и приобретает значение закономерной формы после того, как факторы экстенсивного роста производства в основном исчерпали себя, а вместе с ними исчерпался и тот уровень потребностей, который, если иметь в виду личные потребности членов общества, удовлетворялся в своей подавляющей части в пределах первой необходимости (продукты питания, одежда, жилище). Другими словами, необходимость утверждения интенсивного типа производства сформировалась на базе соответствующих объективных и субъективных предпосылок только на этапе развитого социализма. Эта потребность является одной из критерияльных характеристик данного этапа, который «определяется решительным поворотом к интенсивным методам развития экономики»¹. Такой поворот начался в 70-е годы и

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК Т. 12. М.: Политиздат, 1978, с. 430.

должен быть завершен, как подчеркивается в решениях партии и правительства, в ближайшей перспективе.

Нередко при обосновании факторов, обуславливающих необходимость перехода к интенсивному типу экономического роста, ссылаются на демографическую ситуацию, перемещение добычи необходимых сырьевых и топливных ресурсов в восточные районы страны и значительное их удорожание в этой связи, рост издержек, связанных с транспортировкой, снижение удельного веса полезного компонента во многих сырьевых источниках и другие природные и природно-географические обстоятельства. Однако отмеченные обстоятельства нельзя переоценивать, они не играют и не могут играть решающей роли. Такая роль принадлежит социально-экономическим факторам, т. е. степени зрелости тех объективных противоречий, которые присущи системе производственных отношений социализма и которые могут найти форму своего движения лишь посредством перехода к интенсивному типу экономического роста. Весь предшествующий период социалистического строительства обусловил значительные сдвиги в системе общественных потребностей членов общества.

Речь идет прежде всего о количественных сдвигах. Материальные и культурные потребности членов социалистического общества опережают рост масштабов производства. Изменилась структура потребностей и существенно повысились требования, предъявляемые к качеству традиционной продукции. Иначе говоря, действие основного экономического закона социализма на современном этапе характеризуется тем, что он получил более широкий простор для своего действия, а высшая цель социализма превратилась в непосредственный, постоянно действующий, и притом с нарастающей силой, фактор экономического развития общества. Именно на фоне этих глубинных сдвигов факторы, обусловленные сокращением рождаемости — этой естественной основы роста трудовых ресурсов, известным истощением природных источников сырья, удорожанием его добычи и транспортировки, приобрели объективный характер и потребовали интенсивного типа экономического роста. Дело, однако, не только в расширении и качественном изменении структуры личных потребностей, понимаемых в традиционном смысле.

В экономической литературе по вопросам основного производственного отношения и основного экономического закона социализма несколько односторонне, как нам представляется, освещается проблема высшей цели. Целевая функция общественного процесса производства при социализме нередко трактуется в потребительском варианте. Более того, материальным носителем основного экономического закона социализма называют интегральный фонд потребления или, что по существу одно и то же, фонд благосостояния и всестороннего развития личности. Такая трактовка может создать впечатле-

ние, будто вся проблема развития отношений социализма исчерпывается высоким уровнем личного потребления членов общества. Конечно, если учитывать современное состояние уровня личного потребления, то предстоит еще немало потрудиться над тем, чтобы выполнить Продовольственную программу, достигнуть производства и потребления основных предметов потребления по научно обоснованным нормам и т. д. Однако прежде чем потреблять по научно обоснованным нормам, необходимо создать, произвести соответствующий объем и структуру потребительского фонда. Проблема потребления оборачивается, таким образом, проблемой производства, повышения его дееспособности, роста производительности труда, существенного повышения эффективности общественного производства. Это предъявляет определенные требования и к работникам социалистического общества, их профессионально-квалификационному уровню, овладению ими новыми технологическими методами и т. д.

Функционирование и развитие производства (и чем дальше, тем в большей степени) сопровождается проникновением в производство достижений науки и техники. Это предъявляет к работникам социалистического общества все новые и все более повышенные требования. Именно они являются основой того, что в составе личных потребностей работников социалистического общества начинают стремительно возрастать потребности в овладении научными основами современной техники и технологии. В условиях развитого социализма эти потребности также следует отнести к личным потребностям членов общества, которые подлежат удовлетворению по критерию высшей цели. На известной ступени процесса развития социализма эти потребности становятся не только весьма значительными, но и преобладающими. Все это требует существенного совершенствования формы и содержания общественного трудового процесса.

Экономический рост всегда осуществляется внутри и посредством исторически определенной формы организации общественного трудового процесса. Адекватной коммунистическому способу производства формой этого процесса выступает общенародная кооперация труда, являющаяся в то же время его первой производительной силой. Она представляет собой совершенно новый тип общественного трудового процесса, характеризующий высокую ступень обобществления труда. И дело совсем не в том, что эта форма охватывает весь совокупный общественный труд, а в том, что она представляет собой не форму обобществления, покоящуюся на общественном разделении труда, а форму непосредственного обобществления.

Разделение труда также создает связь, которая охватывает все общество. Однако эта связь выступает как нечто внешнее по отношению к трудовому процессу каждого работника и чуждое ему. Поэтому она является полюсом противоположно-

сти обособленных, изолированных и непосредственно не связанных между собой трудовых актов. Что касается общенародной кооперации труда, то она служит такой формой трудового процесса общества, в пределах которой эта связь осуществляется непосредственно как связь самих работников, а не только их работ, принявших форму предметных результатов. Именно поэтому общенародная кооперация труда знаменует со стороны формы существование новую производительную силу, а именно силу комбинированного труда. Подчеркивая это обстоятельство, Ф. Энгельс писал: «Самая большая экономия рабочей силы заключается в *соединении отдельных сил* в коллективную силу общества и в таком устройстве, которое основано на этой концентрации до сих пор противостоявших друг другу сил»¹.

Возникновение этой формы общественного трудового процесса подготовлено рядом материальных предпосылок, и прежде всего тем уровнем развития вещественных элементов производительных сил и степенью их обобществления, которые достигнуты капитализмом. Поэтому если соотносить ее с этим уровнем, то можно сказать, что общенародная кооперация является той формой общественного трудового процесса, которая подготовлена системой крупного машинного производства и в которой эта система находит адекватный своей природе способ общественной реализации. Следовательно, только социализм может довести до логического завершения развитие вещественных элементов производительных сил и их обобществления, которое началось в пределах капиталистического производства в том смысле, что здесь возникает адекватная общественному характеру производства форма общественного трудового процесса. Однако историческое назначение этой формы не ограничивается тем, что она ассимилирует и до конца реализует потенции этого состояния вещественных производительных сил, которого они достигают при капитализме. Ее действительное историческое назначение состоит в том, чтобы не только преодолеть границы созданных капитализмом вещественных элементов производительных сил, исчерпав, разумеется, их возможности до конца, но и создать систему производительных сил, которая сможет служить материальным средством реализации социальных целей, вытекающих из структуры сущности социализма.

Иными словами, исторической миссией общенародной кооперации труда является создание адекватной ей материально-технической базы. Но она, как это было показано выше, не сводится к созданию лишь соответствующей системы вещественных производительных сил. Задача состоит в том, чтобы создать общественные производительные силы, адекватные социализму. Такая постановка задачи включает в качестве ор-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 541.

гандческого компонента формирование структуры совокупного работника, образующего существенный элемент содержательной характеристики общенародной кооперации труда.

Если интенсивный тип расширенного воспроизводства является характеристикой условий воспроизводства социально-экономической структуры социализма главным образом со стороны вещественных факторов производства, то развитие и совершенствование профессионально-квалификационной структуры совокупного работника характеризуют этот же процесс со стороны личного фактора. Эти характеристики, разумеется, не являются чем-то изолированным и обособленным друг от друга. Напротив, они находятся во внутренней диалектической связи. Определяющим звеном этой связи выступает развитие науки, т. е. системы всеобщих знаний о природе и обществе, и широкое использование их в общественной практике.

Общезвестно, что современная общественная практика немалым образом зависит от науки. Важно при этом иметь в виду, что в условиях развертывающейся научно-технической революции наметились новые тенденции соотношения науки и производства. Прежде, до научно-технической революции, развитие науки полностью детерминировалось потребностями производства, развитием техники. Направление этой детерминации в значительной мере сохранилось и в настоящее время. Вместе с тем синтез науки и производства в условиях научно-технической революции вызвал к жизни и новый аспект их соотношения. Он состоит в том, что научные знания выступают в качестве могучего фактора, воздействующего на практику общественного производства и определяющего направление его развития, его отраслевую структуру. Но вместе с этим меняется детерминация развития профессионально-квалификационной структуры совокупного работника: главным фактором развития структуры занятости выступают не просто потребности материального производства, а такие его потребности, которые в свою очередь обусловлены развитием самой науки. Отмеченное обстоятельство обусловлено не только (а может быть и не столько) гигантским прогрессом самой науки, сколько следствием действия основного экономического закона, т. е. результатом действия специфических социальных факторов, превращением потребности в овладении техническими знаниями в один из определяющих компонентов в составе личных потребностей работников социалистического общества.

Отмеченная закономерность образует основное содержание процесса формирования основного экономического закона социализма как процесса производства и воспроизводства всесторонне развитого индивида. На определенной ступени этого процесса должны в полной мере развиваться способности членов общества прежде всего как производителей, работников, овладевших всеобщей производительной силой общественного

труда. А в современных условиях это обусловлено развитием науки. Следовательно, для того чтобы сформировался совокупный работник как носитель всеобщей производительной силы, его труд должен подняться до уровня всеобщего труда, стать по преимуществу трудом интеллектуальным. Следовательно, одним из конституирующих условий формирования всесторонне развитой личности является овладение каждым членом общества условиями всеобщей производительной силы на основе усвоения и использования результатов всеобщего труда. Этот процесс и образует одно из наиболее существенных слагаемых формирования и совершенствования материально-технической базы социализма.

Для того чтобы выяснить, каково реальное содержание этого процесса и какие фазы он должен пройти в своем развитии, необходимо обратиться к характеристике состояния структуры совокупного работника. Совокупный работник пока еще не представляет собой со стороны своей внутренней структуры органической целостности. Это относится прежде всего к содержанию его труда. В настоящее время общенародная кооперация труда охватывает более 140 самостоятельных отраслей приложения труда и более 500 обособившихся видов производства. На основе существующей отраслевой структуры складывается разветвленная профессиональная структура совокупного работника. По имеющимся данным, только в промышленности более 40 тыс. профессий и специальностей¹.

Отмеченные обстоятельства определяют особенности формирования совокупного работника в масштабе всего общества, которые характеризуются наличием одновременно действующих, но разнонаправленных тенденций. Поскольку сохраняется значительный удельный вес ручного труда, традиционной технологии, с неумолимостью естественного закона продолжает действовать разделение труда, сопровождающееся ростом и усилением дифференциации в профессионально-квалификационной структуре совокупного работника. В этом случае количество профессий и специальностей обнаруживает тенденцию к возрастанию. Кроме того, поскольку происходит сокращение удельного веса ручного труда на основе осуществления научно-технического прогресса, в частности на основе комплексной механизации и особенно автоматизации производственных процессов, наблюдается тенденция к выравниванию условий производственной деятельности, развиваются интеграционные процессы, сопровождающиеся сокращением числа узких профессий и специальностей. Общее направление динамики профессионально-квалификационной структуры совокупного работника социалистического общества определяется второй тенденцией.

¹ Лебедев В. Г. Материально-техническая база коммунизма (социально-экономическая модель), с. 254.

Однако процесс этот отнюдь не прямолинейен, поскольку ручной труд, ручные операции, традиционная технология зачастую сопровождают процесс вытеснения ручного труда машинным. Некоторые виды механизации нередко сопровождаются не сокращением, а ростом ручного труда. Этим обстоятельством следует объяснить тот факт, что хотя уровень квалификации совокупного работника социалистического общества имеет тенденцию к неуклонному росту, тем не менее все еще значителен удельный вес работников малой квалификации. В начале 70-х годов в составе совокупного работника работники малой квалификации занимали примерно 27%¹.

Отсюда ясно, что процесс формирования развитой профессионально-квалификационной структуры совокупного работника еще далеко не завершен.

Прогрессивному изменению профессионально-квалификационной структуры совокупного работника в значительной мере содействует рост удельного веса интеллектуального труда в общей структуре трудовых затрат. Это обстоятельство подчеркивается всеми без исключения исследователями. В литературе отмечается, что с 1939 по 1977 г. среди промышленных рабочих число лиц, которые по преимуществу занимаются умственным трудом, выросло в 2 раза². Интеллектуализация совокупного работника есть та форма, посредством которой трудящиеся действительно оказываются в состоянии реально приложить всеобщую производительную силу и не только использовать ее, но и обогатить, внести свой вклад в ее развитие. Пока сохраняется тяжелый физический труд, множество узких профессий, низкий общеобразовательный уровень и уровень специальной подготовки работников, они не могут эффективно участвовать в создании комбинации трудовых процессов, вне которой в условиях развитой специализации производства и его кооперирования не может сложиться всеобщая производительная сила труда, поскольку последняя — это сила комбинированного труда, обогащенная знаниями научных основ производства, его техники, технологии и организации.

При наличии множества узкоспециализированных профессий овладение совокупным работником условиями всеобщей производительной силы труда может осуществляться посредством развития смежных и сквозных профессий. Те и другие, естественно, расширяют границы производственной деятельности работников, но это тем не менее не является радикальным средством преодоления профессиональной ограниченно-

¹ Руткевич М. Н. Сближение классов и социальных групп на этапе развитого социализма в СССР. М.: Знание, 1976, с. 33.

² Лебедев В. Г. Материально-техническая база коммунизма (социально-экономическая модель), с. 256.

сти. И смежные, и сквозные профессии служат средством расширения круга занятий при сохранении все той же эмпирической основы производственной деятельности работников. Действительным же базисом преодоления профессиональной ограниченности может быть овладение научными основами техники, технологии и организации производственного процесса. Тем не менее на определенной стадии формирования совокупного работника распространение сквозных и смежных профессий играет значительную роль в расширении круга профессиональной ориентации сферы производственной деятельности.

Наиболее действенным и наиболее эффективным направлением овладения совокупным работником всеобщей производительной силой является рост общеобразовательной и специальной подготовки работников. Достиженные в этой области развития страны результаты общеизвестны. По имеющимся данным, в 1977 г. по сравнению с 1960 г. общеобразовательный потенциал занятого населения в СССР вырос с 506,8 до 1102,7 млн. человеко-лет, т. е. в 2,2 раза, а число лет обучения в среднем выросло за тот же период с 6 до 8,6 года¹. Тем не менее с точки зрения требований научно-технического прогресса достигнутый общеобразовательный уровень совокупного работника является недостаточным. Современное производство, особенно если иметь в виду приоритетные отрасли промышленности, транспорта и связи, требуют работника со средним образованием. Недостаточно высокий общеобразовательный уровень и уровень специальной подготовки служит одной из основных причин недостаточной развитой профессионально-квалификационной структуры совокупного работника².

Неопровержимо доказано, что в настоящее время уровень образования выступает в качестве одного из решающих факторов роста квалификации и производительной силы общественного труда. По имеющимся данным, слесарь-инструментальщик с образованием 5 классов для повышения квалификации на один разряд должен затратить 5 лет, с образованием 7 классов — 3 года, с образованием 8—9 классов — 2—3 года, с образованием 10 классов — 1 год³.

Следовательно, достижение всеобщего среднего образования для всех категорий работников материального производства является сейчас одним из наиболее важных условий присвоения всеобщей производительной силы труда.

Речь идет, разумеется, о требованиях, предъявляемых к совокупному работнику господствующими условиями техники,

¹ Евдокимова Л. Н., Кириченко И. В. Экономическая роль образовательной подготовки трудовых ресурсов. М.: Экономика, 1983, с. 78.

² Соколова Г. Н. Культура труда в социальном развитии рабочего класса. М.: Наука и техника, 1984, с. 64.

³ Зинченко Г. И., Полов А. Н. Социалистический труд и качество работы. М.: Мысль, 1980, с. 76.

технологии и организации общественного производства. В более или менее отдаленном будущем уровень научно-технических знаний потребует от работников значительного повышения образовательного уровня за пределами общего и специального среднего образования. Уже в настоящее время производство во все более широких масштабах требует специалистов с высшим образованием, поскольку только на этой основе оказывается возможным овладеть условиями всеобщей производительной силы.

Какие же структурные уровни можно выделить в составе совокупного работника социалистического общества с учетом технического уровня производства, уровня образования и квалификации совокупного работника? Представляется, что с учетом состояния совокупного работника и его структуре можно выделить три основных уровня: первый — уровень индивидуального работника, второй — коллективного работника, который идет на смену индивидуальному, и, наконец, третий — всеобщего работника — носителя всеобщей производительной силы. Последние два уровня характеризуют содержательные квалификационной структуры совокупного работника как работника развивающегося социалистического производства. Что касается первого уровня, то он находится за пределами социалистического производства.

Собственное содержание общенародной кооперации труда как коммунистической формы трудового процесса определяется уровнем только всеобщего работника. Наличие второго уровня характеризует степень зрелости общенародной кооперации на первой ступени коммунистического общества, при социализме. Что касается индивидуального работника, то он представляет собой элемент прошлого, мануфактурного разделения труда с присущей ему иерархией специальностей, обусловленной различиями сложности труда и уровнем индивидуального мастерства отдельных работников.

Указанные уровни в структуре совокупного работника социалистического общества по-разному характеризуют природу трудовых связей, складывающихся между работником и обществом. На уровне индивидуального работника труд выступает как простое средство связи его с обществом с целью получения определенного вознаграждения. На этом уровне потребность в овладении профессией на основе усвоения научных основ трудового процесса по существу не возникает, поскольку работник может ограничиться преимущественно эмпирическими знаниями и опытом. Возможности совершенствования квалификации работника в этом случае весьма ограничены, что сокращает возможности его развития и как специалиста, и как личности.

Второй уровень структуры совокупного работника, т. е. коллективного, по еще относительно самостоятельного работника, рассматриваемый со стороны социальной характери-

стики трудовых отношений, содержит новые моменты. Каждый в отдельности член коллектива вовлечен в систему двоякого рода связей — внутри коллектива и коллектива с обществом в целом. Второй тип связей характеризует момент развития коллективного работника в направлении его превращения во всеобщего работника. Поэтому основой трудовой деятельности коллективного работника выступает не только, а в ряде существенных моментов и не столько эмпирический базис, но и система научных знаний техники и технологии. С точки зрения тенденций развития именно этот момент оказывается преобладающим. Что касается уровня всеобщего работника, то его труд выступает не просто как средство связи его с другими работниками и с обществом в целом для получения средств к жизни, но главным образом как фактор развития самого работника и как специалиста, и как личности.

Различные уровни структуры совокупного работника по-разному детерминируют развитие техники и использование ее результатов. На уровне индивидуального работника вопрос этот по существу вообще не стоит. Его постановка обусловлена уровнем коллективного, относительно самостоятельного работника, поскольку он возникает и формируется как продукт машинного производства. Однако возможности научно-технического прогресса на этом уровне все же ограничены. Коллективный, относительно самостоятельный работник заинтересован в утилизации результатов научно-технического прогресса в границах, обусловленных природой коллективного интереса. Лишь всеобщий работник, трудовая деятельность которого выступает как творческая и по преимуществу интеллектуальная и не может осуществляться вне постоянного и непрерывного развития и использования новейшей техники, научной технологии и научной организации трудового процесса, заинтересован в ускорении научно-технического прогресса и использовании его результатов.

Существующая еще гетерогенность профессионально-квалификационной структуры совокупного работника нередко приводит к отставанию квалификационного уровня от роста фондовооруженности труда. Это ведет к значительному затягиванию сроков освоения новых мощностей и обусловленным этим народнохозяйственным потерям. В литературе отмечается, что и до настоящего времени рост фондовооруженности труда опережает рост расходов на образование в расчете на одного работника. По имеющимся данным, отношение между этими показателями составляло в 1960 г. 1:5; в 1970 г. — 2:4; в 1977 г. — 3:4¹.

Особенно недостаточно развитой остается профессионально-квалификационная структура работников сельского хозяйства.

¹ Сидоров В. А., Катусьский Е. Д., Миклулин В. Г. Социально-экономические проблемы подготовки молодежи к труду. М., 1980, с. 22.

Квалификационная структура работников колхозов и совхозов во второй половине 70-х годов выглядела следующим образом. В колхозах квалифицированный труд составлял 19%, мало-квалифицированный — 25, неквалифицированный — 56, соответственно в совхозах — 19, 30, 51%¹.

Процесс развития материально-технической базы социализма, который, как уже отмечалось, является выражением интегрального действия всех функций основного экономического закона социализма, включает в качестве одной из основных содержательных характеристик развитие и совершенствование структуры совокупного работника в направлении утверждения всеобщего работника в качестве не только определяющего, но и единственного компонента общенародной кооперации труда. Это развитие включает три последовательно сменяющие друг друга стадии, о которых речь пойдет ниже. На известной ступени этой эволюции с необходимостью возникает задача коренного преобразования собственно технической основы производственного процесса. Эта задача подготавливается всем предшествующим развитием общенародной кооперации труда, изменениями, которые вытекают в процессе развития структуры совокупного работника. Таким образом, прежде чем дело дойдет до существенно новых орудий труда и технологических методов и их внедрения в производство, обусловленного процессом формирования основного экономического закона социализма, состояние общенародной кооперации труда должно подготовить их как технически, так и организационно. Поэтому рассматриваемая ступень формирования материально-технической базы выступает не первоначальной, а, скорее, заключительной ее ступенью. Подобно тому как машинное производство первоначально выросло из мануфактурной стадии, техническая основа коммунистического способа производства должна вырасти как закономерный результат (но отнюдь не исходный пункт) предшествующего развития общенародной кооперации труда. Новая система машинных средств, таким образом, завершает формирование материально-технической базы коммунизма.

Потребность в новой технической основе возникает лишь тогда, когда повышение дееспособности труда посредством совершенствования его внутренней организации не может быть на протяжении более или менее ограниченного периода достигнуто непосредственным работником. Если же между техническим уровнем новых средств труда и уровнем профессиональной подготовки непосредственного работника и другими факторами общественной организации труда существует значительный разрыв, производительность труда не только не повышается, а, напротив, может понизиться. Следовательно, прежде чем появится новая, а тем более существенно новая

¹ Вопросы экономики, 1978, № 8, с. 5.

система средств труда, должны быть созданы необходимые предпосылки как в организации трудового процесса, так и в профессиональной подготовке непосредственного производителя¹.

Отмеченная закономерность, согласно которой новые технические средства готовятся изменениями в общественной организации трудового процесса и соответствующими изменениями в профессиональной подготовке работников, действует в пределах всего того периода, пока живой труд сохраняет значение главного фактора производства общественного богатства в условиях развития материально-технической базы социализма.

Развитие материально-технической базы социализма предполагает такое овладение работниками социалистического производства условиями и факторами всеобщей производительности труда, при котором оно распространится на подавляющее число работников. При этом речь идет о таком уровне всеобщей производительности, которая достигнута на основе уже действующей техники, технологии производства и его внутренней организации. Но ниже этого уровня находится та категория работников, которая характеризует отдельного и в определенной мере частичного работника. К этой категории можно отнести ту часть работников промышленности и особенно сельского хозяйства, которая занята тяжелым физическим трудом и по существу находится за пределами системы крупного машинного производства.

Степень распространения ручного, и в частности тяжелого физического труда,—наиболее очевидная характеристика типа общественной организации трудового процесса общества. Но существует ряд других факторов, определяющих ее состояние,—квалификационный состав непосредственных работников, степень распространения научной организации трудового процесса, удельный вес научно обоснованных норм, что, в частности, находит свое выражение в степени выполнения существующих норм выработки, соотношении в динамике производительности труда и заработной платы, состоянии материальной заинтересованности, уровне интенсивности труда, ритмичности в выполнении производственных заданий и т. д. Состояние этих и других параметров, характеризующих общественную организацию труда, определяется господствующим уровнем техники и технологии производства. Достигнутая всеобщая производительная сила труда еще не стала достоянием всех работников материального производства.

Это касается, в частности, научно обоснованных норм. Хотя доля опытно-статистических норм имеет тенденцию

¹ Разумеется, существует и обратная зависимость. Новые средства труда выступают как мощный фактор изменения и совершенствования и того, и другого.

к снижению, тем не менее все еще более 20 % рабочих промышленности существенно перевыполняют свои производственные задания. А это говорит о том, что их нормы выработки определяются исходя не из достигнутого уровня технической вооруженности труда и научных форм его общественной организации, а преимущественно из достигнутого уровня оплаты труда. Не менее характерным на этот счет является соотношение динамики производительности труда и заработной платы. Во многих случаях темпы роста заработной платы вплотную приблизились к темпам роста производительности труда, а нередко и превышают их. Не всегда выполняются нормативы расхода сырья, топлива, энергии, качества продукции, кооперативных поставок. Многие промышленные министерства не выполняют заданий пятилетнего плана по объемным и особенно качественным показателям. В машиностроении допускается значительный перерасход металла. В результате все многих отечественных станков почти в 3 раза превышает вес аналогичных станков, производимых в развитых капиталистических странах. Такое положение вещей не в последнюю очередь объясняется тем, что продукция машиностроения до сих пор оценивается по весу. Не совершенной остается система оценки результатов производственной деятельности в других отраслях промышленности и строительстве.

Если прежняя система показателей ориентировала предприятия на материалоемкий вариант выполнения плановых заданий, то вновь введенный показатель нормативно-чистой продукции нередко ориентирует на повышение трудоемкости, что по сути ограничивает стимулы научно-технического прогресса.

Качество оценочных показателей оказывает существенное влияние на эффективность системы материального стимулирования, а потому и на степень реализации личных и коллективных материальных интересов. Это особенно касается той части доходов работников, которая формируется за счет хозяйственных фондов стимулирования.

Недостаточная развитость новой общественной формы организации труда наиболее отчетливо проявляется в тех осложнениях, которые встречаются в процессе реализации достижений научно-технического прогресса. Они обнаруживаются не только в его недостаточных высоких темпах, но и в недостаточном использовании наличного технического потенциала, низком коэффициенте использования оборудования, значительном удорожании новых образцов техники, росте фондоемкости продукции, удельном весе физически и морально устаревшего оборудования и т. п.

Наличие в структуре совокупного работника социалистического общества такого компонента, как индивидуальный, относительно самостоятельный работник, образует границу даль-

нейшего роста всеобщей производительной силы труда, определяемой достигнутым уровнем науки и ее технологического применения. Поэтому-то и нормативы, формируемые на этой основе планирующими органами, во многих случаях не выполняются. В этом случае общенародная кооперация труда не может в полной мере реализовать свои преимущества как новая форма организации общественного трудового процесса. Поскольку структура совокупного работника остается еще не вполне развитой, общенародная кооперация труда не может в полной мере обеспечить всеобщую производительность, а потому не может в достаточной степени стимулировать развитие принципиально новой технической основы, обеспечивающей существенно новый уровень этой всеобщей производительной силы. Именно поэтому, по нашему мнению, практика социалистического хозяйствования постоянно сталкивается с проблемами научно-технического прогресса. Решение этих проблем возможно на пути всестороннего совершенствования общественной организации труда, прогрессивных сдвигов в структуре совокупного работника. Речь идет о том, чтобы в ближайшей перспективе поднять уровень индивидуального работника до коллективного работника, приблизить его ко всеобщему работнику и тем самым в значительной мере преодолеть противоречие между формой общенародной кооперации труда и ее реальным содержанием. При таких условиях возможно будет не только эффективно ассимилировать уже имеющийся технический и научный потенциал, но и создать необходимые стимулы и сформировать практические потребности в достижении более высокого уровня техники и технологии, т. е. нового уровня научно-технического прогресса, соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, заложенными прежде всего в новой форме общественного трудового процесса.

В литературе, посвященной вопросам интенсификации социалистического производства, основное внимание уделяется ее общеэкономическим и значительно меньше — социально-экономическим аспектам. Такой крен в сторону общеэкономических аспектов интенсификации только создает видимость конкретного рассмотрения проблемы интенсификации. Конкретное исследование этой проблемы предполагает включение в него в полном объеме социально-экономического аспекта, поскольку именно он играет решающую роль. Последняя обусловлена определяющим значением социально-экономической формы общественного производства. Это особенно важно, поскольку речь идет о процессе развития материально-технической базы социализма, который всецело определяется действием специфических законов.

Что же выступает в роли главного социально-экономического фактора интенсификации социалистического производства в процессе развития материально-технической базы соци-

ализма? Если отвечать на этот вопрос в общем виде, то таким фактором выступает основной экономический закон. Однако такой ответ будет слишком общим потому, что сам этот закон в свою очередь также еще формируется и необходимо найти специфически историческую форму его действия, в которой содержательно представлен этот процесс. Именно она является главным социально-экономическим фактором интенсификации социалистического производства на протяжении всего исторического периода совершенствования социалистического общества. По нашему мнению, такой содержательной формой как раз и выступает развитие профессионально-квалификационной структуры совокупного работника как конкретно-исторической формы развития личности членов социалистического общества. Если, с одной стороны, по отношению к форме общественного трудового процесса — общенародной кооперации труда — квалификационная структура совокупного работника выступает в качестве содержания, то, с другой стороны, по отношению к общеэкономическому содержанию процесса интенсификации социалистического производства она играет роль социально-экономической формы. Ее реальное состояние, темпы и интенсивность процесса ее совершенствования в направлении достижения уровня всеобщего работника образуют главный социально-экономический критерий интенсификации социалистического производства вообще и интенсивного типа расширенного воспроизводства в частности. Этот критерий одновременно выступает и как определяющий фактор динамики процесса интенсификации.

Если рассматривать материально-техническую базу с точки зрения процесса ее формирования, то можно выделить три основные ступени. Первая ступень характеризуется утверждением новой формы организации общественного трудового процесса — общенародной кооперации труда вначале в качестве адекватной социализму формы, объединяющей труд в масштабе страны, а затем и мировой системы социалистического хозяйства. Это форма утверждения системы производственных отношений социализма, которые вне этой формы вообще существовать не могут. На первых порах никаких содержательных преобразований с точки зрения состояния профессионально-квалификационной структуры и тем более техники и технологии здесь еще не происходит.

На второй ступени утверждается новый тип общественной организации труда со всеми присущими его содержанию компонентами, и прежде всего изменениями в структуре совокупного работника. По мере завершения этой ступени возникает как потребность в формировании существенно нового технического базиса производства, так и возможность утверждения принципиально нового типа его технической основы. Такая потребность обусловлена, во-первых, тем, что возможности повышения дееспособности труда на путях совершенствования

его общественной организации в конечном счете не беспредельны, если учесть, что они достигаются на прежней технической основе. Во-вторых, само совершенствование общественной организации труда рано или поздно выдвигает потребность преобразования технической основы производства.

Поэтому на известной ступени зрелости общенародной кооперации труда происходит переворот в техническом базисе производства, который характеризует такую ступень развития вещественных условий общественного производства и такой уровень производительности общественного труда, которые знаменуют наступление коренного изменения взаимоотношений личного и предметных условий производства.

Человек перестает быть непосредственным агентом технологического процесса, а становится рядом с ним, выполняя роль контролера и наблюдателя, притом не посредством своих естественных органов, а на основе действия высокоэффективных технических систем, основанных на использовании электроники и вычислительной техники. Его трудовая деятельность действительно приобретает характер подлинно творческий. В этом случае она полностью включается в состав его жизнедеятельности. Это завершает коренное преобразование структуры совокупного работника в том смысле, что его единственным компонентом становится всеобщий работник. Тем самым завершается процесс формирования его структуры. Отмеченные преобразования характеризуют заключительную ступень развития материально-технической базы социализма.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМЫХ ЗАТРАТ ТРУДА

Непосредственно общественная связь, получая свое материальное воплощение в системе материально-технической базы социализма, обретает адекватные себе формы движения. Это обстоятельство находит свое выражение не только в тенденциях, определяющих перестройку производственного аппарата, но и в перестройке механизма функционирования совокупного труда. Превращение непосредственно общественной связи из предпосылки в результат движения экономической структуры социализма означает, что организация общественного труда претерпевает не только социально-экономические, но и функциональные изменения. Новая социально-экономическая форма, закрепленная в системе материально-технической базы, перестраивает структуру функционирования совокупного труда.

Эта закономерность всеобща по своему характеру, хотя сугубо специфична по своей сущности. Например, переход от феодализма к капитализму, сопровождавшийся полуэкономическим принуждением к труду, первоначально ничего не менял в структуре функционирования совокупного труда. На стадиях простой кооперации и мануфактурного производства труд производителя, не будучи закрепленным в системе машинного производства, сохранял формальную независимость от капитала. Данное обстоятельство получает свое выражение не только в правовых формах регламентации отношений труда и капитала, но и в правовом регулировании воспроизводства социально-экономической структуры общества. В условиях когда капитал господствует над трудом через систему форм, доставшихся ему от своего исторического предшественника, воспроизводство отношения труда и капитала еще не приобретает форму стоймостной определенности общественно необходимых затрат труда, регулирующих обмен труда и капитала.

Стоимостная форма общественно необходимых затрат труда, формально возникающая в условиях простого товарного производства, становится фактором, определяющим механизм включения труда производителя в совокупные общественные затраты лишь на основе машинного производства, когда рабочий превращается в придаток к системе овеществленного труда. С этого момента труд непосредственного производителя в его затратной форме является условием его воспроизводства именно в качестве труда наемного рабочего, который подчинен силе капитала, противостоящего рабочему в вещном облике системы средств производства. Если абстрагироваться от таких аспектов проблемы общественно необходимых затрат труда, как их количественная определенность и формационные границы, то можно выделить тот факт, что в условиях капитализма они выражают прежде всего конкретный механизм включения индивидуального труда в совокупный общественный труд. Труд наемного рабочего через механизм стоимостной редукции получает форму общественного признания, становится реальным элементом совокупного труда лишь в виде стоимости, причем не стоимости как затраты труда, а стоимости как затраты капитала в форме общественно необходимых издержек производства. Именно этот механизм и составляет внутреннюю форму процесса воспроизводства господства капитала над трудом.

Ломка стоимостных отношений и утверждение непосредственно общественной формы труда означает не только уничтожение скрыто общественной, опосредованной движением продукта, формы его движения, но и отрицание всего механизма стоимостной редукции как внутренней формы воспроизводства социально-экономической структуры общества. Уже в самом общем виде это означает, что отрицается стоимостная форма соизмерения затрат труда. Уничтожение товарной формы рабочей силы и становление непосредственно общественного характера труда предполагают прямое включение труда каждого члена общенародной кооперации труда в совокупный труд общества, а потому и воспроизводство самой социальной структуры общества именно через труд, а не через стоимость продукта труда. Это положение очевидно.

Однако, не отрицая его, ряд экономистов считает, что поскольку труд продолжает оставаться основой общественного богатства, то непосредственно общественная его форма не отменяет проблему его соизмерения, определения его общественно необходимых затрат. Поскольку же непосредственно общественная связь индивидов как всеобщая основа коммунистического способа производства рассматривается либо только как генетический, либо только как структурный компонент, то и проблема соизмерения затрат непосредственно общественного труда решается в литературе, как правило, в двух основных формах. Во-первых, говорится о соизмерении

затрат труда в непосредственных часах рабочего времени. Во-вторых, сводя непосредственный труд к конкретному, пытаются соизмерять затраты конкретного труда. Несмотря на кажущееся различие в постановке вопроса в обоих случаях, вольно или невольно допускается абсолютизация одной из сторон двойственного характера труда. В первом по сути дела молчаливо признается наличие труда вообще, хотя и в непосредственно общественной форме, и, следовательно, его противопоставление конкретному труду (как форме непосредственного признания его общественной природы). Во втором случае, противопоставляя индивидуально-конкретный и всеобще-конкретный труд, эту двойственность помещают в рамки простого процесса труда, поскольку конкретный труд без дальнейших определений объявляется его характеристикой.

В условиях социализма всеобщность труда меняет свое содержание. Труд является не только основным источником общественного богатства, но и основным условием существования всех членов общества. Именно поэтому затраты труда каждого отдельного индивида с самого начала носят непосредственно общественный характер. Индивидуальный труд признается общественным постольку, поскольку он — основа существования всех членов общества в качестве определенных звеньев профессионально-квалификационной структуры общественной кооперации. Вместе с тем непосредственно общественной природой труда характеризуется лишь в самых общих чертах, наиболее абстрактно. Труд каждого индивида до начала своего осуществления признается лишь потенциально нужным для удовлетворения тех или иных потребностей общества. Реальное же удовлетворение общественных потребностей связано уже с самим осуществлением этого труда, с тем, в какой мере он будет реализовать общественные потребности. Именно поэтому в силу незавершенности обобществления объективно возникает необходимость редуцирования индивидуальных затрат труда в его непосредственно общественной форме. Иными словами, индивидуальный непосредственно общественный труд должен получить особую форму своего включения во всеобщий непосредственно общественный труд уже в самом процессе своего осуществления, а не после своего завершения.

Это включение происходит в форме установления и поддержания плановых нормативов труда, которые устанавливаются обществом на основе заранее определенных общественных потребностей. Именно благодаря этому затраты индивидуального труда приводятся в соответствие общественно необходимым не после завершения процесса труда, а уже в самом процессе его осуществления. Причем речь идет о нормативах затрат не только живого, но и овеществленного труда. Поскольку общественно необходимые затраты труда складываются из затрат и живого, и овеществленного труда, то общество,

устанавливая эти нормативы, регламентирует их взаимосвязь и взаимозависимость. По сути дела установление и поддержание этих нормативов играют не организационно-техническую, а социально-экономическую функцию. Такие нормативы экономически реализуют общенародную собственность на средства производства. Установление плановых норм расхода живого и овеществленного труда в масштабах всего общества является не только и не столько контролем за расходованием труда, сколько средством формирования пропорций между необходимым и прибавочным продуктом, средством установления абсолютных величин необходимого и прибавочного продукта. В этом смысле общенародное плановое нормирование труда не столько технико-экономическая функция, присущая любому обобществленному производству, сколько функция движения непосредственно общественного труда. Благодаря этим нормативам общество гарантирует непосредственно общественную природу индивидуального труда.

Однако поскольку в пределах социалистической стадии реальной производственной единицей выступает первичное производственное звено в виде предприятия и объединения, то включение индивидуального непосредственно общественного труда во всеобщий непосредственно общественный осуществляется через включение индивидуального труда в совокупный труд коллектива предприятия, т. е. через признание непосредственно общественной природы коллективного труда, который интегрирует труд отдельных работников.

Вследствие этого возникает двуединая задача во-первых, стимулирования не только индивидуального, но и коллективного непосредственно общественного труда; во-вторых, преодоления различий технической оснащенности труда, связанных с различиями фондовооруженности предприятий, и ее структуры. Это в свою очередь предполагает динамичность нормативов, которые должны не допускать нивелировку индивидуального труда, основывающегося на различных способностях самих индивидов, и в то же время эти же нормативы должны исключать различия в производительной силе индивидуального труда, обусловленные различием фондовооруженности коллективного труда, непосредственно определяющие различие материального благосостояния как отдельных работников, так и коллективов первичных производственных звеньев. В противном случае неизбежны рецидивы двойного рода: во-первых, уравнилельное распределение; во-вторых, неравенство в индивидуальном непосредственно общественном труде, которое обусловлено неравенством вещественных факторов труда и противоречит по сути дела самой природе непосредственно общественного труда. Наличие и того, и другого подрывает систему включения индивидуального непосредственно общественного труда во всеобщий непосредственно общественный труд.

Включение индивидуального непосредственно общественного труда во всеобщий является той формой, в которой он признается не только предпосылкой движения общества, но и его результатом. Это объясняется тем, что в конечном счете распределение материальных благ прямо пропорционально количеству и качеству индивидуального труда и определяется тем, насколько он признается моментом всеобщего непосредственно общественного труда. В противном случае, когда отсутствует механизм редуцирования индивидуального труда во всеобщий непосредственно общественный, признание общественной природы труда происходит не в самом процессе его осуществления (через систему контроля за его расходованием), а через движение продуктов труда. Это сразу же приводит к возрождению элементов товарных отношений и подрывает механизм функционирования труда как непосредственно общественного. Данное обстоятельство и не удивительно, поскольку внутренним, органическим моментом включения индивидуального непосредственно общественного труда во всеобщий непосредственно общественный является процесс возмещения его затрат. Как уже отмечалось, именно в форме распределения материальных благ прямо пропорционально количеству и качеству индивидуального непосредственно общественного труда он закрепляется и воспроизводится как часть всеобщего непосредственно общественного труда, а каждый работник как элемент профессионально-квалификационной структуры общенародной кооперации труда.

Таким образом, характерной особенностью индивидуального непосредственно общественного труда является его движение на основе трудового эквивалента. Последнее имеет место не потому, что индивидуальный труд непосредственно общественный, а потому, что он все еще выступает основным источником богатства общества.

Трудовая эквивалентность характеризует отношения между членами общества, но не в их непосредственной форме, а в снятом виде, опосредованном через систему общественного нормирования труда. На первый взгляд может создаться впечатление, что в рамках непосредственно общественной природы труда имеет место опосредование. Однако в данном случае следует иметь в виду, что непосредственно общественные отношения лишь по форме опосредованные. Дело в том, что даже непосредственное отношение двух индивидов всегда опосредовано. Во-первых, оно опосредовано объектом, по поводу которого складываются эти отношения. Во-вторых, оно опосредовано результатом, в котором проявляются (материализуются) эти отношения. Следовательно, говоря о непосредственно общественных отношениях, нужно помнить, что речь идет не об уничтожении проявления этих отношений через что-либо, а об уничтожении отчужденной формы проявления этих отношений. При социализме общество не противопоставляет

индивидам как нечто им чуждое. То обстоятельство, что отношения трудовой эквивалентности проявляются не как личностные отношения людей друг к другу, а как отношения, связанные с затратной формой осуществления труда, совершенно не отрицает ее непосредственно общественной природы. Данное обстоятельство всецело обусловлено тем, что все члены общества непосредственно включены в единую производственно-потребительскую ассоциацию.

Сохранение трудовой эквивалентности в пределах функционирования непосредственно общественного труда обусловлено тем, что индивидуальный непосредственно общественный труд включается во всеобщий непосредственно общественный в форме односторонне определенной профессиональной деятельности членов общества, для которых эта форма является одновременно и условием их существования.

Вследствие этого индивидуальный непосредственно общественный труд воспроизводится не только как момент движения всеобщего непосредственно общественного труда, но и как труд профессионально ограниченный. Сама эта профессиональная ограниченность индивидуального труда имеет разное социальное значение. Именно поэтому нормативы, определяющие условия труда, его вознаграждения, обеспечивают воспроизводство работников не только как членов производственной ассоциации, но и в заранее заданной (условиями приложения труда) профессиональной форме.

Таким образом, в рамках движения непосредственно общественного труда как индивидуального существует определенное противоречие. Как непосредственно общественный индивидуальный труд предполагает безразличие к конкретной форме своего осуществления и, следовательно, подвижность приложения затрат, т. е. предполагает свободную смену членами общества своих профессий. Однако поскольку этот труд является основой производства богатства в материально-вещественной форме, то он предполагает воспроизводство существующей профессиональной структуры деятельности членов общества.

Это противоречие не имеет своей собственной определенности, отличной от общей определенности противоречия индивидуального и всеобщего непосредственно общественного труда. Индивидуальный непосредственно общественный труд противоречит его всеобщей определенности, поскольку, как уже отмечалось выше, он является единичной обособленной формой проявления непосредственно общественной его природы.

Противоречие же между индивидуальным и всеобщим непосредственно общественным трудом получает форму своего движения в стирании граней между сферами его приложения (производственной и непроизводственной) в усилении и расширении нематериальных стимулов деятельности (престижности, творческого характера деятельности и т. п.), поскольку

эти последние выходя за рамки труда как условия существования. На этой основе происходит постепенное превращение природы труда как экономической формы в специфически социальный феномен, а соответственно и в первую жизненную потребность. Это означает, что отношения людей друг к другу формируются на принципиально новой основе как отношения, все более оторванные от связи с движением продуктов труда. Вследствие этого они получают форму зрелых непосредственно общественных связей. Однако общая тенденция развития указанного противоречия не исключает такой переходной формы сведения индивидуального непосредственно общественного труда ко всеобщему, как нормирование. Напротив, только на этой основе и через нее возможно реальное преобразование природы индивидуального труда профессионально ограниченных членов общенародной кооперации труда. Поскольку в условиях социализма «производство материально-вещественного богатства выступает основным условием, базой, на которой совершается и изменение условий, и характера труда, и возрастание времени для всестороннего развития способностей трудящихся, и потребление, обеспечивающее такое развитие. Тем самым развитие способностей индивидов предстает не как какое-то их внутреннее самоусовершенствование, а как развитие, происходящее в свободное время на базе определенных материальных условий, и как плано-организованное проявление этих способностей в процессе совместного труда»¹.

Именно вследствие этого в условиях социализма непосредственной практической задачей является определение объективной основы плановых нормативов. Независимо от того, в какой плоскости решается эта проблема, речь идет о поиске объективных критериев, характеризующих качественную и количественную природу и закономерности динамики плановых норм затрат живого и овеществленного труда.

Отсутствие свободного перелива живого и овеществленного труда в межотраслевом разрезе по сути дела означает исчезновение механизма стоимостного формирования общественно необходимых затрат труда. Вследствие этого проблема нормирования труда превращается в проблему поиска аналога стоимостного измерения общественно необходимых затрат. Если обратиться к литературе, посвященной данной проблеме, то мы увидим, что именно в такой плоскости ставится и решается большинством экономистов вопрос об объективных основах плановых нормативов. Такая постановка вопроса, бесспорно, актуальна с точки зрения регламентации ценообразования и доходов, однако, как показывает опыт ее теоретического и практического решения, именно в этой плоскости она не может быть решена.

¹ Петрович В. А. Плановые нормы развития социалистического производства. М.: Мысль, 1983, с. 84.

Попытки отыскать планомерную форму определения общественно необходимых затрат труда опираются на две основные посылки. Во-первых, труд независимо от общих закономерностей развития социализма рассматривается как главный источник общественного богатства. Во-вторых, качественное отличие социализма от капитализма усматривается в замене стихийного механизма регулирования материального производства сознательно планомерным. Это аксиомы, на основе которых предпринимаются попытки обосновать предельно-плановые затраты в качестве расчетной базы ценообразования или выделить механизм редукции конкретного труда.

Однако прежде, чем решать проблемы количественного определения общественно необходимых затрат труда, следует сначала решить проблему их качественной природы. Определение объективной основы плановых норм предполагает выяснение вопроса о содержании общественно необходимых затрат труда. Здесь недостаточно ограничиться общезкономической характеристикой общественно необходимых затрат труда. В условиях капитализма их величина, как это ни парадоксально на первый взгляд, выступает в виде затрат не труда, а капитала. Тот факт, что в «Капитале» К. Маркса общественно необходимые затраты труда рассматриваются как средневзвешенные, а не средние из ряда индивидуальных, отражает реальную доминанту процесса общественного производства — капитал. И все проблемы соответствия структуры и объема совокупных затрат труда структуре и объему общественных потребностей определяются этой главной и всеохватывающей формой — капиталом, его затратами как условием самовозрастания. Живой труд, его затраты играют подчиненную роль по отношению к затратам овеществленного труда. Именно эти последние, затраты не труда, как такового, а капитала, и определяют величину общественно необходимых затрат труда.

Возникает вопрос: можно ли в таком случае индифферентно содержанию затрат труда, механически уравнивая затраты живого и овеществленного труда, пытаться определить их общественно необходимую величину при социализме? Очевидно, нельзя. Вещи, как писал К. Маркс, становятся соизмеримыми будучи приведены к единому внутренне присущему им качеству, определяющему их сущность¹. Сущностью общественно необходимых затрат труда в условиях капитализма является стоимость — вещная форма затрат труда. Именно на основе овеществленного труда и происходит соизмерение величин общественно необходимых затрат труда. Применительно к вопросу о природе общественно необходимых затрат труда в условиях социализма следует прежде всего решить вопрос, о чем идет речь: о затратной форме живого труда и его соизмерении или же о вещной форме затраченного труда и его соизмерении.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 45.

Это качественно разные проблемы. Живой труд может быть соизмерен как непосредственная затрата, овеиествленный — только как косвенная. Однако дело не только в этом. Оставляя в стороне вопрос о социальном аспекте господства овеиествленного труда над живым в условиях капитализма, нельзя не видеть и того, что этот факт выражает и еще одно обстоятельство — овеиествление производительной силы совокупного труда в системе машин. Это существенно влияет на структуру стоимости, поскольку «[при применении машин] авансируемая на сырой материал часть капитала возрастает по отношению к той его части, которая авансируется на заработную плату, еще несравнимо быстрее, чем при простом разделении труда. Кроме того, сюда еще добавляется новая и сравнительно большая масса капитала, авансируемого на средства труда, машины и т. д. Таким образом, с развитием промышленности всемогательная часть капитала возрастает по отношению к той его части, которая затрачивается на живой труд»¹.

Поскольку переход к социализму уничтожает господство овеиествленного труда над живым, постольку отмирает антагонистическая форма взаимосвязи между изменением затрат труда овеиествленного в средствах производства и затратами живого труда в масштабах общества. Однако это не уничтожает, да и не может уничтожить того, что и в условиях социализма изменение производительности труда определяется не только совершенствованием умелости рабочих, но и повышением дееспособности орудий труда. Причем по мере развертывания научно-технического прогресса эта зависимость становится все более и более очевидной. Таким образом, попытки определения общественно необходимых затрат труда посредством его нормирования во времени явно недооценивают действительных факторов, которые определяют динамику совокупных затрат труда, воплощаемых в продукте. При их обосновании выделение социально-экономической формы живого труда превращается в самодавляющий фактор.

Значит ли это, что величина общественно необходимых затрат труда может быть определена на базе овеиествленного труда? Отнюдь нет. Невозможность определения объективных основ общественно необходимых затрат труда путем нормирования живого труда в форме установления временных норм совсем не означает того, что следует сосредоточить все усилия на отыскании формы соизмерения овеиествленных затрат труда, отличных от стоимостной. Изменение производительности труда под воздействием изменения производительной силы орудий труда и соизмерение овеиествленных затрат труда — это разнопорядковые явления. Одно не следует из другого. Превращение орудий труда в главный фактор, определяющий динамику производительности живого труда, еще не означает,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 362.

что величина общественно необходимых затрат труда обуславливается затратами овеществленного труда. Напротив, это обстоятельство, как уже отмечалось выше, характеризует специфику только капиталистического способа производства.

Величина общественно необходимых затрат труда как затрат овеществленного в продукте труда имеет значение лишь по отношению к одной части этого овеществленного труда — прибавочной стоимости. Даже в пределах капиталистической формы производства величина общественно необходимых затрат труда не может быть исчислена на основе только овеществленных затрат труда по отношению ко всем совокупным затратам труда. Вряд ли можно отнестись с точки зрения затрат совокупного труда к общественно необходимым затратам, связанные, например, с рекламой. Они входят в общественно необходимые затраты труда лишь по отношению к прибавочной стоимости. Наоборот, с точки зрения соотношения затрат овеществленного труда и прибавочной стоимости затраты на содержание государственного аппарата и социальные нужды нельзя считать фактором формирования общественно необходимых затрат труда, но они являются таковыми, если иметь в виду воспроизводство не материально-вещественной, а социальной структуры производства. Не случайно поэтому в условиях капитализма все большая доля прибыли укрывается от налогов через систему страховых, пенсионных и других социальных фондов.

При определении количественной динамики общественно необходимых затрат труда в условиях социализма ориентация на затраты овеществленного труда неприемлема потому, что вещественный продукт является лишь средством воспроизводства профессионально-деятельной структуры общества. Определение величины затрат труда, воплощенного в продуктах, опосредуется совокупными затратами труда, связанными с воспроизводством профессионально-квалификационной структуры. В совокупности этих затрат затраты живого и овеществленного труда в сфере материального производства сохраняют хотя и существенную, но далеко не определяющую роль.

Практика развития, например, сельскохозяйственного производства наглядно показывает, что сокращение затрат живого труда в этой отрасли связано не только и не столько с механизацией и индустриализацией труда, сколько со стиранием социальных различий сельскохозяйственного и промышленного труда. Рост капитальных вложений в сельское хозяйство не приводит к повышению производительности труда и сокращению совокупных затрат, воплощаемых в продукте, если он не сопровождается выравниванием социальных условий труда.

**ДВИЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СОВОКУПНОГО
ПРОДУКТА КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ
ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИЗМА**

§ 1. ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Механизм формирования общественно необходимых затрат труда, образуя внутреннюю основу движения непосредственно общественной связи, получает свое материальное воплощение в воспроизводственном процессе социально-экономической структуры социализма. Воспроизводственный процесс полагает непосредственно общественную связь индивидов как действительно всеобщую и господствующую форму, превращая ее из предпосылки в результат общественного развития. В этом смысле воспроизводство является конкретной формой осуществления внутренних закономерностей развития и функционирования социалистического производства. Его понимание — необходимое условие решения ряда коренных проблем хозяйственного строительства. Это аксиома, которую можно было и не напоминать, если бы в литературе, посвященной анализу процесса воспроизводства, не встречались рецидивы позитивистского, механического отождествления абстрактно-всеобщих и специфически социальных его проблем.

Как правило, апеллируя к «Капиталу» К. Маркса, многие экономисты сводят суть воспроизводственного процесса к реализации и возмещению элементов совокупного общественного продукта. Такой подход, на наш взгляд, неправомерен.

Воспроизводственный процесс в том его виде, как он изображен в «Капитале» К. Маркса, является специфической характеристикой именно капиталистической системы отношений, выражая присущую только ему форму превращения предпосылок в результат. При этом следует иметь в виду и то

обстоятельство, что в «Капитале» характеристика воспроизводственного процесса далеко не однозначна.

Вначале, в первом томе, он рассматривается в своих основных чертах как процесс воспроизводства зависимости труда от капитала, очищенный от конкретных форм реализации, которые представлены в движении структурных элементов совокупного продукта. К. Марке анализировал воспроизводство как процесс возобновления условий продажи товара рабочей силой. Это воспроизводство социальной структуры общества в его главных и наиболее абстрактных моментах. Уже здесь в самом общем виде К. Марке показал предметно-вещественную форму зависимости труда от капитала. Процесс производства прибавочной стоимости является одновременно и воспроизводством рабочего в односторонней определенности рабочей силы, и воспроизводством предметно-вещественных условий его труда, противопоставленных труду в виде капитала.

Антагонистическая противоположность и единство труда и капитала воплощаются в этом процессе в стоимостной структуре продукта. Поэтому-то более конкретно форма реализации сущности капиталистического производства, зависимость труда от капитала могут быть выявлены лишь при анализе закономерностей реализации совокупного продукта. Это уже воспроизводство в более конкретном смысле, т. е. специфически капиталистическое воспроизводство в его собственной форме, предполагающее уяснение диалектики материально-вещественной и стоимостной структур совокупного продукта. Иногда указанное обстоятельство игнорируется, и эта конкретная форма воспроизводства как специфически капиталистическая непосредственно проецируется на экономическую структуру социализма. При этом забывают, что социализм, хотя и наследует некоторые черты своего исторического предшественника, тем не менее как первая фаза коммунистического способа производства обладает своей собственной исторической определенностью воспроизводственного процесса. При социализме хотя и сохраняется значение движения элементов совокупного продукта, не реализация последнего определяет характер воспроизводственного процесса в целом, а, наоборот, общая специфика превращения предпосылок в результат, обусловленная непосредственно общественной формой связи, определяет место и роль движения структурных элементов совокупного общественного продукта.

Поскольку экономическая структура, присущая коммунистическому способу производства, вырастает из непосредственно общественного отношения, постольку с самого начала движение продуктов труда является подчиненным моментом производства и воспроизводства самих членов общества как материальных носителей данного отношения. В этом смысле едва ли можно считать, что воспроизводственный процесс в социалистическом обществе определяется условиями воспроиз-

водства только совокупного общественного продукта безотносительно к действию социальных законов. Движение совокупного общественного продукта сохраняет свое значение при социализме как опосредованно корректирующий фактор воспроизводства социальной структуры общества. Поэтому-то реализация совокупного продукта и возмещение структурных элементов затрат совокупного общественного труда — это взаимосвязанные, но существенно различные процессы. Возмещение структурных элементов затрат совокупного общественного труда определяется обществом еще до начала производства в процессе распределения ресурсов средств производства и труда по отраслям материального производства. В процессе движения элементов совокупного общественного продукта происходит лишь корректировка структуры затрат общественного труда в соответствии с изменением структуры общественных потребностей. Однако поскольку и та, и другая формируются не стихийно, а под активным воздействием общества, то движение элементов совокупного продукта не играет той решающей роли, какую оно выполняло в условиях рыночного механизма.

В первую очередь это определено тем, что возмещение элементов затрат совокупного общественного труда в условиях социализма осуществляется планомерно, поэтому значительно изменяются зависимости фаз воспроизводственного процесса. В условиях капитализма обращение не только является одной из фаз воспроизводственного цикла, но и опосредует их единство в целом. Суть дела в том, что в условиях капитализма именно в сфере обращения не только обнаруживается объективно сложившаяся структура общественных потребностей, но и осуществляется распределение совокупных затрат труда по отраслям материального производства на основе движения продукта этого труда. Именно поэтому «процесс обращения есть процесс воспроизводства, так как только в этом совокупном движении, в которое входят также и движения, охваченные собственно сферой обращения, капитал может воспроизводиться как капитал; сами эти собственно акты обращения есть моменты его воспроизводства и даже акты воспроизводства капитала в его различных формах»¹.

В условиях же социализма отдельные производственные звенья не обособлены друг от друга и их отношения складываются как непосредственно общественные. В этом смысле общественный характер затраченного здесь труда полагается не движением продуктов, а самим их существованием в качестве звеньев непосредственно общественного производства. Следовательно, трудовые затраты первичных производственных звеньев

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 275.

(а значит, и продукты) являются лишь формой их общественного существования в качестве элементов общенародной кооперации труда. Поэтому-то связи, конституирующие их в этом качестве, проявляются не опосредованно в сфере обращения, а в сфере непосредственного производства. Не обращение, а именно производство опосредует единство всех фаз воспроизводственного процесса. Различия производства и обращения не исчезает, но оно сохраняет свое значение лишь в той мере, в какой сохраняется социальное значение обмена результатами деятельности первичных производственных звеньев. Обмен видами деятельности сохраняется, разумеется, и в условиях зрелого состояния непосредственно общественной формы связи. Однако поскольку этот обмен утрачивает значение регулирующего фактора общественного воспроизводства, то сфера обращения не выступает в качестве чего-то самостоятельного и противопоставленного производству. Производство непосредственно включает обмен видами деятельности как свой внутренний момент.

Следовательно, движение совокупного общественного продукта в условиях социализма сохраняет свое значение как момент включения коллективного непосредственно общественного труда во всеобщий общественный, причем подчиненный процесс возмещения затрат совокупного труда. Как уже отмечалось, в своей основе труд в условиях социализма с самого начала носит непосредственно общественный характер, поэтому возмещение структурных элементов затрат всего совокупного труда общества не предполагает какой-либо особой формы сведения индивидуального труда к общественному, а потому и непосредственно не связано с реализацией элементов совокупного продукта.

Поскольку с самого начала затраты индивидуального труда признаются при социализме общественными благодаря своей конкретной форме, их возмещение не связано с реализацией совокупного общественного продукта, понимаемой в социально-экономическом плане, т. е. не требует их сведения к форме общественного труда. Разумеется, движение продукта остается основой возмещения условий труда, однако оно уже не опосредует социально-экономических отношений членов общества. Дело в том, что не меняется с принципиальной стороны от того, что на стадии социализма, как уже отмечалось выше, сохраняются различия между непосредственно общественным трудом как индивидуальным, коллективным и всеобщим. Движение продукта, не меняя качественной определенности коллективного непосредственно общественного труда, корректирует его количественную определенность. Оно является той специфически социальной формой, которая определяет меру непосредственно общественного труда со стороны его специфицированного количества. Однако поскольку речь идет лишь о корректировке количества затраченного труда, то сфера обращения не

оказывает непосредственного влияния на затраты индивидуального труда. Между тем это очевидное обстоятельство далеко не всегда принимается в расчет при рассмотрении особенностей воспроизводственного процесса в условиях социализма. Вследствие этого в ряде работ встречается попытка рассмотрения этой специфики в плоскости диалектики индивидуального и общественного воспроизводства.

Как правило, различие индивидуального и общественного воспроизводства связывается с относительной экономической обособленностью предприятий. Воспроизводство фондов предприятия рассматривается как индивидуальное воспроизводство в противоположность общественному, которое традиционно связывают с реализацией совокупного продукта. При этом игнорируется тот факт, что специфика воспроизводства при социализме находится в пределах непосредственно общественной его природы, а не перехода от стоимостной к непосредственно общественной. Следовательно, и особенность воспроизводства должна быть понята исходя из этой специфики применительно не только ко всему народному хозяйству, но и к его отдельным структурным звеньям. Как уже отмечалось выше, наиболее общая особенность этого процесса состоит в том, что отдельное предприятие, хотя и действует в рамках заранее определенной структуры натуральной формы продукта, непосредственно воздействует не на нее, а только на величину затрат труда, которая определена обществом в связи с натурально-вещественной структурой производимого продукта. На уровне отдельных предприятий меняется величина затрат совокупного труда, но при этом не меняется структура совокупного общественного продукта.

В этом смысле различие воспроизводства в масштабах общества и отдельных предприятий имеет место, но не в качественном, а скорее количественном аспекте. Как на уровне отдельного предприятия, так и на уровне всего общества взаимосвязь натуральной формы продукта и отдельных элементов воплощенных в нем трудовых затрат устанавливается всем обществом. Поэтому нельзя рассматривать индивидуальное воспроизводство в стоимостной определенности, а общественное — в натурально-вещественной. Применительно к уровню отдельных предприятий изменение структуры затрат труда должно рассматриваться как составной момент определяющей роли натуральной формы продукта. Именно поэтому уже на социалистической стадии исчезает та действительная основа, которая обуславливает различия индивидуального и всего общественного воспроизводства, если иметь в виду социально-экономический аспект этих различий.

Но преодоление социальных различий индивидуального и общественного воспроизводства еще не дает оснований к идентификации того и другого. Ведь кроме социальной формы процесс воспроизводства обладает еще и определенным матери-

альным содержанием. Именно этот аспект обязывает учитывать функциональные назначения различных компонентов весьма сложного механизма взаимосвязей воспроизводственного процесса как особой подсистемы экономической структуры общества. Поэтому и возникает необходимость разграничения воспроизводства продукта в пределах отдельных предприятий и совокупного общественного продукта. Когда речь идет об индивидуальном воспроизводстве, то имеется в виду движение ресурсов и результатов производственного процесса на отдельном предприятии, рассматриваемых со стороны его основных стадий и тех функциональных форм, которые принимают и сбрасывают эти ресурсы. То обстоятельство, что это движение в пределах данного предприятия может происходить лишь в случае осуществления соответствующих процессов на других предприятиях, подразумевается как нечто само собой очевидное. Данное предприятие не может осуществлять процесс производства, если в то же время другие предприятия не создают для него средств производства и предметов потребления. Но как именно осуществляются взаимные связи различных производственных процессов в различных звеньях общественного производства, в данном случае остается вне рассмотрения. Предполагается, что эти условия всегда должны быть в наличии.

Совсем иначе обстоит дело, когда речь идет об общественном воспроизводстве: то, что прежде предполагалось, теперь становится непосредственным предметом анализа. Это объясняется тем, что по отношению ко всему общественному воспроизводству внешних условий не существует. Оно должно само воспроизводить все необходимые условия своего собственного функционирования.

Наиболее обобщенным выражением деятельности предприятия как отдельного звена выступает продукт, обладающий определенной структурой, рассматриваемой со стороны характера воплощенного в нем труда. В этой структуре различают, как известно, материальные затраты, измеряемые количеством потребленных средств производства, и затраты вновь присоединенного живого труда, измеряемые величиной чистого продукта. Как только получен результат, обладающий указанными характеристиками, процесс производства на данном предприятии считается завершенным, поскольку продукт предприятия достигает той ступени готовности, когда он непосредственно может поступить в экономический оборот, т. е. стать реальным объектом производственных связей с другими предприятиями. Но как именно осуществляется этот оборот со стороны своего вещественного содержания и какие связи возникают между предприятиями в связи с этим — данные вопросы находятся вне проблем воспроизводства на отдельном предприятии. Они просто в данном случае не возникают. Таким образом, натуральная форма продукта отдельного предприятия не входит в круг

проблем, которые характеризуют индивидуальную форму процесса воспроизводства.

Иначе обстоит дело при воспроизводстве совокупного общественного продукта. Здесь уже недостаточно рассматривать структуру продукта только со стороны характера предоставленного в нем труда. Поскольку воспроизводственный процесс в целом здесь опосредуется условиями, являющимися собственным результатом этого процесса, постольку возникает проблема материально-вещественной формы продукта. Последняя выступает здесь в качестве одного из определяющих условий общественного воспроизводства. Эти особенности общественного воспроизводства проявляются в том, что элементы трудовой структуры продукта в разрезе общественного воспроизводства приобретают существенно новые характеристики сравнительно с элементами трудовой структуры в аспекте индивидуального воспроизводства¹.

Единство материально-вещественной структуры общественного производства и структуры трудовых затрат образует исходную основу общественного воспроизводства в отличие от воспроизводства продукта первичных производственных звеньев, поэтому оно детерминирует все остальные их различия. Особенно это относится к временному аспекту этих различий.

При исследовании проблем воспроизводства продукта на отдельном предприятии вопрос о временных характеристиках воспроизводственного процесса вообще не возникает. Проблемы прошлого и живого труда, возмещения различных структурных компонентов прошлого труда рассматриваются здесь вне учета временного фактора, ограничиваясь по преимуществу пространственным аспектом. Вопрос о том, что является для данного производственного процесса прошлым трудом, решается здесь в плане констатации того, что определенные средства производства созданы вне данного предприятия. Вопрос же о том, когда они произведены, вообще не возникает. Это происходит потому, что при анализе воспроизводства продукта отдельных предприятий непосредственному рассмотрению подлежит кругооборот ресурсов отдельному производственному звену без учета кругооборота ресурсов других производственных звеньев, которые не включены здесь во внутреннюю систему производственного процесса в рамках данного производственного звена.

Совершенно иначе обстоит дело при исследовании воспроизводства в общественном масштабе. Общественное воспроизводство охватывает всю совокупность производственных процессов. Поэтому-то именно критерий времени выступает здесь в качестве основы разграничения прошлого и живого труда, перенесенного и вновь приложенного труда, рассматриваемых

¹ Подробнее см.: Покрытая А. К. Производственные отношения и экономические законы социализма. М.: Мысль, 1971.

со стороны характеристик всего общественного воспроизводства и его предметного результата — годового продукта общества.

Анализ структур этого последнего и составляет более конкретный уровень исследования проблемы воспроизводства непосредственно общественной связи в условиях социализма. Это объясняется прежде всего тем, что сами соотношения элементов вещественной и трудовой структур продукта выступают как наиболее общее выражение тех общественных нормативов, которые опосредуют реализацию как непосредственно общественной связи, так и основного производственного отношения и основного экономического закона социализма. Не реализовавшись в системе зависимостей социалистического воспроизводства совокупного продукта, ни закон планомерного развития, ни основной экономический закон функционировать не может.

Отмеченное обстоятельство особенно отчетливо дает о себе знать, когда речь идет о той конкретной форме, в которой действует основной экономический закон на стадии социализма. Такой формой, как уже отмечалось, является развитие профессионально-квалификационной структуры совокупного работника, превращение его в носителя всеобщей производительной силы общественного труда. Профессионально-квалификационная структура совокупного работника связана с отраслевой структурой общественного производства, а также структурами совокупного общественного продукта. Правда, прямой зависимости между структурой совокупного работника и структурой продукта не существует, да и не может существовать. Как уже отмечалось, если рассматривать эту связь с внешней стороны, то может показаться, что отраслевая структура общественного производства и соответствующая ей структура продукта детерминирует профессионально-квалификационную структуру. Однако при более обстоятельном исследовании дело представляется совершенно в другом свете. Эта зависимость просматривается достаточно определенно.

Поскольку в настоящее время наиболее интенсивно растет специализация в области науки и техники, которая выступает как практическая реализация достижений науки, то именно этот фактор оказывает решающее влияние на структуру совокупного работника, а посредством нее и на структуру общественного производства. Однако эта глубинная зависимость осложняется более поверхностной, но тем не менее все еще весьма существенной, исходным пунктом которой выступает структура производства и соответствующего ей совокупного общественного продукта. Именно эта последняя в каждый данный момент может препятствовать осуществлению определяющей зависимости структуры совокупного работника от системы научно-технических знаний. Поэтому проблема управления отраслевой структурой общественного производства и соответ-

ственно структурами совокупного общественного продукта выступает как способ, с помощью которого может реализоваться потребность наиболее полного развития профессионально-квалификационной структуры совокупного работника социалистического общества, определяемая развитием научно-технической революции. Именно в этом смысле справедливо утверждение, согласно которому планомерный контроль общества за движением элементов совокупного общественного продукта является основой воспроизводства сущности социально-экономической структуры социализма.

Данное обстоятельство в значительной степени определяет роль и место проблем воспроизводства совокупного общественного продукта в системе политэкономических знаний о закономерностях развития социализма. Именно поэтому предметом исследования в данной главе являются закономерности и соответствующие им конкретные формы движения различных элементов вещественной и трудовой структур совокупного общественного продукта, поскольку в этом движении и посредством него осуществляется функционирование и воспроизводство экономической структуры социализма. Движение элементов продукта не исключает и действия собственных, присущих только ему закономерностей, которые, хотя и подчинены в конечном счете задаче воспроизводства данной социальной структуры, проявляют и свое собственное содержание. Однако это последнее не носит самодовлеющего характера, а подчинено законам, определяющим специфику данного общества. Движение продукта при социализме служит формой распределения трудовых ресурсов по отраслям материального производства в соответствии с потребностями в них, обусловленными действием основного экономического закона.

Исходя из этого, можно отметить еще один существенный момент, характеризующий изменение воспроизводственного процесса. При капитализме функциональное различие натуральной формы совокупного общественного продукта, социально закрепленное отделением средств труда от непосредственного производителя, прямо полагало противоположность личного и производительного потребления. Средства труда могли быть потреблены лишь как фактор, противостоящий потреблению предметов потребления как условий воспроизводства личности непосредственных производителей. Использование предметов потребления выступало не как момент воспроизводства личного фактора. Рабочий воспроизводится здесь не как фактор производственного процесса, а лишь как его предпосылка — в качестве рабочей силы.

Напротив, при социализме непосредственно общественная форма связи предполагает стирание социальных различий индивидуального и производительного потребления. Поскольку производители непосредственно соединены со средствами производства, то и индивидуальное потребление работников — не-

отъемлемый составной момент производительного потребления, и наоборот. И то, и другое являются лишь различными способами формирования совокупного работника на уровне всеобщего работника, посетителя комбинации способности к труду. Вследствие этого происходит стирание социальных различий между натуральными формами совокупного продукта, а затем и устранение противоречия между производством и потреблением. Это обусловлено тем, что работники воспроизводятся не как обособленные производители, а как члены единой общенародной кооперации труда. Их индивидуальное потребление выступает как основа воспроизводства профессиональной определенности, поэтому-то и происходит стирание социальных границ между фондами индивидуального и производительного потребления. Воспроизводство биологических основ человеческой жизни и воспроизводство профессиональной способности к труду выступают как нечто единое. Стирание социальных границ между фондами индивидуального и производительного потребления является конкретной формой выражения этого процесса. Указанное обстоятельство предопределяет значимость движения натуральной формы совокупного общественного продукта.

Таким образом, в социалистическом обществе процесс воспроизводства совокупного общественного продукта в целом приобретает принципиально новые социальные черты. Изменение значимости отдельных фаз, модификация их содержания, существенно новое соотношение между производством и потреблением являются выражением изменения общего характера процесса воспроизводства, подчинения его новым социальным целям, определяемым природой социалистических производственных отношений.

В условиях социализма обращение совокупного общественного продукта сохраняет значение возмещения элементов затрат совокупного общественного труда как специфическая форма реализации закона плановости и основного экономического закона. Затраты труда являются моментом воспроизводства не стоимостной, а натуральной структуры производства, поскольку основой перераспределения затрат труда между отраслями материального производства является непосредственный учет общественом структуры и объема потребностей в их натуральной форме. Это в свою очередь приводит к стиранию различий между структурными элементами затрат труда, овеществленного в совокупном общественном продукте. В частности, различие между V и m не только утрачивает социально-экономический характер, но и стирается даже в чисто воспроизводственном аспекте. m как основа накопления не противостоит V как основе потребления, поскольку накопление не сводится к увеличению вещественных факторов производства. Рост личного потребления является в такой же мере моментом накопления, поскольку накапливаются условия для

обеспечения всестороннего развития личности, а удовлетворение непосредственных потребностей человека выступает одним из существенных моментов такого накопления. Границы фонда накопления и фонда потребления сохраняют свое значение лишь в чисто временном аспекте.

Таковы наиболее общие моменты, характеризующие сущность и специфику процесса воспроизводства.

§ 2. ВЕЩЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА СОВОКУПНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА

По своей материально-вещественной форме общественный продукт представляет собой совокупность потребительных стоимостей, которые могут быть использованы в производительном или личном потреблении. С этой стороны он выступает как результат различных видов полезного общественного труда. «Общая сумма произведенных за год товаров,— писал К. Маркс,— т. е. *весь годовой продукт*, есть продукт *полезного труда*, действовавшего в течение последнего года; все эти товары существуют лишь вследствие того, что общественно примененный труд был израсходован в многообразно разветвленной системе различных видов полезного труда»¹.

Многообразие видов полезного труда реализуется в таком же многообразии потребительных стоимостей, которые в совокупности образуют годовой общественный продукт. Потребительная стоимость выступает как основа материально-вещественной структуры продукта, наиболее общим выражением которой являются два подразделения общественного производства. Положение о двух подразделениях, которое было разработано К. Марксом,— одно из наиболее фундаментальных в научной теории воспроизводства общественного продукта. Поэтому если иметь в виду закономерности, управляющие воспроизводством общественного продукта, то динамика его вещественного состава подчинена строго определенным зависимостям, которые устанавливают количественные параметры ее различных компонентов. Речь идет прежде всего о соотношении роста I и II подразделений общественного производства. В литературе эта проблема освещена достаточно широко, тем не менее ее едва ли можно считать исчерпанной. Соотношение I и II подразделений определяется не каким-нибудь одним фактором, а по крайней мере несколькими, каждый из которых находится в состоянии подвижности, не говоря уже о том, что равнодействующая, как правило, многих факторов не может быть установлена на основе непосредственно эмпирических данных.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 424.

Обычно при исследовании факторов, определяющих вещественную структуру общественного продукта, принимают в расчет только факторы чисто воспроизводственного характера, между тем действие этих факторов, их интенсивность зависят не от них самих, а от социально-экономических условий, характера экономического строя общества и степени развития тех отношений, которые определяют содержание этого строя. Именно им, как уже подчеркивалось, принадлежит в конечном счете решающее значение (при этом не следует впадать в односторонность и вообще снимать с повестки дня действие факторов специфически воспроизводственного характера). Учет различной природы факторов, определяющих вещественную структуру общественного продукта в разрезе двух подразделений общественного производства, приобретает особую актуальность при исследовании закономерностей социалистического расширенного воспроизводства.

Дело в том, что в условиях капиталистического способа производства, который одиозует систему производства для производства, все факторы действуют, как правило, в одном и том же направлении — преобладающего развития производства средств производства. На различных стадиях капиталистического способа производства эта всеобщая закономерность проявлялась с различной степенью интенсивности — большей на ранних стадиях становления системы крупного машинного производства и меньшей, когда машинное производство стало нормальным и господствующим типом производства. В последнем случае, особенно в наиболее развитых капиталистических странах, на основе высокого уровня производительности труда стали постепенно утверждаться тенденции снижения капиталоемкости общественного производства. Вследствие этого разрыв между I и II подразделениями стал постепенно сокращаться.

Следовательно, даже если оценивать динамику вещественного состава продукта с точки зрения действия специфически воспроизводственных факторов, то и в этом случае нельзя безоговорочно согласиться с утверждениями о стабилизации соотношения между I и II подразделениями общественного производства в развитых капиталистических странах. Это тем более нельзя утверждать, если учитывать внутреннюю природу экономических отношений капиталистического общества, которые в конечном счете ориентированы на производство товаров, т. е. на создание вещественного богатства.

В условиях же социализма действие факторов, определяющих соотношение двух подразделений, тем более не может быть охарактеризовано однозначно. На первых порах необходимость создания системы крупного машинного производства обуславливает превышение темпов прироста продукта I подразделения по сравнению со II. Это вызвано общей индустриальной направленностью развития экономики и сопровождающим ее переходом от ручного труда к механизированному.

Действие этих воспроизводственных факторов на первоначальных этапах развития социалистического общества соответствует содержанию основного экономического закона социализма, если иметь в виду создание системы материально-технических предпосылок развернутого осуществления этого закона. Что же касается магистральной целевой направленности основного экономического закона, то полного соответствия здесь еще не наблюдается. На более высоких ступенях развития социалистического общества, когда в основном создается материально-техническая база социализма, основной экономический закон получает более широкий простор для своего действия, поскольку преобладающее значение приобретает именно реализация высшей цели экономического развития, доминирующим фактором в определении соотношений двух подразделений общественного производства выступают уже социально-экономические факторы.

Это особенно присуще этапу развитого социализма, когда магистральное направление экономического развития всецело подчиняется обеспечению благосостояния и созданию условий для всестороннего развития членов социалистического общества. Начиная с этого момента закономерности соотношения двух подразделений общественного производства по преимуществу определяются действием факторов социально-экономического порядка. Отмеченное обстоятельство находит свое выражение и в народнохозяйственных планах, в частности в формулировке задач сближения темпов развития I и II подразделений, а в отдельные периоды — в обеспечении более высоких темпов роста II подразделения. Такая задача была поставлена и в плане социально-экономического развития на одиннадцатую пятилетку, что обусловлено общей ориентацией экономического развития в направлении повышения жизненного уровня советского народа. Можно полагать, что эта направленность динамики вещественной структуры общественного продукта станет преобладающей и в процессе создания материально-технической базы коммунизма.

Определяющую роль социальных закономерностей динамики вещественной структуры общественного продукта предвосхитил В. И. Ленин при разработке таблиц, иллюстрирующих изменение структуры совокупного продукта по общественно-экономическим формациям. Значение этих таблиц состоит в том, что они не только иллюстрируют основные закономерности воспроизводства общественного продукта на материалах различных общественно-экономических формаций, но и демонстрируют эти закономерности сквозь призму специфически исторических производственных отношений, которые опосредуют и обуславливают исторически конкретные проявления структуры и пропорций воспроизводственного процесса. Материалы таблиц последовательно показывают принципиальную особенность социалистического производства, отличающую его

от всех предшествующих общественных форм, которая состоит в том, что «продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства»¹.

Характеризуя закономерности динамики соотношения I и II подразделений, В. И. Ленин показал, что возрастание доли средств производства в совокупном продукте при социализме осуществляется более медленными темпами, чем при капитализме. Так, за двести лет капитализма доля средств производства в общественном продукте увеличилась с 33,3 до 83,8 %, т. е. на 50,5 пункта, а за сто лет социализма соответственно с 83,3 до 89,4 %, т. е. всего на 5,6 пункта².

Анализ данных, содержащихся в таблицах, показывает, что разрыв в темпах роста производства средств производства и предметов потребления при социализме по сравнению с капитализмом сокращается с 7,7 до 1,6 раза. Это связано с тем, что в условиях социализма расширение I подразделения хотя и определяет общезкономическую основу расширения обоих подразделений, тем не менее не является самоцелью, поскольку основной целью общественного развития становится производство и воспроизводство самого человека, а не материально-вещественного богатства.

Данное обстоятельство, разумеется, совсем не означает, что при освещении вопроса о соотношении структурных элементов вещественного состава общественного продукта игнорируются общезкономические факторы, обуславливающие эту динамику. Их роль отражена достаточно полно в работах А. И. Ноткина, Я. Б. Кваши, В. П. Красовского и других экономистов. Обычно при характеристике этих факторов, определяющих вещественную структуру общественного продукта, указывают на такие, как, во-первых, рост органического строения фондов; во-вторых, способ оборота фондов; в-третьих, фактор времени. Поскольку воздействие указанных факторов на соотношение I и II подразделений исследовано в литературе достаточно полно, мы ограничимся в данном случае лишь некоторыми замечаниями обобщающего характера.

Если иметь в виду фактор времени, то он действует при переходе как от простого воспроизводства к расширенному, так и от более низких темпов расширенного воспроизводства к более высоким. Фактор этот действует тем интенсивнее, чем больше разница в темпах воспроизводства во второй период по сравнению с первым. Другим обстоятельством, обуславливающим действие этого фактора, является количество опо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 97.

² Ленинский сборник, XXXVIII, с. 90—91.

средствующих звеньев между отраслью I подразделения, которая подлежит расширению, и II подразделением. Что касается такого фактора, как различный способ оборота средств труда и предметов труда, то и он определяет опережающий рост I подразделения тем интенсивнее, чем больше опосредующих звеньев между отраслями, производящими средства труда, и II подразделением и чем меньше различие в сроках оборота средств и предметов труда. Воздействие на динамику двух подразделений органического строения фондов общеизвестно: его рост с необходимостью обуславливает преимущественное развитие I подразделения.

Кроме отмеченных выше существует и ряд других факторов, воздействующих на соотношение I и II подразделений общественного производства. Среди них заслуживают упоминания такие, как динамика фондоемкости и динамика нормы накопления. Рост фондоемкости при прочих равных условиях вызывает и рост удельного веса I подразделения, в том же направлении действует и повышение нормы накопления. Действие указанных выше факторов не всегда является однонаправленным. В реальном воспроизводственном процессе действие одних факторов может перекрываться действием других. Поэтому реальная динамика соотношения I и II подразделений выступает как результат сложного и противоречивого взаимодействия, и в каждый данный момент удельный вес продукции I подразделения выступает как равнодействующая.

Хотя факторы, определяющие динамику двух подразделений, являются объективными по своему характеру, тем не менее социалистическое общество в состоянии поставить их под свой сознательный контроль посредством соответствующей организации планового управления воспроизводственным процессом. Речь идет, в частности, о факторе времени.

В условиях научно-технического прогресса на передний план выдвигаются то одни, то другие приоритетные отрасли, которые должны развиваться более высокими темпами по сравнению с другими отраслями. Данные, которые позволяют судить о количественных различиях темпов роста отдельных отраслей промышленности, приведены в табл. 2.

Важно не только предвидеть, какие именно отрасли требуют преимущественного роста, но и заблаговременно решить вопрос, за счет чего этот рост может быть обеспечен. В случае если новые средства труда для приоритетных отраслей могут быть получены на основе нового строительства, следует заранее согласовать потребность капитального строительства с текущим производством.

Существенная роль в процессе установления и поддержания пропорций воспроизводства принадлежит соотношению времени, которое затрачивается на создание новых средств труда, и времени их производственного функционирования. В условиях непрерывного научно-технического прогресса происхо-

Т а б л и ц а 2
ТЕМПЫ РОСТА ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР*

	1980 г. = 1				1980 г. в % к 1970 г.	Среднегодо- вый темп роста за 1971—1982 гг., %
	1980 г.	1970 г.	1980 г.	1982 г.		
ВСЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	3,0	6,9	12	13	190	5,5
МАШИНОСТРОЕНИЕ И МЕ- ТАЛЛООБРАБОТКА	4,2	13	34	38	284	9,1

* Народное хозяйство СССР в 1982 г. Стат. ежегодник. М: Финансы и статистика, 1983, с. 62.

дит обесценение результатов прошлого труда. Чем продолжительнее сроки создания новых средств труда, тем при прочих равных условиях короче период их производственного функционирования. В практике планового управления и это обстоятельство имеет существенное значение, поскольку недостаточно точный учет факторов морального старения может нанести значительный ущерб.

Необходимость сознательного учета в плановой практике фактора времени актуализирует и проблему учета продукции материального производства. Если, например, в середине 1982 г. строители сдали кондитерскую фабрику, то очевидно, что она учитывается в составе продукта годового производства, как средство производства. Но в течение оставшегося полугодия это предприятие будет производить кондитерские изделия, в структуре трудовых затрат которых, очевидно, будет фигурировать и амортизация. Между тем кондитерские изделия в целом будут учитываться в составе продукции II подразделения. Аналогичная ситуация возникает и в производстве предметов труда, потребляемых кондитерским производством.

При учете продукции по заводскому методу во всех этих случаях (а их число в народном хозяйстве весьма значительно) возникает повторный счет, искажающий действительные объемы продукции I подразделения. Сознательное использование в практике планирования фактора времени предполагает учет и этого обстоятельства.

Огромное значение в практике планового управления воспроизводственным процессом имеет учет различий в способах оборота средств и предметов труда. Ведь если рассматривать действие этого фактора абстрактно, т. е. вне учета осложняющих его действие обстоятельств, то, например, при необходимости увеличения производства сахара на 5% производство сахарной свеклы должно увеличиться также на 5%, а производство сельскохозяйственных машин, необходимых для требуемого расширения посевов сахарной свеклы при 10-летнем

периоде их оборота, должно увеличиться на 50 %. Соответственно должно вырасти и производство предметов труда для выпуска этих машин. Учет различий в обороте средств и предметов труда особенно актуален при расширенном воспроизводстве, когда те и другие должны создаваться в пропорции авансированных на производство годового продукта фондов. Отмеченное обстоятельство требует не только учета возрастного состава функционирующих средств труда и размеров годового износа, но и (что особенно важно) достоверности знания сроков оборота средств труда, особенно в отраслях с высокими темпами морального износа. Дело в том, что чем больше разница в скорости оборота средств и предметов труда и чем выше предполагаемый темп расширения производства во II подразделении, тем выше при прочих равных условиях темп прироста средств труда, с помощью которых изготавливаются предметы труда, потребляемые II подразделением. Статистика не отражает скорости реального оборота средств труда, что в известной мере затрудняет управление процессом оборота.

В современных условиях под влиянием научно-технического прогресса средства труда, и в особенности орудия труда, подвергаются физическому и особенно моральному износу в течение более сжатых временных интервалов, чем это имело место в прошлом. В связи с этим происходит ускорение оборота этой части средств производства, а потому проблема возмещения их в натуре становится более актуальной, чем прежде. Отмеченное обстоятельство предъявляет дополнительные и притом очень высокие требования к отраслям, изготавливавшим средства труда. Одновременно дополнительные требования предъявляются и к учету возрастного состава средств труда. Без такого учета невозможно определить реальный объем капитальных вложений, с помощью которых происходит обычное возмещение основных фондов, т. е. возмещение их в пределах простого воспроизводства, и их накопление, а без этой информации осуществлять эффективное перспективное планирование народного хозяйства — задача в высшей степени сложная.

Говоря о практике планового управления процессом формирования вещественной структуры совокупного общественного продукта, необходимо обратить внимание и на такой фактор, как производительность труда. В литературе нередко встречается утверждение о том, что рост производительности труда, который сопровождается потреблением в единицу времени возрастающей массы средств производства, и прежде всего предметов труда, как правило, приводит к преимущественному росту I подразделения. Такая трактовка представляется недостаточной обоснованной потому, что она строится на неверной посылке, согласно которой средства производства отождествляются с прошлым трудом. Растущая производительность сила труда действительно предполагает потребление в единицу времени большего, чем прежде, количества прошлого труда. Ко-

нечно, прошлый труд овеществлен в средствах производства, но из этого отнюдь не следует, что всякие средства производства тождественны прошлому труду. Отождествление того и другого допустимо лишь постольку, поскольку речь идет о воспроизводственном процессе в пределах отдельного предприятия. С точки же зрения всего общественного воспроизводства такое отождествление ошибочно. Значительная часть годового продукта, существующая в форме средств производства, является продуктом вновь приложенного в течение данного года живого труда. В условиях простого, а в определенной мере и расширенного, воспроизводства эти средства производства (главным образом предметы труда) превращаются в предметы личного потребления. Именно данная часть средств производства, потребляемая годовым производством, не может быть отнесена к прошлому труду. Вследствие этого рост производительной силы общественного труда может приводить к расширению не I, а II подразделения. Более того, рост производительной силы труда, если рассматривать его в аспекте воспроизводства годового продукта общества, имеет своим закономерным результатом удешевление элементов прошлого труда, которое ведет к тому, что меньшая часть (доля) годового продукта возмещает потребленные элементы прошлого труда. Рост производительной силы общественного труда, таким образом, сокращает удельный вес фонда возмещения в совокупном продукте и увеличивает долю чистого продукта. Необходимо учитывать отмеченное обстоятельство на уровне управления процессом воспроизводства в общественном масштабе. При существующей практике учета валовой продукции предприятий и отраслей указанные моменты еще не находят должного отражения.

Изложенный выше вопрос тесно связан с другим важным аспектом формирования вещественного состава годового продукта — влиянием на соотношение I и II подразделений роста органического состава фондов. При его рассмотрении обычно ссылаются на известные положения В. И. Ленина, сформулированные в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках». Однако рост органического строения фондов выступает как фактор, определяющий преимущественный рост I подразделения лишь при тех допущениях, которые предполагались В. И. Лениным. Во-первых, он подразумевал, что все авансированные фонды потребляются в течение одного года. Поэтому, в годовой продукт входит вся стоимость авансированных основных фондов. Но в условиях постоянного роста органического строения это обстоятельство, естественно, ведет к повышению коэффициента капитал/продукт. При таких предпосылках нет ничего удивительного в преимущественном росте продукта I подразделения. Во-вторых, он предполагал неизменный уровень нормы производственного накопления и стабильность нормы прибавочного продукта. В-третьих, процесс расширенного вос-

производства осуществляется в условиях первичной механизации, когда происходит массовая замена ручного труда машинными средствами. В-четвертых, рост производительности общественного труда не сопровождается соответствующим обеспечением средств производства.

Но ведь параметры воспроизводства, которые в данном случае предполагаются неизменными, могут изменяться и действительно меняются. Возьмем, например, первое предположение, согласно которому стоимость основного капитала, появляющаяся в продукте, равна стоимости авансированного основного капитала. В действительном воспроизводственном процессе в стоимости годового продукта появляется лишь их потребленная годовым производством часть, которая при десятилетнем обороте равна, если иметь в виду орудия труда, $\frac{1}{10}$ их первоначальной стоимости. Если же оценивать стоимость их воспроизводства с учетом морального износа, то при высоких темпах роста производительности общественного труда эта часть стоимости продукта будет значительно ниже. В этом случае может оказаться, что, несмотря на рост органического строения фондов, капиталоемкость общественного продукта снижается, поскольку рост капиталоемкости перекрывается ростом производительности труда. Отмеченное обстоятельство будет, очевидно, фактором сближения темпов I и II подразделений общественного производства. По-разному может вести себя и норма производственного накопления — в одном повышаться, а в другом — понижаться. Если она повышается, то при прочих равных условиях это способствует росту удельного веса I подразделения, в случае ее понижения создаются условия для сближения темпов роста обоих подразделений. Аналогичным образом обстоит дело и с другими факторами, которые определяют вещественную структуру общественного продукта. С учетом изложенного выше представляется ошибочным исходить при всех условиях из совершенно однозначной направленности динамики I и II подразделений общественного производства, определяемой законом преимущественного роста производства средств производства.

Это, разумеется, отнюдь не означает, что отрицается действие самого закона, но к нему не следует относиться фаталистически. Он действует (впрочем, как и все другие законы) лишь при наличии соответствующих условий. Если же эти условия отсутствуют, приостанавливается и действие закона преимущественного роста средств производства. В противном случае нельзя было бы объяснить практику планирования пропорций социалистического производства, которая в отдельные периоды предполагает не только сближение, но и преобладание темпов роста II подразделения по отношению к темпам роста I подразделения. Далее, если исходить из предположения постоянного действия факторов, обуславливающих преимущественный рост производства средств производства, то, по-видимому, не

найдется достаточно аргументов для того, чтобы объяснить тот факт, что за период с 1941 по 1978 г. совокупный продукт вырос по физическому объему в 12,7 раза, а национальный доход — в 13,3 раза¹.

Отметим также, что по мере развития социалистической экономики и усиления действия факторов интенсивного типа расширенного воспроизводства происходит снижение удельного веса производственного накопления в прибавочном продукте, что, несомненно, является фактором сближения темпов роста I и II подразделений. Эти тенденции (а есть все основания утверждать, что они будут усиливаться по мере повышения эффективности производства) в полной мере соответствуют социальным целям развития общественного производства, обусловленным основным экономическим законом социализма. При этом, разумеется, не следует упрощать и представлять дело таким образом, что эти цели непосредственно определяют соотношение динамики двух подразделений. Кроме того, не следует игнорировать и того обстоятельства, что социально-экономические факторы все в большей мере воздействуют на характер, направление и тенденции воспроизводственного процесса социалистического общества, в частности и на соотношение двух подразделений общественного производства.

В настоящее время аксиомой является тот факт, что на современном этапе развитие II подразделения общественного производства, в котором формируется вещественный состав необходимого продукта, является особенно актуальным. Чем выше уровень производительности труда в отраслях этого подразделения, тем выше и общий его уровень. Состояние производительности труда во II подразделении определяет общее количество рабочего времени общества для производства необходимого продукта. Но чем она выше, тем большее время общество может использовать в качестве прибавочного или свободного. Отсюда актуальность задачи внедрения новейшей техники и технологии именно во II подразделении, особенно в сельское хозяйство, производящее важнейшие компоненты необходимого продукта.

Что касается I подразделения, то преимущественный рост его продукта в определенных пределах не только не противостоит социальной цели социалистического производства, но и в полной мере соответствует этой цели. Хотя благосостояние членов общества в системе экономических отношений социализма непосредственно связано с потреблением определенного объема предметов личного потребления, тем не менее условия благосостояния включают и условия труда. В этом смысле роль I подразделения не ограничивается созданием средств производства, используемых в процессе производства предме-

¹ Народное хозяйство СССР в 1979 г.: Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1980, с. 43.

тов личного потребления. Производство в I подразделении предполагает создание таких средств производства, которые облегчают труд, преобразуют его в подлинно творческий процесс, повышают его производительность и в конечном счете превращают его в первую потребность жизни. Стало быть, развитие I подразделения служит не только решению задачи обеспечения благосостояния, но и развитию личности, поскольку последнее предполагает в качестве своего необходимого условия превращение труда в главную арену развития личностных сил человека. С этой стороны различия I и II подразделений приобретают весьма относительный характер.

Понятие двух подразделений общественного производства является историческим продуктом его развития. Оно сформировалось как теоретическое выражение определенного состояния общественного производства, для которого характерны развитая система специализации, находящая свое выражение в отраслевой структуре общественного производства, абсолютное преобладание в системе средств производства, сложившаяся дифференциация в производстве различных натуральных форм продукта, соответствующая различиям производительного и личного потребления, и т. д. Но на определенной ступени общественного развития наряду с дифференциацией системы материального производства, отчленением ее от непроизводственной сферы интенсивно осуществляются и интеграционные процессы, так что элементы непроизводственной сферы, в частности просвещение, здравоохранение, сфера социальных услуг, наука и сфера духовного производства, все теснее смыкаются с собственно материальным производством, проникают в него, становятся органическим элементом его собственной структуры. Это особенно явственно обнаруживается в условиях научно-технической революции, соединение достижений которой с преимуществами социализма нельзя представить вне сближения и взаимопроникновения процессов и результатов деятельности в непроизводственной сфере и в материальном производстве. Это особенно отчетливо проявляется в изменении роли науки, без которой развитие производства просто невозможно. Проникновение науки в производство значительно повышает его наукоемкость, которая уже в настоящее время образует примерно 30 % издержек, обусловленных производством в материальной сфере. Данное обстоятельство находит свое выражение в устойчивой тенденции роста удельного веса затрат на науку. Об этом можно судить по данным табл. 3.

Дело, однако, не в прямых издержках. Речь идет о более широком и более глубоком проникновении науки в производство, и притом не только естественных наук, но и с учетом роли и значения обществоведения, включающего политическую экономию, социологию, психологию, историю, правовые науки и т. д. Необходимо использовать как прикладную науку, так и ее фундаментальные раздслы. Следует иметь в виду, что в на-

Таблица 3

ЗАТРАТЫ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ В СССР *

Годы	Общие затраты на науку, млрд. руб.	Доля (в %) общих затрат на науку в объеме		
		валового общественного продукта	национального дохода	кumulированных вложений
1940	0,3	0,41	0,80	2,19
1950	1,0	0,84	1,83	5,49
1960	3,9	1,28	2,69	9,03
1965	6,9	1,64	3,56	12,32
1970	11,7	1,82	4,04	14,52
1975	17,4	2,02	4,79	15,41
1980	21,3	1,98	4,61	15,88

* Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1970 г.: Стат. ежегодник, М.: Статистика, 1971, с. 732; Народное хозяйство СССР в 1975 г.: Стат. ежегодник, М.: Статистика, 1976, с. 744; Народное хозяйство СССР в 1980 г.: Стат. ежегодник, М.: Финансы и статистика, 1981, с. 49, 333, 378, 624.

стоящее время ни один элемент производства не может создаваться и тем более функционировать на чисто эмпирической основе. Современные средства и предметы труда в значительной степени создаются на основе реализации открытых и используемых законов естествознания. Это в полной мере относится, и чем дальше, тем в большей степени, к технологии, методам производства и передачи энергии, средствам контроля и наблюдения, сбора и обработки информации, получению необходимых обобщений, учета и контроля и других компонентов производства, без которых оно невозможно. Во всех этих процессах по существу решающая роль принадлежит науке, и прежде всего естественным наукам. Но при этом нельзя недоучитывать и социальные области знаний, поскольку только в плоскости реализации социальных знаний может быть решен вопрос о способах и направлении интеграции естественнонаучных открытий, их наиболее оптимальной комбинации с учетом специфики социальной структуры. Комбинация научных знаний и открытий осуществляется совершенно различным образом, в зависимости от социально-экономической структуры общества, его социальных целей.

Отмеченные обстоятельства, значение которых по мере дальнейшего развития общественного производства будет в огромной степени возрастать, ведут к тому, что отраслевая структура производства все в большей степени зависит в процессе своей динамики от специализации самих научных знаний, которая перестает быть непосредственной функцией развития материального производства, а детерминируется внутренней

Таблица 4

ЧИСЛЕННОСТЬ РАБОТНИКОВ, ЗАНЯТЫХ В СФЕРЕ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК В СССР *

(в тыс. чел.)

Годы	Численность работников, занятых в науке и научном обслуживании	Численность работников с высшим и средним специальным образованием, занятых в науке и научном обслуживании	Численность научных работников	Численность научных работников, имеющих ученые степени доктора и кандидата наук
1940	362,0	106,0	98,3	—
1950	714,0	—	162,5	53,8
1960	1763,0	—	354,2	109,2
1965	2401,0	980,0	664,6	149,2
1970	2999,0	1377,0	927,7	248,1
1975	3790,0	1958,0	1223,4	359,1
1980	4379	2386	1373,3	433,9

* Народные хозяйства СССР в 1970 г., с. 346, 347, 348, 455; Народные хозяйства СССР в 1960 г., с. 95, 358, 370.

логикой развития самих научных знаний. Изменение отраслевой структуры производства под влиянием возрастающей роли науки неизбежно ведет и к изменению профессионально-квалификационной структуры совокупного работника. Об этом можно судить по данным табл. 4.

Изложенное выше имеет особо важное значение, поскольку речь идет о личном факторе общественного производства, который в условиях социалистического производства является определяющим. Вне этого компонента наука не может превратиться в определяющий фактор развития производства. Отсюда огромное значение уровня теоретической подготовки непосредственных работников, определяемой системой образования, роль которой в огромной степени усиливается в современных условиях. Но личный фактор выступает не только как потребитель и накопитель знаний, но и как потребитель всего комплекса социальных услуг, без которых он вообще не в состоянии выполнять функции агента производства. Но дело не только в том, что он агент производства, но и в том, что в условиях социалистического производства он выступает и основным продуктом этого производства. Все другие результаты производства независимо от того, выступают ли они в предметной форме или в форме научных идей или морально-нравственных ценностей представляют собой не более как средство

развития человеческих сил, которое постепенно становится самоцелью в сфере социальной динамики.

Кроме того, та область деятельности, которая традиционно характеризуется как непроеизводственная, все в большей степени оказывается потребителем результатов материального производства. Многие ее виды уже теперь немыслимы без значительного объема специфических средств и предметов труда. Это касается прежде всего естествознания, особенно таких его разделов, как физика, химия, электротехника, биология. Современные научно-исследовательские лаборатории — это крупные предприятия, в пределах которых функционируют технологические, измерительные, энергетические, контрольные и иные установки, требующие для своего создания значительных расходов материальных средств и затрат высококвалифицированного труда. Это в полной мере относится и к медицинским учреждениям, эффективное функционирование которых просто немыслимо без современного медицинского оборудования, и к подготовке специалистов: инженеров, агрономов, врачей, педагогов, экономистов и т. д. Одним словом, современная наука уже давно превратилась в экспериментально-производственную область деятельности, которая немыслима без потребления большого количества вещественных элементов.

Учитывая изложенное выше, можно прийти к выводу, что традиционное деление общественного производства на производство средств производства и производство предметов личного потребления, оставаясь основой познания и управления, должно быть дополнено таким образом, чтобы в нем нашли свое место те виды деятельности, которые относятся к непроеизводственным. Это значит, что обмен между I и II подразделениями и в пределах каждого из них должен быть дополнен обменом между традиционными подразделениями общественного производства и результатами непроеизводственной сферы деятельности, особенно науки. Только в этом случае возможно обеспечить сбалансированность в масштабе всего общественного производства, в том числе в пределах двух традиционных подразделений общественного производства. Особое значение при этом приобретает проблема классификации факторов и исследования их роли в производстве общественного продукта и национального дохода. Значимость науки, особенно сферы социальных услуг, резко возрастает в процессе производства национального дохода.

Попытки постановки и решения этих проблем предпринимаются уже давно. Однако дальнейшее совершенствование системы народнохозяйственного планирования едва ли возможно без комплексного изучения этих проблем. Постановка задачи в такой плоскости может и должна рассматриваться как органический элемент общей проблемы повышения эффективности общественного производства на путях его интенсификации. Решение этой задачи, естественно, предполагает привлечение

значительных научных сил и притом не только экономистов, но и специалистов из других областей социальных наук. Эффект может быть достигнут только в том случае, если данная проблема будет исследоваться как комплексная с проверкой достоверности ее результатов и внедрением их в практику народнохозяйственного планирования.

В литературе предпринимались попытки конструирования схем воспроизводства совокупного общественного продукта социалистического общества с выделением особого подразделения общественного производства, именно производства научных знаний¹. Однако их следует рассматривать лишь как первый шаг в разработке модели воспроизводственного процесса с учетом результатов научной деятельности. Необходимо показать условия, обеспечивающие взаимный обмен результатами производственной деятельности подразделений общественного производства с выделением в особое подразделение науки. В этом случае вместо традиционных двух можно выделить три подразделения общественного производства. Причем первое место следует отвести производству научных знаний, которое можно выделить в качестве I подразделения, что соответствует особой роли науки в общественном производстве. Соответственно производство средств производства будет составлять II, а производство традиционных предметов потребления — III подразделения. Хотя продукт I подразделения существует не в предметно-вещественной форме, это не мешает тому, что со стороны своей трудовой структуры он включает как элементы прошлого, потребленного на производство научных знаний труда, так и вновь примененный живой труд. При таких оговорках структура совокупного общественного продукта будет иметь следующий вид:

$$I(C + V + m) = Ip;$$

$$II(C + V + m) = IIp;$$

$$III(C + V + m) = IIIp.$$

Как же будет осуществляться возмещение структурных элементов продукта каждого подразделения? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо прежде всего рассмотреть структуру продукта I подразделения. Данный продукт представляет собой совокупность сформировавшихся научных знаний, которые могут быть использованы непосредственно или опосредованно в подразделениях, создающих продукт в предметно-вещественной форме средств производства и предметов личного потребления. Это означает, что элементы структуры продукта I подразделения лишь частично могут быть возмещены своим собственным результатом. Что касается

¹ Ефремов В. А. О единой базе планирования цен в социалистическом народном хозяйстве. — Изв. АН СССР. Сер. экон., 1980, № 1.

подавляющей части продукта этого подразделения, то она возмещается посредством обмена со II и III подразделениями. Если обозначить часть IC , которая потребляется I подразделением, как IC^1 , а другую часть IC , которая может быть возмещена только посредством обмена с другими подразделениями, как IC^2 , то очевидно, что вторая часть продукта I подразделения может быть возмещена только посредством обмена со II подразделением, производящим средства производства. Непосредственным источником возмещения этой части может быть, по-видимому, только прибавочный продукт II подразделения.

Не может быть возмещено собственным продуктом и IV, т. е. эквивалент затрат этого подразделения на содержание научных работников. Единственным источником возмещения этой части продукта I подразделения может быть часть прибавочного продукта III подразделения в форме предметов личного потребления. Обозначим часть прибавочного продукта II и III подразделений, которые возмещают своей натуральной формой IC^2 и IV , через $III_{н.}$ и $III_{п.}$. Особый вопрос возникает при рассмотрении процесса движения Im , поскольку идет речь о простом воспроизводстве. То, что работники I подразделения создают своим трудом прибавочный продукт, никакому сомнению не подлежит. Где же используется эта часть продукта I подразделения? Представляется, что она используется в качестве научного потенциала всеми подразделениями. Во-первых, как источник постоянного обновления экспериментально-теоретической базы самой науки, во-вторых, как источник, позволяющий не допускать или предотвращать моральное старение технологических процессов во II и III подразделениях, потенциал повышения качества продукции, обновления ее ассортимента и т. д. Следовательно, даже в том случае, если идет речь о простом воспроизводстве, Im потребляется как I так и II и III подразделениями.

Рассматривая использование прибавочного продукта I подразделения, следует иметь в виду и необходимость поддержания на известном уровне профессионально-квалификационной структуры совокупного работника. Это обеспечивается тем, что известная часть Im остается в рамках I подразделения, другая же его часть участвует в обмене со II подразделением, благодаря чему I подразделение получает от II подразделения средства производства, позволяющие поддержать неизменный уровень технического оснащения.

Кроме II подразделения, часть Im поступает и используется в III подразделении. И при простом воспроизводстве необходимо поддерживать в определенном состоянии объем и структуру совокупного работника (замещение ушедших на пенсию, воспроизводство квалификации и т. д.). В этих условиях возникает необходимость производства предметов потребления для тех контингентов, которые должны пополнить состав совокупного работника. Поэтому часть Im обменивается не только

на часть II_m , но и на определенную часть III_m . Обозначим часть I_m , которая обменивается на часть II_m , как $I m_a$, а источник ее возмещения на стороне II подразделения, как $II m_n$; соответственно часть I_m , которая обменивается с III подразделением, обозначим через $I m_b$, а источник ее возмещения на стороне III подразделения через $III m_n$. В этом случае структуру совокупного продукта можно представить следующим образом:

$$I p = I C^1 + I C^2 + IV + I m_a + I m_b = I (C^1 + C^2 + V + m_a + m_b);$$

$$II p = II (C + V + m_n + m_p);$$

$$III p = III (C + V + m_n + m_p);$$

где m_p — часть m , которая используется на непроеизводительные цели.

Система уравнений, характеризующих взаимосвязи элементов совокупного продукта, будет иметь следующий вид:

$$I (C^2 + m_n) = II m_n;$$

$$I (V + m_b) = III m_n;$$

$$II (V + m_p) = III C;$$

$$I (C^2 + V + m_a + m_b) = II m_n + III m_n;$$

$$II (V + m_p + m_n) = III C + I C + I m_a;$$

$$III (C + m_n) = I (V + m_b) + II (V + m_p).$$

Таковы основные балансовые равенства, характеризующие производство и воспроизводство совокупного общественного продукта, когда в качестве одного из подразделений общественного производства служит особая его сфера, создающая свой результат не в предметно-овеществленной форме, а в форме определенного объема научных знаний, которые могут быть непосредственно использованы в отраслях материального производства.

Как уже отмечалось выше, переход от капитализма к социализму сопровождается коренным изменением социально-экономического характера человеческой деятельности — переходом от вещественной к непосредственно общественной связи индивидов. Однако дело не ограничивается только социальным аспектом. Одновременно с изменением характера общественно-трудовой связи меняется и само содержание той деятельности, посредством которой происходит воспроизводство членов общества в их данной социальной форме.

Следовательно, общественная трудовая связь при социализме становится, и чем дальше, тем в большей мере, всеобщей, т. е. деятельностью по производству и непосредственному использованию научных знаний. Поэтому, анализируя динамику различных сфер приложения труда в процессе развития социализма, можно утверждать, что определяющей закономер-

ностью здесь становится не преимущественное развитие производства средств производства, а изменение объема научных знаний, которые определяют развитие и средств производства, и предметов личного потребления. Этим определяется не только отраслевая структура общественного производства, но и структура совокупного работника социалистического общества. Лишь на основе этого закона общественный труд как по своему характеру, так и по своему социальному содержанию будет постепенно превращаться из средства к жизни в непосредственный и притом определяющий компонент жизни всех членов общества, а каждый член общества — во всесторонне развитую личность. Когда будут решены проблемы материального благосостояния, преодолены социальные различия в труде, в составе совокупного продукта господствующее положение будет занимать продукт I подразделения общественного производства, каким являются научные знания.

§ 3. ТРУДОВАЯ СТРУКТУРА СОВОКУПНОГО ПРОДУКТА

Кроме вещественной структуры совокупный продукт обладает и структурой представленного в нем труда. Чтобы овладеть процессом формирования материально-вещественной структуры, необходимо знать закономерности образования трудовой структуры, ее различных составных частей. Первым условием управления воспроизводственным процессом является осведомленность общества относительно структуры и объема трудовых затрат, обусловленных производством годового продукта. Без этого ни о каком сознательном распределении условий производства в соответствии с учтенными потребностями общества не может быть и речи. Только управляя процессом формирования трудовой структуры общественного продукта, общество получает возможность определять практически все параметры воспроизводственного процесса. Конечно, формирование этой структуры неотделимо от образования материального состава совокупного продукта. То и другое представляет единый воспроизводственный процесс. Тем не менее трудовая структура продукта обладает своими особыми законами формирования, которые необходимо использовать в процессе осуществления сознательного контроля общества над процессом воспроизводства социально-экономической структуры социализма, т. е. его жизненным процессом.

В данном параграфе рассмотрены основные закономерности формирования элементов трудовой структуры совокупного продукта общества именно как результата годового процесса производства.

В литературе обычно выделяются две основные формы годового продукта: валовой и конечный. При этом во многих слу-

чаях валовой продукт называют еще совокупным, тогда как конечный — годовым продуктом общества. Представляется, однако, что в данном случае эти термины не выражают сути дела. Ведь валовой продукт — это тоже годового продукта общества, результат общественного процесса производства в течение года. В то же время конечный продукт является совокупным продуктом, поскольку он выражает результаты производства в масштабе всего общества. Поэтому мы не видим достаточных оснований для того, чтобы валовой продукт не считать годовым продуктом, а конечный продукт — совокупным общественным продуктом. И тот, и другой являются и совокупным, и годовым продуктом, они — различные формы годового продукта общества. Однако названные формы не исчерпывают всех форм годового продукта общества.

Наряду с этими формами следует выделять особую и притом наиболее универсальную, адекватную годовому результату общественного воспроизводства форму — продукт двух подразделений.

Выделение этой формы годового продукта общества может вызвать недоумение, ведь и валовой, и конечный продукт тоже можно рассматривать в разрезе двух подразделений. Следует подчеркнуть, что, во-первых, и валовой, и конечный продукты, хотя и могут рассматриваться с точки зрения тех критериев, на основе которых различают два подразделения общественного производства, тем не менее по своему содержанию эти формы годового продукта не вполне соответствуют этим критериям, а в ряде существенных пунктов выходят за их пределы. Во-вторых, на основе показателей валового и конечного продуктов еще не удалось создать модель, в полной мере, отражающую специфику двух подразделений общественного производства, и сформулировать условия сбалансированности материально-вещественных и трудовых элементов общественного продукта. Предпринятые попытки решить эту задачу до сих пор не увенчались успехом. И это следует объяснить не какими-то просчетами моделирования и другими обстоятельствами временного характера. Главное состоит в том, что, как показано ниже, на основе конечного и валового продукта данная задача вообще не имеет решения. Существуют, следовательно, обстоятельства чисто объективного характера, которые исключают возможность конструирования схем воспроизводства двух подразделений исходя из содержания названных форм годового продукта. Каковы эти обстоятельства — об этом речь пойдет ниже. Сейчас же подчеркнем, что годового продукт в разрезе двух подразделений выступает самостоятельной формой, обладающей своим собственным содержанием и своими собственными закономерностями, которые характеризуют движение различных элементов материально-вещественной и трудовой структур общественного продукта. Продукт двух подразделений, являясь специфической формой годового продукта

общества, одновременно выступает и как конкретно-всеобщая его форма. Между тем валовой и конечный продукты, являясь специфическими формами годового продукта, не обладают свойствами конкретной всеобщности. Эти последние (свойства) представлены в этих формах далеко не в полном объеме. Поэтому их необходимо рассматривать как подчиненные формы по отношению к продукту двух подразделений.

Данные формы годового продукта общества более обстоятельно были рассмотрены нами в других работах¹. Поэтому ограничимся лишь наиболее общими положениями, имеющими отношение к проблематике настоящей работы.

О конечном продукте как форме годового продукта общества

С конца 50-х и начала 60-х годов исследование конечного продукта приобрело довольно большие масштабы. Этой проблеме были посвящены не только отдельные статьи, но и значительная монографическая литература. В последнее время в связи с обсуждением проблемы конечных народнохозяйственных результатов некоторые экономисты стали отождествлять эти результаты с конечным годовым продуктом. Но отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности также участвуют в создании конечного народнохозяйственного результата, хотя их продукты и не входят в конечный общественный продукт. Что же такое конечный продукт? По своей натурально-вещественной структуре он состоит из готовых средств труда, которые в дальнейшем воспроизводственном процессе могут быть элементами основных производственных фондов и созданных за год предметов личного потребления, которые непосредственно пригодны для личного потребления. Кроме того, конечный общественный продукт включает плюсовое сальдо запасов предметов труда на начало года и импорт.

Определяя таким образом вещественный состав конечного продукта, его сторонники исключают, следовательно, из него весь промежуточный продукт, т. е. результат производства добывающих и обрабатывающих отраслей. Материально-вещественный состав конечного продукта определяет и его трудовую структуру, которая включает прежде всего труд, овеществленный в накопленных на начало года и потребленных в годовом производстве средств производства. В конечном продукте эта часть его трудовой структуры представлена амортизацией и трудом, в ранее существовавших запасах предметов труда и потребленных в течение года. Другой элемент трудовой структуры конечного продукта — чистый продукт, созданный в те-

¹ Покрытин А. К. Производственные отношения и экономические законы социализма, ч. вторая; Покрытин А. К., Лалин В. В. Фанд возмещения I подразделения и проблема сбалансированности. М.: Экономика, 1982.

чение года вновь приложенным живым трудом. Таким образом, в конечном продукте не учитывается труд, который воплощен во всей массе предметов труда, произведенных и потребленных в течение данного года. Более того, они вообще трактуются как фиктивная величина. Так, например, С. С. Шаталин пишет, что объем труда, воплощенный в продукте, «реально сводится к стоимости, переносимой со средств производства, произведенных в прошлые годы, и к вновь созданной в течение данного года живым трудом стоимости. Это означает исчезновение из стоимостной структуры продукции стоимости текущих материальных затрат, которая представляет собой просто повторный счет стоимости и не может учитываться в составе реальных затрат общества на годовое производство»¹.

Экономисты, которые обосновывают исключение из вещественного и трудового составов годового продукта предметов труда, произведенных и потребленных в течение текущего года, изображают дело таким образом, будто все общественное производство представляет собой одно гигантское предприятие, которое производит конечный продукт в форме средств труда и предметов личного потребления и продолжительность производственного цикла которого равна году. Все топливные, энергетические, сырьевые, обрабатывающие первичное сырье и изготавливающие полуфабрикаты отрасли промышленности и сельского хозяйства рассматриваются в этом случае как внутренние цехи этого предприятия, основная функция которых исчерпывается изготовлением и передачей предметов труда цехам, создающим конечную продукцию в виде готовых средств труда и предметов личного потребления². Именно эти продукты и представляют собой итоговый результат годового процесса производства.

Эта иллюстрация, которая то в более обобщенном, то в более конкретизированном варианте приводится сторонниками концепции конечного продукта в качестве наиболее образного доказательства необоснованности включения всей массы предметов труда данного года в состав годового общественного продукта, сама по себе, конечно, наглядна. Однако для обоснования необходимости и правомерности особой формы годового общественного продукта этого явно недостаточно. Недостаточно прежде всего потому, что в данном случае воспроизводство совокупного продукта отождествляется с технологическим процессом, совершающимся на отдельном предприятии, в пределах которого создание готового продукта осуществляется в последовательности, диктуемой технологией изготовления данного продукта. При этом каждая отдельная производственная стадия выступает как определенное звено во всей

¹ Шаталин С. С. Пропорциональность общественного производства. М.: Экономик. 1968, с. 66.

² Вопросы экономики, 1963, № 7, с. 119

цепи технологических операций, которая совершенно автономна по отношению к последующим звеньям того же процесса. Она не зависит от них, выступает условием их функционирования, но не наоборот. Результаты осуществления последующих фаз производственного процесса уже не являются в дальнейшем условием повторения данного этапа технологического процесса. Однако процесс производства общественного продукта — не технологический, а экономический. Последний отличается от первого тем, что в нем каждый отдельный пункт движения продукта зависит не только от предшествующих ступеней движения, но и от последующих его этапов. Он выступает и как пункт отправления, и как пункт возврата, причем все воспроизводительные звенья общественного производственного процесса находятся во взаимосвязи. И все общественное производство только в том случае сможет функционировать непрерывно, если эти взаимные и притом всесторонние производственные связи будут постоянно возобновляться.

В этом смысле каждый промежуточный результат одновременно выступает и как конечный, а конечный результат одновременно является, если рассматривать процесс в его непрерывном потоке и возобновлении, и как промежуточный. Речь идет в данном случае об элементах промежуточного продукта, который трактуется сторонниками концепции конечного продукта как величина фиктивная в составе годового общественного продукта. Например, производство кокса, который, как известно, является одним из топливных компонентов при производстве чугуна и стали и который, обслуживая единственный производственный процесс на металлургическом предприятии, полностью потребляется, т. е. исчезает. Поэтому представляется, что все следующие за этим производственные процессы никоим образом с производством кокса не связаны. Но в действительности дело обстоит иначе. Ведь для производства кокса необходимы уголь, электроэнергия, специфические средства труда и т. д. Чтобы обеспечить непрерывность производства на коксовом предприятии, ему необходимо возобновлять потребленные элементы производства. И это возобновление осуществляется на основе продуктов не только предшествующих производству кокса стадий, но и последующих. Для того чтобы каждый раз повторить потребление кокса в металлургическом процессе, необходимо повторять потребление элементов производства кокса в соответствующем процессе, продуктом которого является кокс. И это относится не только к предметам, но и к средствам труда. Следовательно, если потребление предметов труда выступает в качестве условия производства средств труда, то потребление средств труда выступает как предпосылка производства предметов труда. Это, разумеется, совсем не означает возможности отождествления условий производства в его продукте и наоборот. Но применительно к предметам труда данного года остается справедливым, что

они одновременно выступают и как условие производства, и как его продукт.

Таким образом, в пределах годового процесса производства постоянно осуществляется обмен одних потребительных стоимостей на другие, и прежде всего в пределах I подразделения. В процессе этого обмена происходит взаимное возмещение потребленных элементов предметов труда экземплярами того же рода.

Стало быть, если подходить к проблеме вещественного состава годового продукта общества не с технологической, а с экономической точки зрения, то никаких оснований исключать предметы труда, произведенные и потребленные в текущем годовом процессе производства, нет.

Таким образом, проблема промежуточного продукта в составе материально-вещественной структуры годового продукта отнюдь не снимается тем, что этот продукт объявляется величиной фиктивной. Если рассматривать годовой процесс воспроизводства как экономический, а не технологический, то можно без преувеличения утверждать, что именно в связи с производством и потреблением промежуточного продукта складывается вся система воспроизводственных связей с целью создания средств труда и предметов личного потребления. И это обстоятельство специально было подчеркнуто К. Марксом во втором томе «Капитала». «Поскольку же,— писал он,— отдельные продукты, из которых состоит постоянная капитальная стоимость подразделения I, непосредственно не входят снова в свою особую или в свою индивидуальную сферу производства, постольку они лишь меняют свое место. Они входят в натуральной форме в другую сферу производства подразделения I, между тем как продукт других производственных сфер подразделения I возмещает их *in natura*. Это — лишь перемещение данных продуктов с одного места на другое... Поскольку здесь имеет место обмен между отдельными капиталистами подразделения I, постольку он представляет собой обмен одной натуральной формы постоянного капитала на другую натуральную форму постоянного капитала, одного вида средств производства на другой вид средств производства»¹.

Следовательно, обмен одной натуральной формы средств производства на другую и есть возмещение постоянного капитала в натуре в пределах I подразделения. И это происходит в условиях годового цикла воспроизводства, т. е. при предположении, что элементы оборотного капитала совершают в течение года оборот. Характерно, что процесс возмещения осуществляется потребительными стоимостями, которые являются результатом полезного труда текущего года. Но зачем возмещать посредством обмена различные натуральные формы капиталной стоимости I подразделения, если промежуточный

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 480—481.

продукт — величина фиктивная, как утверждают сторонники конечного продукта?

Однако процесс возмещения элементов потребляемых фондов в пределах I подразделения путем обмена различными потребительными стоимостями непосредственно еще не характеризует процесса образования трудовой структуры годового продукта и его отдельных элементов.

Сторонники концепции конечного продукта утверждают, что схемы воспроизводства К. Маркса, с помощью которых он иллюстрировал закономерности и условия сбалансированности при простом и расширенном воспроизводстве, отражают именно форму конечного продукта общества. При этом они обычно ссылаются на те допущения, из которых исходил К. Маркс при составлении схем. Рассмотрим некоторые из допущений, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому здесь вопросу.

Для удобства чисто теоретического рассмотрения проблемы воспроизводства общественного продукта К. Маркс предполагал, что авансированный основной капитал равен потребленному в течение года, а авансированный оборотный капитал совершает в год только один оборот, или, другими словами, что его достаточно для всего годового производства. Как видно, здесь имеет место абстрагирование, которое допустимо в науке для того, чтобы рассмотреть процесс в чистом, т. е. не осложненном действительностью, виде и на этой основе установить внутреннюю закономерность, которая управляет этим процессом.

Исходя из этих предположений, К. Маркс отвлекался от внутригодового оборота предметов труда. И дело сводится в этом случае к возмещению различных структурных элементов продукта по потребительной стоимости. Что касается стоимостного состава продукта, то при данных допущениях он оказывается готовой предпосылкой анализа. Иначе говоря, при наличных предпосылках никакой особой проблемы формирования стоимостной структуры и стоимостного объема продукта в данном случае нет. Ее не существует потому, что в процессе создания годового общественного продукта сохраняется труд, который воплощается в потребленных средствах производства и перепоситя в состав средств производства и предметов потребления в том же объеме, в каком он был согласно схемам К. Маркса в накопленных к началу года запасах средств и предметов труда в размере 4000 ед. в I подразделении и 2000 ед. во II подразделении. При предположении, что переменный капитал I подразделения равен 1000 ед., II подразделения — 500 ед., а норма прибавочной стоимости — 100 %, в обоих подразделениях создается прибавочная стоимость, равная переменному капиталу.

Таким образом, ряд экономистов исходит из допущений, согласно которым весь объем авансированного постоянного капи-

тала полностью потребляется в течение одного года и авансированный оборотный капитал совершает в течение года один оборот, а потому отсутствует внутригодовой оборот предметов труда по стоимости.

Конечно, если предполагается годовой цикл производства, т. е. один оборот накопленных предметов труда, то проблемы промежуточного продукта в этом случае нет — годовой продукт возмещает авансированные фонды, а потому включает стоимость этих фондов и содержит, кроме того, вновь созданную стоимость. Стоимость промежуточного продукта превращается в таком случае в фиктивную величину. Но достаточны ли эти основания, чтобы сделать вывод, что схемы воспроизводства К. Маркса отражают движение конечного продукта общества? Действительно, наличие отмеченных обстоятельств сближает продукт, рассматриваемый во втором томе «Капитала», с моделью конечного продукта. И тем не менее модель конечного продукта в ряде существенных пунктов отличается от схем воспроизводства К. Маркса.

В схемах воспроизводства авансированный основной капитал равен потребленному в годовом производстве. Поэтому из годового продукта возмещается весь авансированный основной капитал. Между тем в модели конечного продукта стоимость основных фондов представлена не в объеме авансированных, а лишь в размере их годового снашивания, т. е. амортизацией. Аналогичное положение имеет место и в отношении оборотных производственных фондов в конечном продукте. Хотя его сторонники абстрагируются от внутригодового оборота предметов труда, тем не менее они утверждают, что из годового (конечного) продукта возмещается лишь запас накопленных к началу года предметов труда. Если же настаивать на том, что этого запаса достаточно для обеспечения всего годового процесса производства, что внутригодовой оборот предметов труда отсутствует, то нельзя абстрагироваться от труда, воплощенного в промежуточном продукте, так как он представляет собой прошлый труд, существовавший еще до начала текущего процесса производства.

При допущении, что накопленный запас предметов труда к началу года недостаточен для производства в течение года, необходимо учитывать и внутригодовой оборот авансированных оборотных фондов. Стало быть, и в этом отношении схема конечного продукта не только существенно отличается от схем К. Маркса, но и находится с ними в противоречии. У К. Маркса предположение об отсутствии внутригодового оборота предметов труда является лишь иным выражением того, что авансированный оборотный капитал достаточен по своим размерам для того, чтобы обеспечить весь годовой цикл производства. Между тем именно по данному пункту у сторонников концепции конечного продукта налицо противоречие. Если предполагается, что авансированные фонды исключают внутригодовой

оборот предметов труда, то весь промежуточный продукт должен в этом случае быть источником возмещения этих фондов. В этом случае он выступает как носитель прошлого труда.

Если же предположить, что запас предметов труда на начало года не обеспечивает потребностей всего годового производства, то без внутригодового оборота обойтись невозможно. Реальный смысл допущения К. Марксом годового цикла производства и предположения о размере авансированного оборотного капитала состоит в том, что этим превосхищаются действительные затраты предметов труда на производство годового продукта, которые измеряются их количеством, необходимым для годового производства, а не имеющимся на начало года. Поэтому допущение, что накопленные запасы предметов труда на начало года лишь частично покрывают потребности годового производства, предполагает внутригодовой оборот предметов труда как неизбежное следствие первого допущения.

Аналогичные недоразумения возникают в том случае, если сопоставлять конечный продукт с продуктом двух подразделений, как он представлен в «Капитале» в отношении перенесенной стоимости II подразделения. В схемах К. Маркса постоянный капитал в продукте I подразделения — это реальный элемент всего годового продукта общества. Поэтому во втором томе «Капитала» К. Маркс посвятил параграф исследованию постоянного капитала обоих подразделений. Между тем в концепции конечного продукта постоянный капитал, рассматриваемый в противоположность доходу, представлен лишь постоянным капиталом I подразделения. Это оправдано лишь постольку, поскольку постоянный капитал этого подразделения является таковым и по стоимости, и в натуре. Поэтому он выступает как действительный постоянный капитал. Что касается постоянного капитала II подразделения, то он выступает постоянным капиталом лишь по своей стоимости. По натуральной же форме он для всего общества образует доход. Но ведь в данном случае речь идет именно о стоимостном строении общественного продукта.

Вопрос о перенесенной стоимости в продукте II подразделения в концепции конечного продукта — один из наименее разработанных. В схемах К. Маркса предполагается, что авансированные для годового процесса элементы производства достаточны для годового производственного цикла. Их стоимость в годовом продукте представлена частью результатов производства во II подразделении, которая равна IC . Поскольку последняя существует в материальной форме предметов потребления, она возмещается частью продукта I подразделения, равной его вновь созданной стоимости. При этом чистый продукт I подразделения должен быть достаточен для того, чтобы возместить в натуре как весь авансированный основной капитал II подразделения (который полностью потребляется в годовом производстве), так и весь оборотный капитал этого подразделе-

ния (который оборачивается лишь один раз в год). В схеме же конечного продукта авансированные основные фонды представлены лишь размерами их годового износа, т. е. величиной годовой амортизации.

Если предположить, что и оборотные фонды представлены только их запасом на начало года, которого достаточно лишь для части годового производственного цикла, то в этом случае неизбежен внутригодовой оборот предметов труда посредством обмена части IIС на часть чистого продукта I подразделения. А это противоречит механизму обмена между I и II подразделениями, как он изображен во втором томе «Капитала». Если же сторонники концепции конечного продукта предполагают объем запаса предметов труда во II подразделении достаточным для годового производственного цикла, то в этом случае возникает несоответствие количественных соотношений различных элементов авансированных фондов в концепции конечного продукта тем же соотношениям в схемах воспроизводства К. Маркса, где авансированный постоянный капитал в обоих подразделениях равен потребленному. Таким образом, утверждение, согласно которому теория воспроизводства общественного капитала иллюстрируется схемами, характеризующими движение конечного продукта общества, является недоказанным.

Представляется целесообразным рассмотреть еще один вопрос в концепции конечного продукта, который остается все еще нерешенным. Речь идет об условиях сбалансированности элементов продукта на основе этого показателя.

Против концепции конечного продукта выдвигается возражение о невозможности сформулировать на его основе условия сбалансированности. С. С. Шаталин попытался опровергнуть это возражение на основе экономико-математической модели межотраслевого баланса в книге «Пропорциональность общественного производства» (Экономика, 1968 г.). В более поздней работе «Функционирование социалистической экономики» С. С. Шаталин писал по этому поводу: «Пусть читатель извинит автора за нескромность утверждения, что в его книге «Пропорциональность общественного производства» доказано на основе экономико-математической модели межотраслевого баланса, что при любых предпосылках на основе конечного общественного продукта можно сформулировать все... отношения простого и расширенного воспроизводства, полученные К. Марксом, как от схем воспроизводства, формально выраженных в терминах валового (совокупного продукта), перейти к схемам, построенным на основе конечного продукта»¹. Поскольку подробное критическое рассмотрение этого доказательства содержится в нашей работе «Фонд возмещения I подразделения и проблема

¹ Шаталин С. С. Функционирование социалистической экономики. М.: Изд-во МГУ, 1982, с. 108 (прим.).

сбалансированности»¹, в данном случае не будем повторяться. Отметим, что это заявление С. С. Шаталина не соответствует действительности. Дело в том, что уже в исходной числовой модели автор допустил ошибку, которая в дальнейшем исключила возможность получения требуемого результата. Если рассматривать проблему воспроизводства общественного продукта с теоретико-методологической стороны, то она полностью решена К. Марксом. Поэтому перед советской экономической наукой в этой области стоят проблемы другого уровня.

Задача состоит в данном случае в том, чтобы, осмысливая и развивая дальше теоретическое наследие марксизма, сделать шаг вперед. Необходимо отказаться от тех ограничений и допущений, которые явились методологическими предпосылками анализа воспроизводства общественного продукта в «Капитале», и ввести в анализ вполне реальные предпосылки. Из них наиболее существенное, по нашему мнению, значение имеет учет реального объема имеющихся на начало года предметов труда. То обстоятельство, что общество никогда не располагает тем количеством предметов труда, которое достаточно для годового цикла производства, делает актуальной проблему внутригодового оборота предметов труда. Сторонники концепции конечного продукта связывают с этим оборотом повторный счет промежуточного продукта. Но повторный счет имеет место лишь постольку, поскольку движение воспроизводства процесса общества отождествляется с движением фондов и продукта отдельных предприятий, поскольку в качестве модели общественного продукта берется модель валового продукта, исчисленного по заводскому методу. Между тем не существует каких-либо доказательств того, что показатель валового продукта является единственно возможным способом отражения и учета внутригодового оборота предметов труда. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы отразить внутригодовой оборот предметов труда и избежать повторного счета.

Однако вместо постановки проблемы именно в таком виде в литературе по вопросам воспроизводства общественного продукта продолжается обсуждение достоинств конечного продукта и недостатков валового и наоборот. Разумеется, неправильно только критиковать эти показатели, и в частности показатель конечного продукта. Он, несомненно, характеризуется многими достоинствами. Его сторонники правильно исходят из того, что прошлый и живой труд для общества в целом может отличаться только на основе признака времени. На основе показателя конечного продукта можно избежать повторного счета одних и тех же элементов совокупного продукта общества и благодаря этому достигнуть сопоставимости продукции отраслей и двух подразделений общественного производства и вообще получить материал для анализа многих воспроизводственных показате-

¹ Покрытан А. К., Лапин В. В. Указ. соч., с. 52—53.

лей. Но правильно также и то, что показатель конечного продукта не отражает и не может отразить действительный объем прошлого труда, обусловленный производством годового продукта общества. Амортизация и стоимость запаса предметов труда на начало года — это лишь часть прошлого труда, представленного в годовом продукте. Задача состоит в том, чтобы показать и учесть, каким образом формируется другая его часть. Научиться улавливать эту часть — значит получить возможность поднять плановое управление процессом воспроизводства на новый, более высокий уровень. Показатель конечного продукта неудовлетворителен и в том отношении, что он не отвечает в полной мере потребностям воспроизводства социально-экономической структуры социалистического производства. Трагуня весь промежуточный продукт как величину фиктивную, концепция конечного продукта по существу не охватывает проблемы, связанные с трудом многих миллионов работников добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности. Отмеченное обстоятельство значительно осложняет воспроизводство и совершенствование профессионально-квалификационной структуры работников этих отраслей.

О показателе валового продукта

Показатель валового продукта фиксирует наиболее поверхностный, видимый уровень воспроизводственного процесса общества, как он обнаруживается в непосредственных производственных связях отдельных хозяйственных звеньев во внутриотраслевом и межотраслевом разрезах. Валовой продукт общества отличается от валового продукта отдельного предприятия лишь масштабом. Никаких новых определений годовой продукт общества при этом не получает.

Тем не менее, поскольку валовой продукт отражает непосредственные связи исходных звеньев воспроизводственного процесса общества, создается видимость, что на его основе возможно подчинить единому плановому началу все общественное производство. Отмеченное обстоятельство явилось причиной того, что на первоначальном этапе социалистического строительства показатель валовой продукции получил всеобщее распространение. С его помощью отражалась вся система производственных связей по вертикали, начиная от добычи исходного сырья и кончая производством средств труда и предметов потребления. Этому в немалой степени способствовало и то, что в валовом продукте отражаются не только определенные производственные связи, но и экономическая форма этих связей — взаимный обмен результатами производственной деятельности на основе возмездных отношений.

Именно вследствие этого валовой продукт получил широкое распространение как форма учета общественного продукта и как основа планирования межотраслевых связей. В условиях

преобладания по преимуществу экстенсивных методов производства такое положение вещей, по-видимому, было вполне оправданным.

Широкое применение в практике планирования этого показателя и его производных (реализованной и товарной продукции) показало, что на их основе невозможно объективно отразить многие важные стороны процесса социалистического воспроизводства общественного продукта, а потому осуществить оптимальное воспроизводство социально-экономической структуры общества.

Как отмечалось выше, различные структурные элементы совокупного продукта имеют строго определенное функциональное назначение в воспроизводственном процессе общества. Эта определенность функций обусловлена не только материально-вещественной формой продукта, но и характером представленного в нем труда. Назначение каждого данного продукта в годовом процессе воспроизводства определяется тем, что этот продукт — средство производства (сырье, топливо, энергия), и зависит от того, является ли он носителем прошлого или живого труда. Но именно это обстоятельство и не находит адекватного отражения в показателе валового продукта. Это относится, в частности, к элементам продукта I подразделения, особенно объему прошлого труда, потребленного этим подразделением.

Между тем этой части годового продукта общества принадлежит в воспроизводственном процессе весьма важная роль. Достаточно отметить, что в схемах воспроизводства К. Маркса перенесенная стоимость I подразделения составляет почти половину годового продукта общества (4000 из 9000 ед.).

Подчеркивая важную роль этой части годового продукта I подразделения, В. И. Ленин выделил ее в особый подотдел общественного производства — производство средств производства для средств производства. Поэтому количественное определение этой части годового продукта, выяснение закономерностей ее динамики имеют принципиальное значение в практике планомерного контроля общества над своим собственным процессом воспроизводства. Не обеспечив контроль над движением прошлого труда, общество не в состоянии управлять формированием профессионально-квалификационной структуры совокупного работника. Но как раз в этом пункте показатель валового продукта оказывается неудовлетворительным. Если учитывать прошлый труд в составе годового продукта общества по схеме валового продукта, то количественное выражение его в составе продукта I подразделения окажется сильно завышенным вследствие значительного повторного счета одних и тех же элементов.

В результате искажается большинство соотношений как внутри I подразделения, так и между I и II подразделениями. Поскольку же пропорция двух подразделений имеет фундаментальное значение, постольку она отражается на всех параметрах

рах воспроизводства общественного продукта, а вследствие этого и на параметрах воспроизводства социально-экономической структуры общества.

В литературе по вопросам воспроизводства общественного продукта содержатся различные оценки феномена повторного счета. Большинство экономистов, безусловно, признают повторный счет и считают, что он создает препятствия в процессе планового управления социалистическим производством. Другие, признавая наличие повторного счета, тем не менее считают это явление вполне нормальным, соответствующим исторически сложившейся системе общественного разделения труда. Кроме того, согласно некоторым утверждениям никакого повторного счета в валовом продукте не содержится, поскольку суммируются вполне самостоятельные потребительские стоимости продуктов, которые создаются в первичных звеньях общественного производства. Две последние теоретические позиции подробно нами рассмотрены¹. Подчеркнем лишь, что в настоящее время наличие повторного счета при учете продукции по схеме валового продукта, исчисленного заводским методом, можно считать установленным фактом. Более того, установлено также, какие элементы затрат совокупного продукта учитываются повторно. Таким элементом, в частности, является чистый продукт I подразделения, который в составе промежуточного продукта повторно учитывается на последующих стадиях переработки. Таким образом, наличие повторного счета, особенно в пределах I подразделения, — бесспорный факт и продолжать обсуждение этой проблемы не имеет смысла. В настоящее время необходимо сосредоточить усилия на том, чтобы в процессе планирования и учета общественного продукта избежать повторного счета на основе овладения внутренними закономерностями движения структур общественного продукта.

Существует мнение, что, поскольку валовой продукт представляет собой суммарное выражение продукции исходных звеньев материального производства, постольку он тождествен совокупному товарному капиталу, структура и основные закономерности движения которого исследуются К. Марксом во втором томе «Капитала».

Однако, сопоставляя принципы формирования структурных элементов валового продукта с принципами образования совокупного товарного продукта, на основе которого составлены схемы воспроизводства во втором томе «Капитала», следует отметить, что нельзя считать их аналогичными. Строго говоря, аналогий здесь вообще нет, если не считать того, что и совокупный товарный продукт, и совокупный продукт в форме валового продукта представляют собой сумму продукции отдель-

¹ Покрытая А. К. Вопросы социалистического воспроизводства общественного продукта. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1965.

ных предприятий. Однако суммировать можно по-разному. Вопрос в том, какие слагаемые подлежат суммированию.

К. Маркс исследовал годовой продукт общества. Валовой продукт тоже можно рассматривать, как годовой продукт. Однако для валового продукта это несущественно потому, что формирование перенесенной части трудовой структуры отнюдь не обусловлено фактором времени, равно как и понимание природы прошлого труда. Между тем в схемах воспроизводства К. Маркса год носит не формальный, а содержательный характер, поскольку в продукте обоих подразделений перенесенная стоимость представляет собой стоимость средств производства, потребленных в годовом производстве, но произведенных годом раньше или еще раньше.

Далее в схемах К. Маркса абстрагирован внутригодовой оборот предметов труда, между тем в процессе формирования валового продукта в его состав, как отмечалось, включается весь промежуточный продукт, который учитывается повторно и без которого представить себе процесс формирования валового продукта невозможно.

Схемы воспроизводства в «Капитале» иллюстрируют единство материально-вещественной и стоимостной структур общественного продукта, между тем достижение такого единства на базе показателя валового продукта весьма проблематично.

Показатель валового продукта в гораздо меньшей степени связан со схемами воспроизводства, чем конечный продукт. Отмеченное обстоятельство приводит к определенным осложнениям в механизме воспроизводственного процесса.

Речь идет о фактическом игнорировании сторонниками концепции валового продукта фактора времени как единственно возможного при изучении проблем воспроизводства общественного продукта критерия разграничения прошлого и текущего труда, перенесенной и вновь созданной стоимостей. Признавая затраты труда на создание средств производства вне данного производственного звена в качестве признака прошлого труда, сторонники концепции валового продукта по существу исключают саму возможность постановки вопроса о перенесенной и вновь созданной частях трудовой структуры общественного продукта. На этом основании всю продукцию предприятий, производящих промежуточный продукт, пришлось бы считать лишь элементами прошлого труда.

Игнорируя фактор времени как единственно возможный критерий разграничения прошлого и вновь приложенного живого труда, сторонники концепции валового продукта не различают перенесенную и вновь созданную части трудовой структуры продукта. Они исходят из того, что их смешение в процессе производства общественного продукта — явление совершенно нормальное. Так, А. В. Новоселов писал, что «стоимость, вновь созданная в данном году, на одних стадиях производственного процесса (создающих предметы труда), становится в том же

самом году элементом материальных затрат, т. е. перенесенной стоимостью на последующих стадиях производства, продолжающих обработку этих предметов труда»¹. Не говоря о том, что данное положение противоречит фундаментальным основам научной теории воспроизводства общественного продукта, оно исключает возможность достижения в плановой практике пропорциональности материально-вещественной и стоимостной структур общественного воспроизводства.

Использование показателя валового продукта вносит осложнения и в процесс развития форм общественной организации производства, в частности комбинирования производства.

Разукрупнение предприятий нередко происходит не только в результате объективного процесса отпочкования различных видов производства на основе растущей специализации, но и как организационное мероприятие, обусловленное соображениями, которые далеко не всегда могут быть оправданы с точки зрения интересов общества. Такие организационные мероприятия всегда ведут к удлинению пути движения предметов труда, возрастанию повторного счета, объема валового продукта отрасли. Это способствует улучшению экономических показателей производственной деятельности отдельных отраслей при неизменном объеме той же продукции в натуральном выражении. К противоположным результатам приводит укрупнение предприятий, слияние многих часто малорентабельных заводов в комбинированное производство.

Оценка производственной деятельности предприятий и отраслей по показателю валовой продукции или ее производным ведет к противопоставлению интересов общества интересам отдельных звеньев воспроизводственного процесса, препятствовала проведению крупных организационных мероприятий в области комбинирования производства. Именно поэтому курс на создание крупных комбинированных производств и его осуществление потребовали пересмотра системы оценочных показателей деятельности производственных звеньев в направлении преодоления практики выполнения плановых заданий за счет роста материалоемкости. Крупномасштабный экономический эксперимент ставит перед собой задачу совершенствования системы оценочных показателей, обеспечивающую оптимальное сочетание интересов всего общества с интересами отдельных хозяйственных звеньев. В процессе решения этой задачи необходимо иметь в виду, что связи между предприятиями осуществляются прежде всего по линии потребления средств производства. Поэтому задача состоит в том, чтобы потребляемые предприятием условия производства учитывались в составе его материальных затрат без повторного счета. Речь идет прежде всего о добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности и о сель-

¹ Новоселов А. В. Некоторые вопросы анализа двух экономических подразделений. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1972, с. 109.

ском хозяйстве. Такой показатель объема продукции, во-первых, дает возможность судить о реальном вкладе данного предприятия в производство годового продукта общества, во-вторых, делает его независимым от цен на сырье, топливо, энергию, комплектующие изделия и, наконец, в-третьих, дает возможность объединить планирование в пределах первичных ячеек общественного производства с планированием на уровне единого народнохозяйственного комплекса.

В заключение отметим, что на базе валового продукта не может быть решена и проблема сбалансированности элементов материально-вещественной и трудовой структур общественного продукта, т. е. центральная проблема теории и практики планомерного управления процессом воспроизводства¹. А без этого невозможно обеспечить эффективное воспроизводство социально-экономической структуры социализма и решить проблему дальнейшего эффективного совершенствования профессионально-квалификационной структуры совокупного работника.

Отсюда следует вывод, что область применения показателя валового продукта, как и его производных (товарной и реализованной продукции), весьма ограничена. Во всяком случае он едва ли может оставаться нормативной базой народнохозяйственного планирования в условиях, когда объективное состояние советской экономики, особенно на этапе развитого социализма, требует от планирования более высокого уровня решений. Два подразделения общественного производства — наиболее фундаментальная категория воспроизводства общественного продукта. Она и должна стать базой теории и практики планирования. Но для этого необходимо найти методы определения структуры общественного воспроизводства непосредственно на базе показателя двух подразделений, которые характеризуют реальные объем и структуру общественного производства со стороны его материально-вещественных и трудовых параметров. Речь идет, разумеется, о принципе формирования этих структур, а не о конкретных методах классификации продукции.

Годовой продукт общества в форме продукта двух подразделений

Продукт двух подразделений является наиболее многосторонней и поэтому наиболее полной характеристикой совокупного продукта общества. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Дело в том, что конечный продукт, характеризуя итоги воспроизводительного процесса в разрезе годового производства, показывает его готовый результат. Все богатство связей различ-

¹ Подробнее см.: Покрытан А. К. Вопросы социалистического воспроизводства общественного продукта, с. 80—82.

ных блоков общественного производства, как оно осуществляется в годовом процессе, остается практически за пределами теоретического рассмотрения. Показатель конечного продукта выражает, следовательно, связь различных годовых процессов производства, поскольку он характеризует то, что каждый данный год передает следующему. Необходимо знать не просто этот результат, но и механизм, посредством которого он достигается. Это особенно важно в условиях планомерной организации общественного процесса воспроизводства совокупного продукта. Планомерность развития производственного процесса дает возможность сознательно вторгаться в него и сознательно формировать объем и структуру конечного продукта. Но теория воспроизводства на базе конечного продукта меньше всего может стать основой планового управления этим процессом.

В процессе формирования трудовой структуры средств производства и предметов потребления устанавливаются определенные производственные связи, и прежде всего по линии производственного потребления средств производства. Но если связи ($v+m$) I и II еще в какой-то мере находят свое отражение в показателе конечного продукта, то производственное потребление внутри I подразделения по существу никакого отражения не получает. Вообще, сторонники концепции конечного продукта отрицают экономический характер данной проблемы. Она, по их мнению, охватывает только процесс возмещения стоимости прошлогодних запасов средств и предметов труда. При этом не учитывается, что категории «конечный продукт», «промежуточный продукт» не характеризуют определенную трудовую структуру или механизм ее образования.

Итак, одним из наиболее необоснованных аспектов концепции конечного продукта является упрощение механизма образования фонда возмещения в пределах I подразделения.

Противоположное наблюдается в показателе валового продукта. Здесь вследствие повторного счета значения фонда возмещения I подразделения оказываются преувеличенными. А это в свою очередь ведет к искажению всех других показателей воспроизводства годового общественного продукта. Стало быть, фонд возмещения I подразделения не получает выражения как в показателе конечного, так и валового продукта. Указанная проблема находит свое научное решение лишь при исследовании процесса воспроизводства общественного продукта в форме двух подразделений.

*Каковы же исходные посылки
этого исследования?*

При рассмотрении процесса воспроизводства общественного продукта в разрезе двух подразделений необходимо исходить из того, что прошлый и вновь присоединенный живой труд, а потому перенесенная и вновь созданная части трудовой структуры

различаются (и только и могут различаться) по временному, а не по пространственному признаку. Это значит, что прошлым является труд, израсходованный на производство средств производства, которые потребляются в производственном процессе текущего периода, но созданы в предшествующем периоде. Временные масштабы этих периодов не имеют в определенных пределах принципиального значения, если не считать того, что при небольших временных интервалах конкретное содержание различных форм общественного продукта по существу сближается.

Другая предпосылка исследования механизма образования различных структур продукта двух подразделений состоит в предположении, что на начало года общественное производство не располагает таким запасом накопленных средств производства, которого достаточно для всего годового процесса производства. Это касается прежде всего и главным образом запасов предметов труда. Отмеченное обстоятельство предопределяет внутригодовой оборот предметов труда, в частности в I подразделении. Следует подчеркнуть, что это нисколько не противоречит исследованию механизма образования фонда возмещения, как он изображен в «Капитале» К. Маркса. Хотя здесь данный механизм в полном объеме не исследуется, тем не менее то обстоятельство, что к началу годового процесса общество располагает запасом предметов труда, достаточным для всего годового процесса производства, означает, что предполагается реальный их объем, потребление которого обеспечивает непрерывность годового производства. Следовательно, в фонде возмещения годового продукта представлена не часть предметов труда, созданных в прошлые годы, а полный их объем.

Существенное значение имеет указание К. Маркса о двух формах возмещения постоянного капитала I подразделения — продуктом собственного производства и посредством обмена постоянных капиталов между различными предприятиями и сферами производства. К. Маркс, как правило, не пользовался ни термином «конечный продукт», ни термином «промежуточный продукт», но часто применял термины «живой труд», «перенесенная и вновь созданная стоимость» и т. п. Такая терминология совсем не случайна. Термины «конечный продукт», «промежуточный продукт» могут иметь разное содержание. Например, К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» употреблял термин «конечный продукт» в значении, тождественном предметам потребления. И последние действительно представляют собой конечный продукт в самом строгом смысле этого слова. Что касается содержания промежуточного продукта, то оно также не однозначно, поскольку может включать как прошлый, так и вновь присоединенный живой труд. Движение промежуточного продукта в процессе воспроизводства общественного продукта далеко не однозначно. Оно определяется не только его натуральной формой, но и его функциями, которые обусловлены характером представленного в разных частях промежуточного

продукта труда. Отмеченное обстоятельство может вызвать вопрос.

Ведь согласно сложившимся представлениям промежуточный продукт со стороны своей потребительной стоимости является результатом конкретного труда текущего года, а со стороны своего трудового происхождения — результатом вновь приложенного труда. Именно поэтому он не может возмещать труд, воплощенный в накопленных к началу года средствах производства, т. е. не может быть носителем прошлого труда в трудовой структуре I подразделения. Однако такое представление неточно. Если исходить из реальных предпосылок воспроизводства совокупного продукта общества, то действительный объем накопленных на начало года запасов предметов труда в подавляющем большинстве отраслей материального производства недостаточен для обеспечения процесса производства в течение всего года. Уже это предопределяет неизбежность внутригодового оборота элементов прошлого труда. Поскольку он совершается только в пределах I подразделения, постольку это имеет прямое отношение к процессу формирования объема перенесенной части трудовой структуры данного подразделения, а потому и к объему трудовых затрат всего годового продукта. С учетом отмеченного обстоятельства перенесения в продукт I подразделения часть его труда никак не может быть ограничена трудом, представленным запасом предметов труда на начало года, и годовой амортизацией средств труда. Именно это обстоятельство игнорируется сторонниками концепции конечного продукта, которые впадают в противоречие, утверждая, что, с одной стороны, прошлый труд для I подразделения и для всего годового продукта — это труд, представленный запасом средств производства на начало года, а с другой стороны, отрицая значение промежуточного продукта, который в большой степени выступает носителем этого прошлого труда. Если ограничить прошлый труд в I подразделении лишь запасом средств производства на начало года и исключить внутригодовой оборот этого запаса, то необходимо показать, каким образом происходит функционирование общественного производства в I подразделении, после того как потреблен этот запас. Или придется допустить невероятное: общество расходует вновь присоединенный труд, не потребляя при этом никакого прошлого труда.

Стало быть, потребление элементов прошлого труда в годовом производстве должно происходить и действительно происходит постоянно и непрерывно. Отмечая это обстоятельство, К. Маркс писал, что «постоянный капитал остается равен самому себе и сам себя возмещает из той части стоимости, которая представляет его в совокупном продукте. Обмен между различными товарами, ряд покупок и продаж между различными сферами производства, лишь в том смысле вносит некоторое различие форм, что постоянные капиталы различных сфер производства взаимно покрывают друг друга в той пропорции, в какой

они первоначально содержались в этих сферах производства»¹. Это и есть обмен постоянного капитала на постоянный капитал, который совершается только в I подразделении и который характеризует основное содержание механизма формирования перенесенной части трудовой структуры данного подразделения. Этот обмен, как уже отмечалось, осуществляется двумя способами. В ряде отраслей потребленный прошлый труд возмещается продуктом данной отрасли (сельское хозяйство, производство электроэнергии, машины и т. п.). В том же случае, если потребленные средства производства не могут быть возмещены в натуре собственным продуктом, происходит обмен результатов производства данной отрасли на продукты других отраслей.

В связи с этим К. Маркс указывал, что «если это их сырье образует их (машины, инструментов, построек и т. д.) сырой материал, то сами они, в качестве орудий труда, входят в процесс добывания этого сырого материала. Поэтому они возмещают друг друга *in natura*. Железодельатель должен возместить машину, машиностроитель — железо. В каменоломне происходит износ машин, а в фабричном здании — износ строительного камня...»²

Характеристика процесса возмещения СИ подразделения осложняется в связи с движением предметов труда, произведенных и потребленных как продукты текущего процесса труда. Однако нельзя смешивать потребительную стоимость этих предметов труда с их трудовым происхождением потому, что со стороны своей потребительной стоимости рассматриваемые предметы труда суть продукты только данного года. Совсем по-иному обстоит дело с характером представленного в них труда. Если бы они представляли продукт вновь присоединенного труда, то в соответствии с концепцией валового продукта они были бы отнесены и к перенесенной части трудовой структуры продукта I подразделения и ко вновь созданной части трудовой структуры продукта I подразделения. Именно так выглядит проблема в освещении сторонников концепции валового продукта. Напротив, сторонники концепции конечного продукта отнесли бы их к чистому продукту I подразделения, который, существуя в натуральной форме средств производства, возмещает в натуре потребленные во II подразделении средства производства. В этом случае никакого отношения к перенесенной части трудовой структуры I подразделения они не имеют. И это правильно, но лишь в том случае, если они по своему трудовому происхождению представляли бы чистый продукт I подразделения. А если они выступают и носителями прошлого труда, поскольку последний в виде запаса прошлых лет был потреблен на их создание, и в то же время носителями вновь присоединенного труда, то какова объективная форма движения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 103—104.

² Там же, с. 236.

в этом случае? В данном случае та часть предметов труда, суммарная стоимость которой равна труду, воплощенному в потребленном на производство продукта I подразделения запасе предметов труда, имеющемся на начало года, возместила бы эти потребленные предметы труда. Это и был бы обмен труда, воплощенного в средствах производства, на свой эквивалент.

Что касается другой части предметов труда, которую можно представить со стороны затраченного на них труда как воплощение только вновь присоединенного труда, то она должна возместить в своей натуральной форме потребленные средства производства II подразделения, которые выступают в форме предметов личного потребления. При этом вторая часть средств производства не может войти в состав материальных затрат I подразделения. Такой способ движения предметов труда, которые являются продуктом конкретного труда данного года, обусловлен тем, что накопленные запасы предметов труда на начало года как потребительные стоимости потребляются в одном производственном цикле, но воплощенный в них труд при этом не исчезает, а переносится на предметы труда — продукты данного производственного цикла. Между тем если следовать логике концепции конечного продукта, то предметы труда из накопленного запаса потребляются не только как потребительные стоимости, но и как носители прошлого труда. Поэтому перенесенная часть труда I подразделения исчерпывается трудом, представленным в запасе на начало года. На самом деле труд, представленный в запасе, не исчезает, а постоянно переносится и сохраняется в предметах труда следующего производственного цикла. Поэтому величина перенесенной части трудовой структуры готовых средств труда, произведенных, например, в течение года, не может быть ограничена лишь трудом, воплощенным в запасе предметов труда на начало года и годовой амортизацией функционирующих средств труда. Труд, воплощенный в вещественных факторах, и прежде всего предметах труда, имеющихся на начало года, должен рассматриваться как исходная величина при определении реального объема материальных затрат годового продукта I подразделения. Их действительный объем может быть определен лишь с учетом многократного перемещения воплощенного в запасах труда, т. е. с учетом оборотов этой части трудовой структуры продукта I подразделения.

Конечно, вместе с оборотом элементов прошлого труда совершаются обороты и вновь созданной части трудовой структуры, воплощенной в этих же предметах труда. Отмеченное обстоятельство может рассматриваться как основание для того, чтобы и эту часть можно было включить в состав перенесенной части трудовой структуры, тем более что все эти предметы как потребительные стоимости целиком потребляются в I подразделении, особенно в тех его отделах, которые непосредственно не связаны со II подразделением по линии предметов труда. Но

именно потому, что рассматриваемые предметы труда со стороны воплощенного в них труда никакого отношения к перенесенной части трудовой структуры I подразделения не имеют, они не могут фигурировать там в составе фонда возмещения.

Отмеченное положение имеет принципиальное значение и его игнорирование образует одно из наиболее уязвимых мест концепции валового продукта.

При простом воспроизводстве, а оно, как известно, составляет основу всякого воспроизводственного процесса общества, объем $(V+m)$ I подразделения представляет собой реальный размер спроса, предъявляемого I подразделением на предметы личного потребления. II подразделение должно потребить определенное количество средств и предметов труда, придать им форму предметов личного потребления и передать в распоряжение I подразделения. Единственным источником вещественных условий производства для II подразделения как раз и является $(V+m)$ I подразделения. Это условие общественного воспроизводства общеизвестно. Но столь же общеизвестно и положение о том, что вновь присоединенный труд, существующий в материальной форме средств производства, никоим образом не может стать элементом материальных затрат подразделения, производящего средства производства. Средства производства, в которых воплощен вновь присоединенный труд I подразделения, будучи учтенными в составе материальных затрат этого подразделения, представляют собой не реальную, а фиктивную величину, которая, используясь в теории и практике народнохозяйственного планирования, оказывается помехой на пути совершенствования его методологии.

Учет вновь присоединенного труда I подразделения одновременно и на стороне его материальных затрат является наиболее очевидным и наиболее неоправданным компонентом повторного счета, искажающего практически все параметры общественного воспроизводства.

Говоря о недопустимости включения вновь присоединенного труда I подразделения в состав его материальных затрат, необходимо иметь в виду, что это относится к любой ступени технологической вертикали I подразделения. Как бы ни был отдален производственный процесс от непосредственных связей со II подразделением, $(V+m)$ I никак не может быть включено в материальные затраты этого подразделения, например, на следующей стадии переработки предметов труда. Если уголь потреблен на производство электроэнергии, а последняя потребляется или для освещения угольных шахт, или для приведения в движение орудий труда, применяемых в угледобыче, то они образуют элементы материальных затрат в производстве как электроэнергии, так и угля. Но вновь созданная стоимость, представленная как в угле, так и в электроэнергии, никак не может войти в состав материальных затрат ни угля, ни электроэнергии. Не может потому, что в этом случае II подразделение

останется без соответствующих средств производства, необходимых для производства предметов потребления, без которых работники I подразделения, занятые в производстве угля и электроэнергии, просто не могут продолжать процесс производства.

Общий вывод состоит в том, что вновь созданная часть трудовой структуры продукта I подразделения не участвует и не может участвовать в процессе формирования его материальных затрат. К. Маркс указывал: «В этой части продукта (речь идет о CI) вновь присоединенный труд не представлен, так как в совокупном продукте труда определенное количество машин равняется стоимости, созданной присоединенным трудом, другое количество их — стоимости сырья, третье — той составной части стоимости, которая содержалась в машиностроительной машине. Правда, эта последняя составная часть содержит в себе на деле и присоединенный труд. Но со стороны стоимости труд этот равен нулю, так как в той части машин, в которой представлен присоединенный труд, не принимается в расчет труд, содержащийся в сырье и изношенных машинах. . . »¹

Таким образом, исходными положениями теории формирования фонда возмещения в пределах I подразделения являются следующие. Во-первых, признание времени в качестве критерия разграничения прошлого и живого труда, перенесенной и вновь созданной частей в составе трудовой структуры. Во-вторых, недопустимость включения части продукта, равного вновь присоединенному труду I подразделения, в состав материальных затрат этого подразделения. В-третьих, учет оборотов прошлого труда в составе I подразделения, который необходим для определения реального объема перенесенной в продукт этого подразделения стоимости.

Относительно последнего обстоятельства иногда возражают, что оборот элементов прошлого труда якобы не является фактором, определяющим размеры перенесенной части трудовой структуры в составе совокупного продукта I подразделения. Однако с этим трудно согласиться.

Ускорение оборота предметов труда равнозначно тому, что в единицу времени их потребляется больше, а потому сохраняется и большая стоимость, которая переносится во вновь производимый продукт. Например, если в течение года выращивается два урожая картофеля, то перенесенная в годовом продукте часть в этом случае больше, чем при одном урожае. Во всяком случае не подлежит сомнению, что посевной фонд при этом удваивается. Именно поэтому при анализе всех тех факторов, определяющих норму прибыли, К. Маркс удваивал значение различных структурных компонентов стоимости годового продукта отрасли, если только в течение года постоянный и переменный капитал делают вместо одного два оборота. Так,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 127.

например, капитал $80 C + 20V = 100 k$ совершает при норме прибавочной стоимости 100 % два оборота в год. В этом случае годовой продукт будет: $160 C + 40 V + 40m$ ¹.

Следовательно, чем быстрее оборачивается прошлый труд, тем соответственно больше его объем, представленный в годовом продукте. Это не имеет отношения к повторному счету, поскольку рост числа оборотов связан с возросшим объемом потребления элементов прошлого труда. При этом возрастает и объем $V + m$. Однако вновь созданная стоимость возрастает потому, что соответственно увеличивается количество вновь присоединенного труда. Что касается перенесенной части в трудовой структуре, то ее объем в продукте вследствие оборота возрастает потому, что его производство непосредственно потребляет больше своих предметных факторов. Итак, влияние оборота элементов прошлого труда на величину перенесенной части трудовой структуры годового продукта общества не подлежит сомнению.

Учитывая обстоятельства, которые определяют объем материальных затрат в продукте I подразделения, можно представить общую формулу определения их размера в следующем виде:

$$IC \text{ реальное} = \sum_{i=1}^n k_i p_i + \sum_{i=1}^n k_i A_i = \sum_{i=1}^n k_i (p_i + A_i),$$

где p_i — предметы труда i -го продукта на начало года;

k_i — число оборотов при производстве продукта;

A_i — амортизация средств труда в i -й отрасли.

Приведенная формула может быть использована для определения объема материальных затрат путем подстановки конкретных данных, характеризующих объем амортизации, стоимость предметов труда на начало года и число производственных циклов в течение года. Именно этими фактическими данными необходимо располагать для того, чтобы определить общий объем материальных затрат в составе продукта I подразделения.

Расчеты, проведенные в нашей работе, дали возможность определить объемы различных форм продукта СССР за 1960, 1966, 1971, 1977 гг. Результаты этих расчетов представлены в табл. 5.

Обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что значение продукта двух подразделений занимает промежуточное положение между значениями валового и конечного продуктов. Фиксированные в табл. 5 различия значений форм совокупного продукта объясняются исключительно различными значениями фонда возмещения. Приведенные данные показывают, что объем продукции двух подразделений меньше валового продукта, но больше конечного продукта.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 82.

Таблица 5
 ЗНАЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ
 ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА $\Phi_{\text{ССР}}$
 (в млрд. руб., в текущих ценах)*

Годы	Валовой продукт	Продукт двух подразделений	Конечный продукт
1960	304,0	260,5	163,1
1966	451,6	365,6	232,9
1971	686,0	577,3	351,5
1977	945,4	780,0	479,4

* Пократен А. К., Лапин В. В. Указ. соч., гл. III.

Количественно представленный в данном случае показатель продукта двух подразделений не следует, разумеется, фетишизировать. Впрочем, это относится и к любому другому показателю, тем более что уровень его количественного обоснования весьма ориентировочный. И тем не менее на его основе оказывается возможным получить новые значения многих других показателей общественного воспроизводства и проследить закономерность их динамики.

Это особенно касается выявления закономерностей межотраслевых связей на основе межотраслевого баланса производства и распределения продукции в отраслях материального производства. В настоящее время количественное выражение межотраслевых потоков искажено тем, что при определении коэффициентов прямых и полных затрат в материальные затраты I подразделения включен и его чистый продукт. Возможность определения реального объема материальных затрат в составе продукта I подразделения создает условия для того, чтобы очистить межотраслевые потоки от искажений, обусловленных повторным счетом чистого продукта I подразделения. Расчеты коэффициентов прямых и полных затрат на новой нормативной основе, объективно отражающей размеры структурных элементов совокупного продукта, особенно важны с точки зрения определения тех количественных зависимостей, которые так необходимы в условиях, когда достижение конечного народнохозяйственного результата становится одним из определяющих критериев интенсивного типа производства.

Объем совокупного продукта, очищенный от повторного счета, является основой расчета и других важных показателей, характеризующих значения соотношений общественного производства в разрезе двух подразделений и определении их динамики. Сравним с этой целью соотношения двух подразделений:

Таблица 6
СООТНОШЕНИЕ ДВУХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ВАЛОВОМ ПРОДУКТЕ *

Годы	Валовой продукт, млрд. руб. (в текущих ценах)	В том числе по подразделениям			
		I		II	
		млрд. руб.	доля в продукте, %	млрд. руб.	доля в продукте, %
1960	304,0	185,4	61,0	118,6	39,0
1966	451,0	283	62,7	168	37,3
1971	686,0	442,5	64,5	243,5	35,5
1977	945,4	620,5	65,6	324,9	34,4

* Покрытан А. К., Ланин В. К. Указ. соч., с. 146—147.

как они выглядят в валовом продукте с тем же соотношением в продукте без повторного счета (см. табл. 6—7).

Если теперь освободить продукт I подразделения от повторного счета, то получим уже иное соотношение между средствами производства и предметами потребления (см. табл. 7).

Хотя тенденция опережающего роста средств производства имеет место в обоих случаях, тем не менее соотношение средств производства и предметов потребления в продукте двух подразделений предпочтительнее, поскольку они отражают динамику соотношений двух подразделений без искажающего влияния повторного счета.

Таблица 7
СООТНОШЕНИЕ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА И ПРЕДМЕТОВ
ПОТРЕБЛЕНИЯ В ПРОДУКТЕ ДВУХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Годы	Общественный продукт двух подразделений, млрд. руб. (в ценах соответствующих лет)	В том числе по подразделениям			
		I		II	
		млрд. руб.	доля в общественном продукте, %	млрд. руб.	доля в общественном продукте, %
1960	260,5	141,9	54,5	188,6	45,5
1966	365,6	197,6	54,1	168	45,9
1971	577,3	333,8	57,8	243,5	42,2
1977	780	455,1	58,3	324,9	41,7

Продукт двух подразделений дает возможность объективно определить и другие важные показатели общественного производства, в частности, такие, как структура и динамика материалоемкости (как в отраслевом разрезе, так и в масштабе всего общественного производства), отраслевая структура народного хозяйства и ее динамика, что имеет особо важное значение для изучения структуры и динамики занятости, динамика производительности общественного труда и т. д.

Прикладное значение показателя совокупного продукта в форме двух подразделений не ограничивается отмеченными моментами. Существует много других аспектов его применения. Особо следует подчеркнуть значение принципов его формирования применительно к условиям хозяйственной деятельности отдельных предприятий в качестве критериальной основы оценки результатов их производственной деятельности. Дело в том, что и в настоящее время мы не имеем показателя объема продукции, который бы включал затраты элементов прошлого труда и вместе с тем не был бы обременен повторным счетом. Как ни важен показатель нормативно-чистой продукции, он тем не менее не может характеризовать действительного результата производственной деятельности хозяйственного звена. Экономические связи в народном хозяйстве складываются прежде всего по линии потребления средств производства. Потому-то и должен существовать показатель, характеризующий потребление средств производства. Представляется, что именно рассматриваемый здесь нами показатель может стать критериальной базой всей системы оценочных показателей хозяйственной деятельности предприятия.

Мы рассмотрели некоторые основные закономерности воспроизводства общественного продукта и соответствующие им механизмы, поскольку речь идет о собственных закономерностях этого процесса. Результаты показывают, при каких условиях может быть обеспечено оптимальное воспроизводство социально-экономической структуры социалистического общества, в частности его всеобщей экономической основы и соответствующего ей закона планомерного развития, а также основного экономического закона в тех конкретно-исторических формах их действия, которые имманентны им при социализме.

Этим, однако, не исчерпывается исследование процесса воспроизводства социально-экономической структуры социализма. Экономические законы любого способа производства представляют собой определенную целостность, которой присущ объективный механизм их совокупного действия. Чтобы изобразить процесс воспроизводства социально-экономической структуры социалистического общества, необходимо рассмотреть содержание этого объективного механизма.

ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

§ 1. СУЩНОСТЬ ОБЪЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА

Движение материально-вещественной и трудовой структур совокупного общественного продукта служит той внутренней формой, в которой и посредством которой осуществляется воспроизводство системы производственных отношений социализма. Однако не следует ограничивать анализ конкретных форм проявления воспроизводства социально-экономической структуры социализма исследованием проблем возмещения элементов совокупного продукта. Ибо они в свою очередь являются более абстрактными по отношению к тем формам, в которых на поверхности социалистического производства реализуется деятельность его агентов.

В литературе эти формы рассматриваются как хозяйственно-правовые отношения. Распространилось также мнение, что они — наиболее субъективированная, а потому и наиболее релятивная форма проявления экономических законов социализма. В большинстве социальных исследований они рассматриваются как сфера хозяйственной политики. В гораздо меньшей степени изучен вопрос о закономерностях этого проявления, определено объективное содержание так называемых хозяйственных форм. Между тем этот вопрос служит ключевым для понимания закономерностей их использования и совершенствования.

Анализ хозяйственных форм социалистической экономики в плоскости объективной связи с закономерностями экономического развития позволяет избежать отрыва от объективной основы их эволюции. В противном случае неизбежно отождествление объективного механизма превращения законов развития социализма в сознательную и целенаправленную деятельность членов общенародной кооперации труда с субъективными волевыми актами. Такое отождествление встречается не только в ли-

тературе, но и в практике хозяйственного руководства некоторых стран.

Между тем, хозяйственные формы далеко не субъективны по своему содержанию и не видят этого непозволительно. К. Маркс в «Капитале» показал наивность вульгарных буржуазных экономистов, не видящих за конкретными хозяйственными формами ничего, кроме субъективных намерений агентов буржуазного производства. «Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, — писал он, — как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, завышенных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *grima facie** принимают нелепый характер и полны противоречий, — а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная политическая экономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными»¹. В противоположность буржуазной политической экономии К. Маркс раскрыл объективное содержание отчужденных форм, в которых на поверхности проявляются законы капитализма, показал, что они — элемент объективного механизма функционирования экономики.

При исследовании в первом томе «Капитала» процесса производства капитала выясняется основное производственное, а потому и основное классовое отношение капиталистического общества безотносительно к процессу его движения на уровне общественных взаимосвязей капиталов, возникающих в процессе воспроизводства в общественном масштабе. Эти последние рассматриваются в структуре капитала уже во втором томе. Здесь в самой абстрактной форме мы знакомимся с механизмом функционирования капиталистического отношения в разрезе двух крупных подразделений общественного производства. Но и это еще не механизм функционирования производственных отношений капиталистического общества в собственном смысле. Он выступает таковым лишь со стороны процесса обращения капитала.

Проблема объективного механизма функционирования капиталистических производственных отношений возникает не тогда, когда мы рассматриваем капиталистический способ производства в его односторонних, хотя весьма существенных определенностях как процесс производства капитала или процесс его обращения, а когда мы исследуем его как единое целое. В этом

* — прежде всего. *Ред.*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 383—384.

случае на передний план объективно выдвигается целый ряд существенно новых моментов, которые прежде вообще не могли быть объектом анализа. Происходит модификация структурных элементов стоимости капиталистически произведенного товара: стоимости потребленных элементов постоянного капитала и эквивалент стоимости рабочей силы, которые были раньше представлены как особые характеристики затрат капитала, теперь сливаются в единую форму капиталистических издержек производства. На его основе прибавочная стоимость принимает превращенную форму прибыли, а норма прибавочной стоимости превращается в норму прибыли.

При исследовании капиталистических отношений в качестве обособленных сфер производства и обращения капитала внутриотраслевые и межотраслевые отношения капиталов оставались вне поля зрения, поэтому оказывались вне рассмотрения и процессы движения капиталов и прибавочной стоимости в межотраслевом разрезе. Между тем в различных отраслях конкретные условия производства и обращения капитала существенно отличаются друг от друга (различный органический состав капитала, различная скорость оборота). А эти обстоятельства не могут не оказывать влияния на процесс производства и обращения прибавочной стоимости. Исследование механизма функционирования капиталистической экономики должно показать, как складываются отношения между капиталами. Кроме отраслевых взаимоотношений капиталов существуют взаимоотношения различных функциональных форм капитала, обособившихся в процессе исторического развития, — производительного, торгового, ссудного. Именно поэтому анализ механизма функционирования производственных отношений буржуазного общества предполагает рассмотрение соотношений различных отраслей и различных функциональных форм. Эти и многие другие проблемы, которые возникают на основе исследования движения капиталистического производства как целого, и образуют уровень системы производственных отношений капиталистического общества, который характеризует объективный механизм функционирования его производственных отношений. Объективный механизм функционирования капиталистических отношений непосредственно характеризует не только отношения между трудом и капиталом, но и отношения капитала к самому себе, т. е. отношения внутри класса капиталистов, которые складываются во внутриотраслевом и функциональном аспектах в связи с соответствующим движением капиталов и распределением прибавочной стоимости. Иными словами, объективный механизм функционирования капиталистического производства характеризует не хозяйственно-нормативную деятельность агентов буржуазного производства как таковую, а конкретную (целостную) форму воспроизводства всей социально-экономической структуры буржуазного общества, так как она проявляется в этой сущности. В первом томе «Капитала» были пока-

заны условия воспроизводства социально-экономической структуры капитализма лишь в ее наиболее существенных моментах как воспроизводство отношения труда и капитала. На базе анализа объективного механизма функционирования К. Маркс показал, как воспроизводится не только отношение труда и капитала вообще, но и отношения обособления в рамках капитала и труда, внутреннее отношение отдельных форм капитала друг к другу. Именно это и позволило ему показать объективное содержание субъективных устремлений агентов буржуазного производства, раскрыть конкретные формы движения его внутренних законов как единого целого.

На наш взгляд, марксов метод анализа объективного механизма функционирования производственных отношений буржуазного общества имеет непосредственное значение и для исследования механизма функционирования социалистического производства. Выделенные К. Марксом при изучении структуры производственных отношений капиталистического общества основные ступени анализа позволяют понять структуру материальных отношений и на социалистической стадии развития коммунистического способа производства.

Пока речь идет о содержании определенного производственного отношения и соответствующего ему закона движения, необходимо ограничиться рассмотрением его собственной определенности, исследовать его изолированно от других отношений и законов без учета той формы его реального бытия, которую он приобретает на каждой отдельной ступени зрелости данного способа производства в системе других отношений и законов. Одно дело, например, рассматривать всеобщую основу коммунистического способа производства и ее особенности на социалистической стадии как самостоятельное отношение, и совсем другое дело, если рассматривать ее в общей системе отношений.

Любое производственное отношение приобретает в системе отношений ту конкретную форму своего осуществления, в которой оно только и может реально функционировать.

Отмеченное положение особенно отчетливо дает о себе знать при анализе основного производственного отношения и соответствующего ему основного закона коммунистического способа производства. Только в том случае, когда они рассматриваются не изолированно, а в системе всех отношений, выясняется их форма, в которой они реально существуют на социалистической стадии. В этом случае становится ясным, что отношения равенства членов общепародной кооперации труда по отношению к объективным условиям производства реально дополняются наличием элементов фактического материального неравенства в непосредственном трудовом процессе, поскольку сохраняются остатки старого общественного разделения труда, распределение совокупного фонда личного потребления прямо пропорционально количеству и качеству затраченного труда. Отмеченное обстоятельство конкретизирует формулу полного благо-

состояния и всестороннего свободного развития личности всех членов общества. Тот факт, что именно количество и качество труда определяют основные параметры общественного богатства, с самого начала очерчивает границы объема и структуры условий благосостояния и всестороннего развития, т. е. наиболее общую основу реализации основного экономического закона социализма. Распределение по количеству и качеству труда ставит определенные границы возможностям осуществления основного экономического закона за пределами решения задачи благосостояния. В данном случае мы отвлекаемся от того, что и само распределение по количеству и качеству труда может варьироваться в довольно широком диапазоне в соответствии с количеством и качеством материальных и духовных благ, которыми реально располагает общество в каждый данный момент и которые определяются состоянием его производительных сил и другими факторами.

Игнорирование этого бесспорного обстоятельства приводит к тому, что одним из существенных недостатков исследования производственных отношений социализма и свойственной им системы экономических законов является рассмотрение тех и других только на наиболее абстрактных уровнях их сущности, т. е. вне системы их взаимодействия. Однако невозможно на этом уровне, который необходим и закономерен, не только решить проблему механизма функционирования, но даже правильно ее поставить.

Отмеченное положение отнюдь не дает оснований впадать в другую крайность — ограничивать рассмотрение действительности только внешними формами проявления, трактуя ее как нечто однозначное, одноуровневое, нерасчлененное, хотя такое понимание действительности лежит в основе многих современных трактовок экономического механизма. Соответственно такие категории, как заработная плата, материальные затраты, чистый доход, прибыль, и другие рассматриваются лишь в том виде, как они непосредственно выступают в практике хозяйствования. Однако внешнее движение экономической системы не просто надо знать, его необходимо понимать. А это возможно лишь в том случае, если будут поняты внутренние связи, т. е. более глубокие слои сущности. Задача состоит вовсе не в том, чтобы непосредственно свести внешние формы движения экономических отношений к их внутренней основе, а в том, чтобы найти систему промежуточных звеньев, форму перехода от сущности к различным формам ее осуществления. Это — наиболее сложная задача.

Таким образом, проблема объективного механизма функционирования системы производственных отношений — взаимодействие всей системы экономических законов, различных уровней ее сущности и форм проявления.

Сущность и форма проявления представляют единство противоположностей не только по отношению к отдельно взятому

закону. Это тем более верно, если речь идет о системе законов и форм их проявления. Объективный механизм функционирования производственных отношений представляет собой способ существования этого единства, а потому его можно понять и тем более практически использовать в управлении социалистическим производством только учитывая его внутренне противоречивую природу. Это предполагает как понимание всей системы противоречий, так и нахождение соответствующих ей форм движения в народнохозяйственной практике (включая правовые, политические, хозяйственные, организационные). Разумеется, речь идет не о формальных, а о существенных противоречиях, имманентных системе экономических отношений социализма. Например, то обстоятельство, что непосредственно общественная форма связи существует и реализуется на первых порах в форме непосредственно трудового отношения, т. е. самого труда как средства к жизни, характеризует собственное противоречие сущности непосредственно общественной связи, которая на первоначальной ступени своего существования в масштабе всей экономической системы общества, т. е. в условиях первоначальной формы общенародной кооперации труда, не может проявляться и действовать в какой-либо другой форме. Противоречием, свойственным социализму, является и то обстоятельство, что основной экономический закон коммунистического общества как закон всестороннего гармоничного развития личности на первоначальной ступени может реализоваться по преимуществу в форме достижения всеобщей производительной силы профессионально-квалификационной структуры совокупного работника. Наконец, то обстоятельство, что необходимый продукт при социализме существует в двух противоположных и вместе с тем предполагающих друг друга формах — вознаграждения за труд и общественных фондов потребления, также служит выражением диалектических противоречий. Это внутреннее противоречие формы необходимого продукта социалистического общества. Аналогичным образом обстоит дело и во многих других случаях.

Это очевидно и не нуждается в особых разъяснениях, но в непосредственной хозяйственной практике это обстоятельство нередко недооценивается, а эта недооценка затем переносится и в научную литературу. Игнорируется и тот факт, что новое общество, которое вышло из недр своего исторического предшественника, неизбежно на протяжении некоторого времени сохраняет его определенные элементы, «родимые пятна», или, как отмечал В. И. Ленин, «следы». Эти элементы сохраняются и на первоначальной ступени этапа развитого социализма. Отрицать их — значит по сути дела унифицировать все элементы экономической действительности социалистического общества, не различая того, что является собственным продуктом экономической системы этого общества, и того, что генетически связано с совершенно другой системой отношений. Между тем не все элементы

играют одинаковую роль в процессе функционирования и в процессе развития производственных отношений социализма. В объективном механизме социалистического производства они играют совершенно различные роли.

Между тем в литературе нет единого отношения к элементам прошлого в экономической структуре социалистического общества. Паряду с последовательным проведением принципа конкретного историзма в трактовке их роли и места особенно в последнее время наблюдается механическое понимание этих отношений. Совершенно отчетливо намечилась попытка их трактовки как органического элемента производственных отношений социализма, как явлений, которые полностью потеряли свое прежнее содержание и приобрели новое, т. е. ассимилировались новой системой.

Стремление придать экономическим формам прошлого значение органических элементов экономической структуры коммунистического способа производства тождественно признанию того, что они потеряли свое сколько-нибудь самостоятельное значение. Но если это верно, то верно также и то, что они полностью потеряли свое назначение и в системе объективного механизма социалистического производства, а потому не должны учитываться в экономической политике. Таков неизбежный логический вывод, вытекающий из концепции о полной ассимиляции системой производственных отношений социализма экономических форм, унаследованных от прошлого. И если сторонники этой концепции настаивают на необходимости сознательного использования их в хозяйственной практике, то они впадают в логическое противоречие. Явления общественной жизни, которые потеряли свое собственное содержание, теряют и свою самостоятельную роль. Правда, сторонники рассматриваемой теоретической позиции признают сохранение старой формы. Однако старая форма без соответствующих ей элементов старого содержания — явление чисто формальное. Обладая новым содержанием, будучи его непосредственным предметным носителем, она подчиняется законам движения, вытекающим из этого нового содержания, а потому и не имеет своего собственного движения. В этом случае полностью отпадает возможность ее использования как относительно самостоятельного феномена. Таким образом, тезис о бессодержательной форме, которую якобы необходимо использовать в практике хозяйственного строительства, оказывается беспочвенным.

Элементы прошлых структур только в том случае сохраняют свою собственную определенность, если они сохраняют и элементы своего собственного содержания, а потому и присущий ему способ движения, т. е. способ функционирования и развития, несводимый к способу движения остальных элементов, образующих экономическую структуру социалистического общества. Таким образом, попытка обосновать новое содержание экономических форм, унаследованных от прошлого, в конечном

счете приводит к нежелательным результатам — к исключению их вообще из состава структурных элементов производственных отношений социализма.

Однако если абстрагировать это неправильное понимание действительного места элементов прошлых форм в экономических отношениях социалистического общества, то возникает вопрос об определении их места в объективном механизме социалистического производства. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что рассматриваемые элементы прошлых структур не могут являться органической составной частью производственных отношений социализма, поскольку речь идет о продуктах их собственного жизненного процесса. Эти элементы генетически не связаны с системой производственных отношений социализма. Отмеченное обстоятельство в полной мере сохраняет свое значение и при характеристике структуры объективного механизма функционирования и развития социалистического производства. Они включены в эту структуру в качестве элементов, не находящихся в органических связях со всей системой этого механизма, т. е. не принадлежат этой структуре генетически. Это, несомненно, осложняет процесс функционирования объективного механизма социалистического производства. Элементы прошлого в данном случае должны адаптироваться в новой системе отношений. С другой стороны, формы, в которых реализуются новые отношения, должны претерпеть известную модификацию для того, чтобы ассимилировать элементы старой структуры. На уровне механизма объективного функционирования системы производственных отношений острота этих проблем в значительной степени скрыта. Она обнаруживается в полной мере лишь на уровне механизма хозяйствования, который нельзя отождествлять с объективным механизмом функционирования производственных отношений. Механизм функционирования производственных отношений отличается от хозяйственного механизма тем, что первый составляет объективный момент, тогда как хозяйственный механизм выражает уже деятельность агентов хозяйственного процесса, которая определяется степенью познания и использования основных закономерностей объективного механизма функционирования производственных отношений.

Иными словами, механизм хозяйствования представляет собой отраженный в общественном сознании и соответствующим образом организованный посредством определенных хозяйственных институтов общества механизм функционирования производственных отношений. Механизм хозяйствования может бесконечно приближаться к объективному механизму функционирования производственных отношений, никогда не совпадая с ним непосредственно, как не совпадает отражение с объектом отражения. Механизм хозяйствования включает всю систему хозяйственных отношений, в пределах которых весьма существенная роль принадлежит политике, праву, управленческой

и административной деятельности, организационным отношениям и т. п., тогда как в состав отношений объективного функционирования экономической системы входят только производственные отношения, которые, как известно, обладают свойством материальных отношений, существующих независимо от общественного сознания. Хотя система отношений хозяйствования в социалистическом обществе выступает как наиболее адекватное отражение материальных отношений и присущих им экономических законов, тем не менее и здесь непозволительно смешивать непосредственную хозяйственную деятельность с объективными производственными отношениями. Именно поэтому совершенствование хозяйственного механизма социалистического общества может и должно происходить на основе глубокого познания экономических законов социализма, характера и объективного механизма их совокупного действия. Возможные пределы, в которых может происходить изменение механизма хозяйствования, определяются состоянием объективных производственных отношений.

Соответствующий социалистической системе отношений объективный механизм ее функционирования реализуется в форме хозяйственного расчета. Система хозяйственного расчета представляет тот уровень объективных производственных отношений социализма, который определяет структуру первого, наиболее поверхностного слоя их сущности, непосредственно примыкающего к практике социалистического хозяйствования как сознательной целенаправленной деятельности общества по управлению экономическими процессами, которое совершается на основе объективных законов экономического развития первой стадии зрелости коммунистического способа производства. Таким образом, хозяйственный расчет представляет собой особую форму реализации производственных отношений социализма. Это представление о хозяйственном расчете все более утверждается в экономической литературе¹.

Правда, в литературе кроме приведенного выше определения хозяйственного расчета встречается и иное. Термином «хозяйственный расчет» обозначают метод хозяйствования, метод управления, метод планового ведения хозяйства и т. п. В этом случае хозяйственный расчет выступает уже как синоним понятия «механизм хозяйствования». Конечно, если различное содержание экономических процессов обозначается одним и тем же термином, то это всегда порождает определенные осложнения. Однако бесспорно, что объективный механизм функционирования производственных отношений социализма так или иначе отражается в механизме хозяйствования. Но поскольку механизм хозяйствования — это отражение в хозяйственной практике объективной системы производственных отношений, постольку

¹ Методологические основы теории хозяйственного расчета/Под ред. В. В. Радева. М.: Мысль, 1981.

рассматриваемый сам по себе он непосредственно не входит в предмет политэкономического исследования. В системе предмета политической экономии хозяйственный расчет может фигурировать лишь в том его значении, в котором он адекватен объективному механизму функционирования производственных отношений. В этой связи необходимо остановиться на функциях объективного механизма функционирования экономических отношений социалистического общества.

Следует прежде всего отметить, что объективный механизм не имеет функций, отличных от функций экономических законов и свойственных им форм действия. Система экономических законов социализма по своей сущности не может отличаться от функций отдельно взятых законов, действующих в пределах этой системы. Речь может идти лишь о способе реализации этих функций, о конкретных формах их осуществления. Как отмечалось выше, отдельные законы системы не действуют как самостоятельные, обособленные силы, поскольку каждый из них выступает как элемент системы и, следовательно, может действовать только посредством этой системы. Общий результат действия системы выступает как некая равнодействующая, как общий итог взаимодействия всех законов, перекрещивающих и ограничивающих друг друга. Учитывая это обстоятельство, можно говорить, что каждый в отдельности закон реализует свое содержание не в полном объеме, а скорее как тенденция, как часть системы в целом.

Хотя структура системы остается одной и той же, интегральный результат их совокупного действия может быть далеко не всегда одним и тем же. Он формируется под влиянием сложных обстоятельств и не в последнюю очередь зависит от степени познания и способов сознательного использования законов в экономической практике.

Существенное влияние на этот результат оказывают, естественно, и объективные факторы: состояние личного и вещественных условий производства, количество и качество средств труда, эффективность их использования, квалификационная структура совокупного работника, размещение производительных сил, состояние и уровень организации труда и т. п.

Стремясь учесть всю совокупность обстоятельств, которые определяют совокупный результат действия объективного механизма экономических законов, нередко говорят о механизме действия и механизме использования экономических законов. По нашему мнению, различать эти механизмы можно лишь в весьма узких пределах, имея к тому же в виду специфическое содержание данных механизмов.

С известной точки зрения, особенно если иметь в виду социалистическое общество, действие экономических законов тождественно их использованию. Ведь экономические законы суть законы экономической деятельности людей; они не существуют вне этой деятельности, равно как и эта последняя не существ-

вует независимо от действия законов. Как во времени, так и в пространстве это один и тот же процесс. И дело несколько не меняется от того, в какой мере люди осознают, что их деятельность одновременно выступает и как процесс действия и как процесс использования определенных экономических законов. Люди могут действовать, даже не подозревая, что их деятельность обусловлена определенными законами и что они используют эти законы в своей деятельности. Стало быть, вне экономической деятельности людей ни о каком действии и использовании законов не может быть и речи.

Иначе обстоит дело, если рассматривать этот вопрос с теоретико-познавательных позиций и с точки зрения тех практических выводов, которые из них вытекают. Тогда механизм действия и механизм использования экономических законов соотносятся как объективное содержание экономических законов, поскольку последнее фиксируется как материальное, независимое от воли и сознания общества, и сознательная деятельность общества, основанная на познании этого содержания и реализации его в хозяйственной деятельности.

В этом случае механизм действия экономических законов оказывается тождественным объективному механизму функционирования системы экономических законов. Механизм же использования можно понимать поэтому только как систему отношений хозяйствования, т. е. как отраженный в общественном сознании объективный механизм их функционирования, реализуемый посредством системы волевых отношений, которые включают планирование и управление производством, организационно-хозяйственную, кредитную и финансовую деятельность общества, учет, контроль, организацию материально-технического снабжения, подготовки кадров различных уровней, пространственное размещение производства, организацию и осуществление системы нормативных актов, в частности правовых, регулирующих практическую, хозяйственную деятельность субъектов экономического процесса, всю ту совокупность отношений, которая опосредуется волей и сознанием общества и его соответствующих хозяйственных, правовых и управленческих институтов. Все это в совокупности образует область отношений использования экономических законов, которая в этом своем значении существенно отличается от объективного механизма функционирования производственных отношений и соответствующих им законов, объективных по своему содержанию.

Понимаемые таким образом отношения хозяйствования (механизм использования законов) и объективный механизм их функционирования (механизм действия) выступают как противоположности, поскольку последний относится к области базисных отношений, тогда как первый — к области надстроечных. И несмотря на то что сферы эти сохраняют противоположность лишь в пределах теории познания, а за пределами этой теории их противоположность относительна, их смешение как теоретически,

так тем более и практически связано с весьма нежелательными осложнениями. Оно в конечном счете выражается в игнорировании материальности производственных отношений, объективного характера экономических законов, оправдании волюнтаризма и т. п. Определенную роль в этом играет то обстоятельство, что и явления, характеризующие объективный механизм, и явления хозяйствования, как правило, выражаются в одних и тех же терминах (цена, заработная плата, прибыль, себестоимость, фонды, рабочая сила и т. п.). Как категория отношений хозяйствования цена выступает как плановый норматив, который сознательно устанавливается, а потому и сознательно изменяется соответствующими органами управления народным хозяйством. Это обстоятельство нередко вызывает иллюзию, будто все проблемы ценообразования находятся в исключительном ведении органов ценообразования, а потому и все недостатки в области ценообразования вызваны только просчетами, ошибками и другими субъективными действиями этих органов. Конечно, субъективные недостатки в деятельности органов ценообразования имеют место. Однако даже при допущении совершенно идеально организованной практики ценообразования не могут быть решены все проблемы, относящиеся к этой области. И это объясняется не только тем, что не все они находятся в непосредственном ведении органов ценообразования, но и тем, что цена — не просто плановый норматив, который сознательно устанавливается и пересматривается соответствующими органами, а и объективная экономическая категория, содержание которой не зависит от практики ценообразования. Более того, сама эта практика должна строиться с учетом тех объективных законов, которые управляют ценой именно как объективной категорией. Практическая деятельность общества может как угодно тесно смыкаться с содержанием цены как объективной категории, но при этом цена как сознательно устанавливаемый плановый норматив всегда будет отличаться от цены как объективной категории.

Аналогичным образом обстоит дело с любой другой категорией для объективного механизма функционирования производственных отношений, так и для механизма хозяйствования. Рассмотрим в этой связи и такую категорию, как заработная плата. Ее объективное содержание определяется всей системой объективных экономических законов социализма, и прежде всего принципом распределения по количеству и качеству труда. Именно эта система детерминирует ее качественную определенность и основные тенденции ее динамики.

Вместе с тем заработная плата — категория непосредственной хозяйственной практики. Ее организация, конкретные формы и системы, условия дифференциации и другие основополагающие параметры определяются волевыми действиями, и в частности нормативными актами. Динамизм хозяйственной жизни предъявляет все новые и новые требования к системе материаль-

ного стимулирования, требует постоянного совершенствования организации заработной платы, ее форм и систем, условий дифференциации, тарифной системы качества нормирования и других факторов практической организации заработной платы. Однако вся эта деятельность, которая осуществляется в системе отношений хозяйствования, более или менее жестко детерминирована объективным содержанием заработной платы, действием тех объективных экономических факторов, которые определяют материальное содержание этой категории. Задача, которая стоит перед органами управления экономическими процессами в социалистическом обществе, состоит именно в том, чтобы наиболее адекватно отразить это объективное содержание заработной платы и по возможности более точно реализовать его в субъективной деятельности. Практический опыт организации заработной платы показывает, что здесь далеко не все проблемы не только правильно решены, но и даже правильно поставлены.

Аналогично обстоит дело и при рассмотрении ряда более конкретных хозяйственных форм, таких, как прибыль и рентабельность. Поскольку в условиях социалистического производства в полной мере сохраняет свое значение традиционная отраслевая структура производительного процесса общества, то, хотя здесь движение материальных средств и трудовых ресурсов и не может осуществляться в форме стихийного перелива их из одной отрасли приложения в другую вслед за движением нормы рентабельности, проблема выравнивания уровней рентабельности в различных отраслях общественного производства оказывается весьма актуальной. Эта проблема становится составной частью более общей проблемы пропорциональности и сбалансированности общественного производства, которые образуют имманентное содержание закона планомерного развития социалистического производства.

Что такая проблема действительно существует, свидетельствуют данные, характеризующие динамику уровней рентабельности в различных отраслях промышленности (см. табл. 8).

Дело, разумеется, не в различных уровнях рентабельности, рассматриваемых самих по себе. Во-первых, различные уровни рентабельности, как они представлены в статистических справочниках, не только непосредственно выражают объективное состояние функционирования производственных отношений социализма, но и характеризуют результаты хозяйственной деятельности, т. е. определяются субъективными действиями органов управления, в частности в значительной степени зависят от практики ценообразования. Вместе с тем ошибочно, по нашему мнению, полагать, что они исключительно результат непосредственной хозяйственной деятельности агентов социалистического производства. Существуют объективные, не зависящие от субъективных действий людей обстоятельства, которые лежат в основе различных уровней рентабельности производства.

Таблица 8

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПО ОТРАСЛЯМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(в фактически действовавших ценах, %) *

	1970 г.	1973 г.	1980 г.	1981 г.	1983 г.
ПО ВСЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	21,5	15,8	12,2	11,5	12,4
В ТОМ ЧИСЛЕ ПО ОТРАСЛЯМ:					
ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА	10,9	7,8	6,1	5,9	6,7
ТОПЛИВНАЯ	18,8	12,3	6,2	4,6	13,1
ИЗ НЕЕ:					
НЕФТЕДОВЫВАЮЩАЯ	27,8	16,8	8,6	6,0	23,5
НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩАЯ	22,6	23,3	24,1	23,2	14,5
ГАЗОВАЯ	64,5	22,9	15,2	14,4	20,9
УГОЛЬНАЯ	7,3	1,5	-7,5	-9,4	-4,5
ТОРФЯНАЯ	6,5	2,1	-1,5	-2,7	1,7
ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ	17,2	11,8	7,8	7,1	11,0
ХИМИЧЕСКАЯ И НЕФТЕХИМИЧЕСКАЯ	20,2	21,0	15,2	14,6	9,4
МАШИНОСТРОЕНИЕ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА	22,8	16,6	15,8	15,3	11,6
ЛЕСНАЯ, ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩАЯ И ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНАЯ	20,0	11,4	6,1	5,8	12,3
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ	12,2	9,9	3,5	3,2	7,9
В ТОМ ЧИСЛЕ:					
ЦЕМЕНТНАЯ	13,3	11,3	7,0	7,0	11,0
ТЕКСТИЛЬНАЯ	28,4	20,7	16,4	16,5	21,2
ПИЩЕВАЯ	27,4	23,9	18,4	18,4	18,5

* Народное хозяйство СССР в 1983 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1984, с. Б39.

Первоосновой этих различий служит различный уровень производительности в разных отраслях приложения труда, обусловленный многими обстоятельствами, и прежде всего техническим состоянием производства, уровнем квалификации работников, организацией труда и качеством управления, поскольку идет

речь об управлении как составном элементе объективного механизма функционирования производственных отношений. Сама хозяйственная деятельность общества, а потому и его вмешательство в регулирование уровня рентабельности является реакцией, обусловленной объективным движением производственных отношений социализма, присущих им объективных экономических законов. Она выступает как составной элемент проблемы использования этих законов, обеспечения контроля общества над своим собственным процессом воспроизводства условий жизни. Не будь объективных причин, порождающих различия производительности труда в разных отраслях производства, не могло бы быть и стремления общества регулировать эти уровни посредством сознательного вмешательства в объективный процесс функционирования производственных отношений.

Воздействие общества на экономический процесс никогда не осуществляется на чисто субъективной основе. Мотивы этого воздействия, как и его непосредственное содержание, нельзя объяснить субъективными намерениями. Последние в свою очередь детерминированы материальными факторами, характером и особенностями производственных отношений. Таким образом, использование экономических законов является составным элементом не механизма функционирования системы экономических законов, а адекватного ему механизма хозяйствования, который функционирует тем успешнее, чем полнее и глубже отражено материальное содержание экономических процессов, чем совершеннее организационные формы, посредством которых реализуется механизм хозяйствования.

Таковы наиболее общие моменты, характеризующие содержание объективного механизма функционирования производственных отношений социализма, который определяет содержание уровня отношений хозяйственного расчета. В данном случае, разумеется, мы имеем в виду наиболее абстрактную характеристику этого уровня. Так, определяется не столько его содержание, сколько место данной стороны производственных отношений в общей структуре. Однако это еще не раскрывает ни специфической сущности данного уровня экономических отношений, ни их особенностей как категории политической экономии социализма.

§ 2. МЕСТО И РОЛЬ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА

Объективный механизм функционирования производственных отношений социализма выступает в виде хозяйственного расчета, но поскольку последний связывают только с товарно-денежными отношениями, то отсюда следует, что вне их этот механизм вообще не может существовать, а потому и функциони-

ровать. В этом случае товарно-денежные отношения оказываются не только структурно, но и гелстически включенными в систему производственных отношений социализма. Учитывая данное обстоятельство, необходимо специально остановиться на вопросе о месте и роли товарно-денежных отношений в системе производственных отношений социализма.

Однако прежде чем выяснить роль и место товарно-денежных отношений в системе объективного механизма, целесообразно охарактеризовать некоторые категории, принятые для обозначения различных общественных форм производства, характера труда и его продукта.

Необходимость обращения к этим вопросам диктуется тем, что в некоторых работах наметилась явно выраженная тенденция к пересмотру содержания фундаментальных категорий политической экономики, лежащих в основе всего категориального аппарата науки. Однако в таких условиях политическая экономика социализма как определенная форма познания и преобразования действительности просто не в состоянии выполнить свои функции. «Познание, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов...»¹

В частности, при исследовании проблемы характера труда, формы продукта, общественной формы производства приходится оперировать категориями, которые уже давно вошли в категориальную систему политической экономики. Они вычленены К. Марксом и с тех пор стали обязательными для всех, кто разделяет экономическое учение марксизма.

Отличительная особенность категориальной системы политической экономики состоит в том, что это целостная система, в пределах которой каждая отдельная категория определяется всеми другими и в свою очередь определяет их. Это свойство категориальной системы отражает свойства самого предмета познания, который представляет собой живой развивающийся организм — систему производственных отношений общества, органическую целостность, где каждое отношение предполагается всей системой. Именно потому, что категориальная система выступает как логическая форма объективной системы отношений, ни одна категория не может быть передвинута, переосмыслена без того, чтобы не нарушить систему в целом. Достаточно при дать какой-либо категории политической экономики иное значение, чтобы нарушился весь категориальный строй, система превратилась в хаотическую совокупность произвольно расположенных и внутренне не связанных друг с другом терминов.

Между тем в литературе приходится встречаться с различными трактовками содержания ряда категорий, выработанных политической экономией в процессе ее исторического развития.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 163—164.

Речь идет, в частности, о таких категориях, как непосредственно общественное и товарное производство, частный и непосредственно общественный труд, товарное непосредственно общественное и натуральное хозяйство и т. п.

Довольно часто встречается мнение о несоотнесенности категорий «непосредственно общественное производство» и «товарное производство», утверждается, что товарное производство соотносительно с натуральным хозяйством, но не с непосредственно общественным производством. Поэтому, как полагают некоторые экономисты, непосредственно общественное производство можно противопоставлять только непосредственно частному, а не товарному. Смысл такого рода утверждений в том, чтобы обосновать совместимость товарного и непосредственно общественного производства в единой системе производственных отношений, доказать возможность существования товарно-денежных отношений как специфической формы непосредственно общественных, абстрактного труда как особой формы непосредственно общественного труда.

Чтобы разобраться во всех этих вопросах, необходимо прежде всего обратиться к теоретическому наследию основоположников научного коммунизма и выяснить, в каком смысле и в каком контексте они употребляли рассматриваемые термины. В данном смысле это имеет принципиальное значение.

Как свидетельствует марксов анализ товара и денег, под непосредственно общественным трудом он понимал такую общественную форму труда, которая характеризуется непосредственным включением труда отдельного индивида в совокупный труд общества. Но что означает это непосредственное включение? Оно означает, что труд отдельного лица выступает как дробная часть всего общественного труда в форме деятельности, т. е. в самом процессе производства. Общественная значимость данного вида труда обнаруживается в форме его особенности, а не в форме его всеобщности как труда вообще. Непосредственно общественная форма труда характеризуется и тем, что общественное признание затрат труда не опосредуется обменом продуктами, материализованными результатами трудовой деятельности. Когда непосредственно общественный труд становится особенностью труда всех производителей вместе взятых и каждого в отдельности, процесс производства в обществе становится непосредственно общественным. В этом случае каждый производитель непосредственно становится органом совокупного рабочего. Совсем по-другому обстоит дело, если труд каждого производителя выступает как непосредственно частный. В этом случае труд отдельного лица включается в совокупный труд общества не в форме деятельности, а лишь в покоящейся форме, т. е. в форме продукта труда. Это включение происходит в процессе обмена результатами производства. Именно в обмене, а не в производстве обнаруживается общественная значимость затрат труда каждого.

Это означает, что общественное признание труда осуществляется не в форме конкретного, особенного труда, а в форме труда вообще, который принимает особую социальную форму абстрактного труда.

Именно поэтому система товарного производства как особая общественная форма производства характеризуется тем, что здесь включение труда отдельного производителя в совокупный труд общества осуществляется в форме абстрактного, а не особенного конкретного труда. Продукт труда отдельного лица становится элементом совокупного продукта общества не непосредственно в процессе его производства, а опосредованно, через обмен, в результате всестороннего отчуждения потребительных стоимостей. Следовательно, особенность труда в товарном производстве заключается в том, что он непосредственно выступает как труд «обособленного отдельного лица»¹.

Может показаться, что товарная организация общественного производства вообще исключает непосредственно общественную форму труда. Однако такой вывод был бы неправильным. Труд, который создает товар как всеобщий эквивалент, — это труд в непосредственно общественной форме. Это единственная форма труда, в которой он становится непосредственно общественным в системе товарного производства. Непосредственно частный, обособленный труд и труд в непосредственно общественной форме выступает в товарном производстве как конкретное единство противоположностей, которое конституирует систему товарного производства, образуя ядро всех противоречий, присущих товарной организации.

В системе товарного производства лишь один-единственный вид конкретного труда выступает в форме непосредственно общественного. Это труд, продуктом которого является потребительная стоимость всеобщего эквивалента. Все же остальные виды труда выступают как непосредственно частный труд отдельных лиц. Таким образом, противоположность товара и денег в системе товарного производства выступает как действительное реальное единство двух полюсов, взаимно предполагающих и взаимно исключающих друг друга. Именно поэтому непосредственно общественный труд и труд частный (труд отдельного обособленного лица) выступают как понятия соотносительные прежде всего уже в пределах системы товарного производства.

В работах классиков марксизма соотносительными выступают не только рассмотренные категории непосредственно общественного и частного, обособленного труда, но и категории непосредственно общественного труда и товарного производства. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к тексту «Капитала». В начале третьей главы первого отдела первого тома «Капитала» К. Маркс писал: «Оуэн предполагает непосред-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 20.

ственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству¹. Но что такое непосредственно обобществленный труд? Непосредственно обобществленная форма труда характеризует труд как совместный, ассоциированный труд производителей. Конечно, непосредственно обобществленная форма труда исключает превращение продуктов труда в товары лишь в пределах непосредственного обобществления. Поэтому, например, в капиталистическом обществе, где пределы такого обобществления определяются масштабами индивидуальных и ассоциированных капиталов, товарные отношения выступают как имманентная форма связи отдельных обособленных капиталов. Если же непосредственное обобществление охватывает все общество, то в этом случае превращение продуктов труда в товары невозможно. В этом случае категория «непосредственно обобществленный труд» оказывается тождественной по своему содержанию категории «непосредственно общественное производство». Об этом, в частности, свидетельствует следующее высказывание Ф. Энгельса: «...Товарное производство — вовсе не единственная форма общественного производства. В древнеиндийской общине и южнославянской задруге продукты не превращаются в товары. Члены общины объединены для производства непосредственно общественной связью, труд распределяется согласно обычаю и потребностям, и таким же образом распределяются продукты, поскольку они идут на потребление. Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары (по крайней мере внутри общины), а значит и превращение их в стоимости»².

Соотносительными, если исходить из экономического учения марксизма, являются не только категории «непосредственно общественное производство» и «частное производство», но и «непосредственно общественное производство» и «товарное производство». Соотносительными эти категории выступают потому, что они характеризуют способы включения индивидуального труда в совокупный труд, т. е. различную общественную форму производства. Чтобы вопрос о соотносительности категорий можно было считать исчерпанным, необходимо выяснить отношение рассмотренных выше категорий к содержанию категорий «натуральное хозяйство». Эта категория не отражает каких-либо новых сторон производственных отношений, которые не содержались в рассмотренных выше категориях. Для того чтобы определить содержание понятия «натуральное хозяйство» со стороны процесса производства, а это, как известно, является главным, необходимо выяснить наиболее общее содержание общественно-трудовых связей, присущих этой форме. Решить

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 104 (прим.).

² Там же, т. 20, с. 320.

эту задачу можно лишь на основе определения характера включения индивидуального труда в совокупный труд. При таком подходе можно установить, что в натуральном хозяйстве продукты труда выполняют свое общественное назначение в собственной натуральной форме, а не в форме стоимости. Но общественный характер труда отдельного лица обнаруживается в форме особенного, конкретного труда. Именно поэтому он является непосредственно общественным трудом.

В этой связи обращает внимание тот факт, что К. Маркс, исследуя тайну товарного фетишизма, противопоставлял товарному производству хозяйство Робинзона, производство в условиях «мрачного средневековья», деревенское патриархальное производство крестьянской семьи и, наконец, хозяйство союза свободных людей, работающих общими средствами производства. Столь различные ступени производства противопоставляются товарному хозяйству потому, что общим для всех них является один и тот же способ включения индивидуального труда в совокупный труд. Все они характеризуются прямой, непосредственной формой включения труда отдельного лица в труд всего общества и именно этим отличаются от товарного производства. Характерно, что К. Маркс, как правило, не пользовался понятием «натуральное хозяйство», если речь шла о форме включения индивидуального труда в общественный потому, что более точная категория — «непосредственно общественный труд».

Натуральное хозяйство — менее определенное понятие, поскольку замкнутое натуральное хозяйство не так уж часто встречалось в истории. В большинстве же случаев в его пределах в тех или иных объемах встречается и товарный обмен. Если противопоставлять товарному производству натуральное хозяйство, то вместо сопоставления способов включения индивидуального труда в совокупный труд, т. е. действительно качественных различий, характеризующих общественно-трудовые связи различных форм производства, мы ограничились бы чисто количественным сравнением объемов товарного обмена. Отмечая это обстоятельство, К. Маркс писал: «...так как в категориях «денежное хозяйство», «кредитное хозяйство» подчеркивают и берут в качестве отличительного признака не хозяйство, т. е. не самый процесс производства, а соответствующий этому хозяйству способ обмена между различными агентами производства, или между производителями, то то же самое следовало бы сделать и при рассмотрении первой категории (натурального хозяйства. — А. П.). Следовательно, вместо «натурального хозяйства» мы имели бы меновое хозяйство. Вполне замкнутое натуральное хозяйство, например, перуанское государство инков, не подошло бы ни под одну из этих категорий»¹.

В результате мы приходим к выводу, что действительно соотносительными категориями, характеризующими различные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 132—133.

общественные формы производства со стороны способа включения труда отдельного индивида в совокупный труд общества, являются категории «непосредственно общественное производство» и «товарное производство».

Разумеется, при этом нельзя забывать того, что экономические категории, как и вообще всякие научные понятия, являясь отражением сущностных связей действительности, никогда не совпадают и не могут совпасть с ней, подобно тому как литературные образы никогда не совпадают с их реальными прототипами.

Будучи обобщенным выражением определенной совокупности явлений действительности, понятие не может отразить всего многообразия особенного и единичного. Ведь в том и в другом могут иметь и в действительности имеют место такие черты, которые нельзя объяснить, не приводя их в столкновение с понятиями. В письме к К. Шмидту от 12 марта 1895 г. Ф. Энгельс отмечал: «С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия об органической жизни только приближенно соответствуют действительности. В противном случае не было бы вообще никаких изменений; в тот день, когда понятие и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развитию. Понятие рыбы подразумевает жизнь в воде и дыхание жабрами; как же Вы хотите перейти от рыбы к земноводному, не отражая этот переход в понятии? И это было сделано; ведь мы знаем целый ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут дышать воздухом. Как можно перейти от яйцекладущего пресмыкающегося к млекопитающему, родящему живых детенышей, не приводя одно или оба понятия в столкновение с действительностью?»¹

Как показал Ф. Энгельс, несовпадение понятия с действительностью характерно не только для органической жизни, но и для социально-экономического развития. Поэтому все экономические законы «не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий»².

Несовпадение экономических категорий с действительностью отнюдь не может быть основанием для того, чтобы объявить их фикцией или же стремиться пересмотреть их содержание только на том основании, что в действительности произошли такие изменения, которые уже не укладываются в существующие экономические понятия. Несовпадение понятий с действительностью обнаруживается особенно отчетливо, когда мы изучаем формирующиеся органические системы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 357.

² Там же, с. 355.

Экономическая структура социалистического общества относится к такого рода образованиям, процесс формирования которых еще не завершен. Поэтому не завершен и процесс формирования системы логических форм, отражающих производственные отношения коммунистического способа производства.

В плане обоснования содержания категорий «непосредственно общественное производство» и «товарное производство» совершенно однозначна позиция основоположников научного коммунизма по вопросу о судьбах товарного производства в будущем, т. е. в условиях коммунистического способа производства. При этом они не делали каких-либо оговорок, обусловленных двумя фазами исторической зрелости коммунистического общества. Последовательно реализуя принцип конкретного историзма, согласно которому каждая общественно-экономическая формация представляет собой совершенно особый тип производственных отношений, К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что общество, которое придет на смену капиталистическому, как по своей генетической, так и по структурной основе будет существенно отличаться от своего исторического предшественника. Товарная организация является наиболее глубокой и наиболее фундаментальной основой капиталистического способа производства. Товарная форма продукта человеческой деятельности знаменует историческое и логическое начало жизненного пути капитала. Развертывание же присутствующих этой форме внутренних противоречий в конечном счете взрывает всю систему основанную на этой форме отношений буржуазного общества. Новый способ производства может начать свой жизненный путь на совершенно иной генетической основе, предпосылки которой сформировались как результат процесса разложения общества, функционировавшего на базе товарного производства. Поэтому-то переход от капитализма к социализму означает в то же самое время гибель всей той системы, в основе которой лежала товарная форма продукта. Таков совершенно однозначный вывод, который вытекает из экономического учения марксизма относительно перспектив товарного производства в будущем обществе. Этот вывод с полной определенностью был сформулирован К. Марксом и в качестве абсолютной истины безоговорочно воспринят и В. И. Лениным.

В связи со 165-летием со дня рождения и 100-летием со дня смерти К. Маркса в периодической печати появился ряд публикаций, в которых затрагиваются, в частности, и рассматриваемые здесь вопросы. Во многих из них не только признается наличие товарно-денежных отношений при социализме, но и наблюдается стремление обосновать имманентность этих отношений экономической системе социализма.

Что касается методологического обоснования необходимости товарно-денежных отношений при социализме, то весьма характерна в этом отношении статья В. Выгодского и Р. Хелльборна

«Методология К. Маркса и необходимость товарно-денежных отношений при социализме»¹. Обращает на себя внимание уже само название этой публикации, в котором подчеркиваются намерения авторов обосновать необходимость товарно-денежных отношений при социализме, непосредственно исходя из методологии К. Маркса. Какие же пункты экономического учения К. Маркса используются авторами при обосновании необходимости товарно-денежных отношений при социализме? Прежде всего авторы ссылаются на положение К. Маркса о том, что «экономию времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»². Авторы рассматриваемой публикации делают следующее заключение по этому поводу: «Таким образом, закон экономии времени, основным требованием которого является оптимальное распределение рабочего времени общества между различными сферами применения труда, по мысли Маркса, выражает вещественное содержание любого общественного производства, но только в коммунистическом обществе, в условиях, когда непосредственным регулятором экономики выступает закон планомерного, пропорционального развития, закон экономии времени получает для своего действия полный простор. На наш взгляд, Маркс применил в данном конкретном экономическом исследовании свой метод различения вещественного содержания и социальной формы экономических процессов и показал, в частности, что коммунистическое общество, отбрасывая антагонистическую социальную форму товарно-стоимостных отношений капитализма, сохраняет и использует — в рамках непосредственного общественного производства — их вещественное содержание в той мере, в какой это последнее обусловлено всеобщими закономерностями развития общественного производства»³. Данный вывод неубедителен. Во-первых, К. Маркс никогда не ставил в качестве специальной задачи выяснение вещественного содержания экономических категорий. Он исследовал не вещественное содержание, а специфически социально-экономическую форму: богатство, его производство, факторы его создания, поскольку именно форма, а не вещественное содержание образует предмет политической экономии. При одном и том же уровне развития производительных сил вещественное содержание экономических категорий ничем не отличается, хотя формы богатства могут существенно отличаться. Во-вторых, утверждение авторов, согласно которому рабочее время является вещественным содержанием стоимости, неправильно. Рабочее время есть мера и субстанция стоимости, но оно образует содержание стоимости не в своем текущем состоянии, а как

¹ Вопросы экономики, 1983, № 5, с. 15—26.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 117.

³ Вопросы экономики, 1983, № 5, с. 16.

застывшее рабочее время, т. е. принявшее предметную форму своего существования.

Стремясь непосредственно вывести необходимость товарно-денежных отношений при социализме из методологии экономического учения К. Маркса, авторы ссылаются на его положение, что на первой фазе коммунистического способа производства сохраняется эквивалентный обмен трудовой деятельности, который характеризует вещественное содержание стоимости. Однако и это положение не выдерживает критики. Когда речь шла о социализме, К. Маркс имел в виду обмен на основе не стоимостных эквивалентов, а трудового эквивалента. Товарно-денежные отношения характеризуют обмен на основе стоимостных эквивалентов. Что касается обмена трудовыми эквивалентами, то он имеет место в условиях непосредственно общественной формы производства. Это обмен в пределах непосредственно общественной формы труда. Он имеет совершенно отличное от товарного обмена социально-экономическое содержание. Таким образом, невозможно вывести необходимость товарно-денежных отношений при социализме исходя из методологии К. Маркса.

Поэтому некоторые экономисты, стремясь обосновать необходимость товарно-денежных отношений при социализме и вместе с тем показать их существенное отличие от досоциалистических экономических структур, начинают с заявления о том, что «жизнь, практика, подтвердили многочисленные глубокие высказывания Маркса о непосредственно общественном характере производства, труда и продукта при социализме, кроме того, что они не будут здесь иметь товарно-денежной формы»¹. А. И. Пашков понимает невозможность обоснования необходимости и особенностей товарно-денежных отношений при социализме на основе методологии К. Маркса. Однако оценка этой методологии в этом высказывании является, по нашему мнению, ошибочной. Реальный социализм в СССР, как и в других странах социалистической системы, возник и укрепился на основании законов, открытых К. Марксом и его последователями. Его утверждение, состояние и магистральные тенденции развития безусловно и безоговорочно подтверждают (а не опровергают и не ставят под сомнение) все существенные положения научного коммунизма. Стремление автора показать, каким образом непосредственно общественные отношения при социализме существуют в товарной форме, не реализовалось. Непосредственно общественный характер производства, труда и продукта — это их специфическая социально-экономическая форма. Поэтому утверждать, что непосредственно общественные по своей социальной форме отношения выступают в социально-экономической форме товарных отношений, значит сформулировать противоречие, исключаящее самое себя. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что кроме указания на возмездный обмен

¹ Вопросы экономики, 1982, № 12, с. 85.

одного вида труда на другой, который имеет место и при социализме и который, по мнению А. И. Пашкова, образует самую глубокую сущность товарно-денежных отношений¹, других аргументов в обоснование «социалистических товарно-денежных отношений» не приводится, не говоря уже о том, что и выдвинутый аргумент не достигает цели.

Во-первых, возмездный обмен не образует сущности, и тем более самой глубокой — сущности товарно-денежных отношений. Такой сущностью, согласно К. Марксу, является противоречие частного и общественного труда, которое, как известно, образует основное противоречие товарного производства, а потому и самую глубокую его сущность. Во-вторых, даже отвлекаясь от этого, необходимо показать, в какой мере возмездный обмен характеризует содержание взаимного обмена деятельностью в условиях социализма. Во всяком случае движение прибавочного продукта в социалистическом производстве никак нельзя подвести под категорию возмездности. А ведь именно оно образует основу развития социалистического общества. Но предположим, что в условиях социализма товарно-денежные отношения действительно выступают как форма непосредственно общественных отношений. Какие же логические производные вытекают из этого утверждения?

Отсюда следует, что и средства производства как фактор производства, и в частности, средства труда, являются объектом товарно-денежных отношений, а потому их формирование и основные формы движения определяются законом стоимости, поскольку и товарно-денежные отношения, и закон стоимости выступают согласно предположению формой непосредственно общественных отношений.

Кроме того, рабочая сила также оказывается объектом товарно-денежных отношений, следовательно, она имеет товарную форму, а заработная плата выступает как форма стоимости рабочей силы. В самом деле, какие логические препятствия существуют для такого вывода? Ведь товарно-денежные отношения являются формой непосредственно общественных отношений. Наряду с этим в данном случае не возникает никаких затруднений для трактовки способа соединения личного и вещественных факторов социалистического производства посредством купли и продажи рабочей силы. Такой способ соединения вполне вписывается в формулу, согласно которой товарно-денежные отношения являются формой непосредственно общественных отношений. Можно, наконец, пойти и еще дальше: попытаться обосновать непосредственно общественную форму превращения денег в капитал. Где гарантии, что кто-то не скажет, что и капитал выступает как носитель непосредственно общественного отношения, а потому обладает принципиально новым содержанием сравнительно с тем, каким он обладал до

¹ Вопросы экономики, 1982, № 12, с. 82.

социализма. А. И. Пашков, обосновывая природу товарно-денежных отношений при социализме как особую форму существования непосредственно общественных, апеллирует к общественной собственности на средства производства, благодаря которой, по его мнению, товарно-денежные отношения становятся непосредственно общественными. Но в таком случае общественная собственность постепенно превращается в основу, определяющую совершенно особые экономические формы факторов социалистического производства и способ их соединения, которые тем не менее находятся в пределах экономической структуры социалистического общества благодаря тому, что они — непосредственно-общественные.

Приведенные рассуждения могут показаться весьма утрированными, и с этим можно согласиться. Но они являются лишь логическим продолжением исходной посылки, доведенной до своего логического конца.

Мы специально остановились на рассмотрении последних публикаций на эту тему, поскольку в них представлены взгляды по проблеме товарно-денежных отношений при социализме в связи с трактовкой содержания экономического учения К. Маркса. Рассмотрение этих взглядов показало, что на основе методологии К. Маркса обосновать социалистические товарно-денежные отношения не удастся. Единственно правильная, по нашему мнению, позиция в этом вопросе состоит в том, чтобы исходить из вывода основоположников научного коммунизма о том, что непосредственно общественные и товарно-денежные отношения представляют собой противоположности, которые в развитом состоянии не могут вместиться в пределы системы производственных отношений, характеризующей структуру данного общества.

Вернемся, однако, к вопросу о том, как относился к этой проблеме В. И. Ленин. Когда пишут о позиции В. И. Ленина по вопросу о социализме и товарном производстве, то нередко пытаются дифференцированно трактовать его взгляды, различая при этом дооктябрьский и послеоктябрьский периоды. Некоторые авторы считают, что в дооктябрьский период В. И. Ленин безоговорочно разделял взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса о несовместимости товарного производства с социалистическими производственными отношениями, тогда как в послеоктябрьский период, особенно после окончания гражданской войны и в период перехода к мирному строительству, В. И. Ленин будто бы пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу о совместимости социализма с товарным производством. Это положение было впервые высказано К. В. Островитяновым и с тех пор появляется как в периодической печати, так и в монографической литературе. В связи с этим необходимо выяснить справедливость утверждения о пересмотре В. И. Лениным своих взглядов на проблему соотношения социализма и товарного производства.

Известно, что весной 1918 г., перед началом гражданской войны, в первые годы социалистического строительства в нашей стране высказывалось предположение о возможности непосредственного перехода к коммунистическому производству, о чем свидетельствовали позже мероприятия военного коммунизма. Об этом периоде В. И. Ленин писал впоследствии: «Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было...

Свою строительскую, хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения¹. Именно в этот период на VIII съезде РКП(б) была принята вторая программа партии, в которой, в частности, указывалось: «В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов»². Аналогичные задачи ставились и в области денежного обращения: «Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.»³

Однако после окончания гражданской войны обстановка существенно изменилась, поскольку во весь рост встала задача осуществить экономический союз рабочего класса с мелким крестьянским хозяйством в условиях абсолютного преобладания этого социального слоя в системе общественных отношений. Именно в этот период, т. е. в период перехода к мирному хозяйственному строительству, пришлось пересмотреть представления о путях и методах социалистического строительства, исходя из того, что между старой экономической и экономической социалистической должна существовать система переходных ступеней. Обосновывая необходимость существенно новой по сравнению с прежней экономической политики, В. И. Ленин писал: «На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 197—199.

² Там же, т. 38, с. 440.

³ Там же, с. 441.

мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основой и неотложной задачей»¹. Таким образом, объективная обстановка потребовала существенно изменить форму союза рабочего класса и трудящегося крестьянства на основе допущения торговли и использования товарно-денежных отношений в хозяйственном строительстве как во взаимоотношениях между двумя трудящимися классами, так и во взаимоотношениях внутри государственного социалистического сектора экономики.

Разрабатывая основы новой экономической политики, В. И. Ленин исходил из возможности использования товарообмена между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. «Предполагалось, — писал он в октябре 1921 г., — более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации»². Однако к осени 1921 г. стало ясно, что товарообмен как способ «более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия» не оправдал себя, поскольку практически он превратился в обычную куплю-продажу. Но это означало, что отступление к государственному капитализму оказалось недостаточным. «Мы должны сознать, — указывал В. И. Ленин, — что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!»³

Неизбежность перехода от товарообмена к купле-продаже, торговле была обусловлена необходимостью упрочения связи с крестьянством, удовлетворения его потребностей в продуктах промышленности и разрухой крупной промышленности «Раз есть масса мелких крестьян, — писал В. И. Ленин, — то переход такой страны к социализму требует

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 159.

² Там же, с. 207.

³ Там же, с. 207—208.

либо самого быстрого восстановления крупной промышленности или такого цветущего состояния ее, чтобы удовлетворить потребность крестьян в продуктах,

либо *смычки, связи, экономического* союза пролетарского государства с мелкокрестьянской массой *через торговлю*¹. Следовательно, торговля как способ экономического союза с крестьянством рассматривалась В. И. Лениным как менее развитая форма экономической связи по сравнению с товарообменом. Вот почему он и характеризовал переход от товарообмена к торговле как дальнейшее отступление.

Объективные условия реального экономического процесса создания основ социалистической экономики обусловили необходимость пересмотреть представление о возможности непосредственного перехода к социалистической экономике, основанной на непосредственном обмене результатами производств между промышленностью и сельским хозяйством на началах прямого распределения этих результатов. Все это общеизвестные исторические факты. Однако это не означает, что В. И. Ленин пересмотрел свои взгляды относительно судеб товарного производства в условиях социализма. Пересмотр взглядов имел место лишь постольку, поскольку речь шла о путях и методах строительства социализма в условиях переходного периода от капитализма к социализму при наличии многоукладной экономики в особых исторических условиях отдельно взятой страны, находящейся в критическом экономическом состоянии глубокой разрухи всего народного хозяйства, особенно тяжелой промышленности.

Характеризуя прежний курс экономической политики как ошибочный, поскольку ставилась задача непосредственного перехода к социализму без учета конкретной социально-экономической ситуации, В. И. Ленин настойчиво и неоднократно подчеркивал положение о том, что при другой ситуации необходима ориентация на непосредственный переход к социализму. Характерно в этом отношении следующее высказывание В. И. Ленина: «Было бы гораздо приятнее, если бы можно было взять капиталистическую торговлю штурмом, и при известных условиях (неразрушенность фабрик, высокая экономика и культура) в попытке «штурма», т. е. непосредственного установления товарообмена, никакой ошибки нет»².

Это же положение, но в более развернутом виде В. И. Ленин повторяет и в известной статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Здесь мы читаем: «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, *если... если* нет рядом с этими земледельцами велико-лестной крупной машинной индустрии с сетью электрических

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 487.

² Там же, с. 217.

проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это «если» уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных осторожных «осадных» действий¹.

Приведенные высказывания (а их можно было продолжить) едва ли нуждаются к комментариях. В них совершенно отчетливо обнаруживается позиция В. И. Ленина по рассматриваемому вопросу. В. И. Ленин был великим диалектиком. Последовательно отстаивая, защищая и развивая все сколько-нибудь существенные положения экономического учения К. Маркса, он понимал, при каких условиях и в каких пределах можно практически их применять. Проблема соотношения товарного производства и социалистической организации общественного хозяйства относится к принципиальным проблемам научного коммунизма. И хотя в конкретных условиях конкретной страны с разрушенной крупной промышленностью пришлось отказаться от продолжения «штурма» капиталистической торговли и пойти обходным путем, это не изменило взглядов В. И. Ленина относительно судеб товарного производства, торговли и денежного обращения в условиях социалистической организации общественного производства, т. е. на первой стадии зрелости коммунистического способа производства.

Развитие торговли, которое допускалось государством диктатуры пролетариата, с неизбежностью вело к оживлению капиталистических отношений. Следовательно, оно могло иметь место лишь в пределах такого уровня этих отношений, при котором пролетарское государство было в состоянии контролировать положение дел. Это с самого начала ставило достаточно определенные и достаточно жесткие пределы развитию частной торговли. Даже для условий переходного периода в нашей стране В. И. Ленин допускал возможность оживления частного оборота в совершенно определенных экономических и политических условиях границах. Приписывать В. И. Ленину пересмотр взглядов на перспективы товарного производства в условиях социалистической организации общественных отношений — значит противоречить как историческим фактам, так и элементарной логике.

Отсюда следует только один вывод: классики марксизма отрицали имманентность товарного производства социализму. Это бесспорный факт, из которого необходимо исходить. Поэтому

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 226—227.

и объективный механизм функционирования социалистического производства, и механизм хозяйствования мыслился ими вне действия законов товарного производства. Но, как отмечают многочисленные современные авторы, опыт реального социализма показал, что в социалистическом обществе сохраняются товарно-денежные отношения, продолжает действовать закон стоимости. Есть опыт как нечто очевидное, не нуждающееся в предварительном изучении и осмыслении. Но опыт функционирования товарно-денежных отношений в социалистическом обществе требует глубокого теоретического анализа, сопоставлений и обобщений. Без глубокого теоретического исследования его содержания он не может служить основой для однозначных теоретических выводов относительно места, роли, значения и перспектив товарно-денежных отношений в экономической структуре социализма.

Однако прежде обратимся к выяснению того, каковы действительные экономические показатели, характеризующие наличие функционирования и механизм товарно-денежных отношений при социализме и присущего им закона стоимости. Такая постановка вопроса представляется вполне правомерной, потому что сторонники товарно-денежных отношений, как правило, не стремятся обосновать их наличие и действие на основе анализа реальных экономических процессов, совершающихся в социально-экономической структуре социалистического общества. Во многих случаях кроме ссылок на очевидные факты, характеризующие формы товарного обращения, на использование стоимостных форм как способа учета, на некоторые особенности характера труда, форм экономических интересов, не проводится аргументированного обоснования тех реальных показателей, которые характеризуют наличие товарно-денежных отношений и соответствующий им механизм функционирования.

Как известно, анализ социалистического производства как товарного (пусть даже с оговоркой, что оно особого рода) не учитывает целого ряда моментов. Товарное производство отнюдь не сводится к возмездному обмену продуктами, такой обмен может существовать и на границах натуральных замкнутых хозяйств. Сам по себе возмездный обмен продукцией еще не означает, что производство носит товарный характер. Суть дела в том, что товарное производство основано на законе стоимости, представить одно без другого невозможно. Нет и не может быть товарного производства без стоимостной формы связи и закона стоимости как основного регулятора его развития.

Действует ли этот закон в сфере социалистического производства, и если действует, то в какой мере? Как известно, сфера производства характеризуется социально-экономической формой труда и факторов производства (рабочей силы и средств производства), способом их соединения. Это в свою очередь предполагает определенную социально-экономическую форму результата процесса производства источников и способа возобновления

процесса производства в общественном масштабе, движения необходимого и прибавочного продуктов, формирования пропорций общественного производства. Если исследовать природу этих наиболее существенных форм движения социалистического производства, то окажется, что все они характеризуют не товарный, а непосредственно общественный тип производства.

Труд отдельного лица, отдельного работника вообще не фигурирует как самостоятельная категория, потому что он с самого начала включен в качестве составного элемента в общенародную кооперацию труда.

Но это значит, что он с самого начала выступает как конкретно-всеобщий, а потому является непосредственной составной частью труда всего общества, т. е. непосредственно общественным, не говоря уже о том, что труд отдельного лица с самого начала направлен на выполнение заданий общества, осуществляется по общественным нормативам и продукт труда принадлежит обществу. Непосредственно общественный характер труда каждого работника находит свое выражение и в том, что его способность к труду не может экономически обособиться, а потому превратиться в объект отчуждения, тем более что предметные условия производства для организации производства на каждом отдельном предприятии первоначально формируются за счет всего общества, а потому с самого начала имеет место непосредственное единство трудящегося с условиями его производства, в чем фиксируется экономически общественная собственность на средства производства.

Предметным результатом процесса производства выступает продукт, обладающий определенной структурой со стороны овеществленного в нем труда. Следует прежде всего подчеркнуть, что условия его движения в целом и отдельных структурных элементов заранее определены обществом, установлены также условия, при которых процесс может быть возобновлен. Эти условия определяются такими нормативами, как цена, нормативы отчисления чистого продукта, нормативы движения амортизации средств труда, нормативы образования фондов экономического стимулирования, оценки эффективности производства.

Особенно показательным в этом отношении является способ движения прибавочного продукта, который в подавляющей своей части и безвозмездно передается в распоряжение общества. Работая непосредственно по заданию общества и регламентируя свою деятельность на основе заранее утвержденных обществом нормативов, каждое отдельное хозяйственное звено тем самым непосредственно удовлетворяет общественные потребности. Его производственная деятельность и все ее основные параметры не испытывают на себе влияния таких непредвиденных обстоятельств, как существенное отклонение объемов и структуры производства от объема и структуры общественных потребностей и обусловленное этими несовпадениями нарушение условий всего воспроизводственного процесса. Именно потому, что исход-

ным и заключительным пунктом всего производственного процесса выступает общество, здесь нет места неконтролируемому заранее процессу внутриотраслевого и тем более межотраслевого перераспределения материальных и трудовых ресурсов, которое является обязательным условием механизма функционирования общественного производства на базе закона стоимости. Несмотря на то что в социалистическом обществе существует определенная дифференциация условий производства как во внутриотраслевом разрезе, так и в межотраслевом и это отражается на исчисленной в стоимостных показателях рентабельности производства, тем не менее ее уровень не определяет направление инвестиций, а потому внутриотраслевую и межотраслевую структуру производства. Так в чем же тогда фиксируется действие товарно-денежных отношений и закона стоимости?

Может быть, товарные отношения определяют характер сферы обращения при социализме? Однако в условиях товарного производства сфера обращения выступает не только формой проявления закономерностей развития производства, но и содержательным моментом его движения. В сфере обращения не только происходит реализация товаров, но и решается вопрос об участии товаропроизводителя в потреблении совокупного общественного продукта, а следовательно, и воспроизводстве его в качестве товаропроизводителя. Причем обмен определяет в этом случае именно качественную сторону дела. Реализация продукции и признание в этой форме общественной значимости затраченного на нее труда определяют включение товаропроизводителя в процесс личного потребления как составной момент производственного потребления и в этом качестве воспроизводство товаропроизводителя как необходимого для существования члена общества. При социализме сфера обращения не играет этой роли. Поскольку общественная значимость труда определена его конкретной формой, то участие каждого производителя в процессе личного потребления определено не движением результатов его труда в сфере обращения, а самой формой его труда. Следовательно, в сфере обращения может происходить только корректировка количественной определенности общественной значимости этого труда, но не его признание или отрицание. Участие производителей в личном потреблении как составном моменте производственного потребления предопределено планомерной формой движения непосредственно общественного труда. Именно он, а не движение его результатов определяет характер обмена при социализме. Таким образом, в сфере обращения при социализме отсутствуют основные моменты, определяющие товарные отношения.

Говоря о сфере обращения в социалистическом обществе, необходимо подчеркнуть и еще одно важное обстоятельство: связи отдельных звеньев общественного производства осуществляются здесь как связи агентов общенародной кооперации труда. Этим следует объяснить то обстоятельство, что коопери-

рованные поставки продукции выступают в качестве одного из наиболее важных результатов плановой хозяйственной деятельности социалистических предприятий. Эти поставки осуществляются не с целью получения определенных выгод для каждого отдельного предприятия, а для того, чтобы обеспечить планомерное развитие всего общественного производства.

Нет аргументов в пользу признания товарного характера и распределительных отношений. При внимательном рассмотрении оказывается, что и в сфере распределения отношения лишены тех основных параметров, которые позволили бы отнести их к разряду товарных. В условиях товарного производства распределение осуществляется прямо пропорционально стоимости, т. е. затратам и живого, и овеществленного труда. При социализме же распределение осуществляется на основе затрат лишь живого труда, причем не в его абстрактной форме (как средняя дробная часть затрат), а в конкретной форме (т. е. как затрата реального труда не только отдельного работника, но и всего коллектива предприятия). Распределение по труду в корне отличается от распределения по стоимости. Именно поэтому заработная плата в условиях социализма выступает не как стоимостная категория, т. е. не как стоимостная мера труда, а как категория непосредственно общественных отношений, как мера труда. Она формируется обществом заранее, поскольку заранее устанавливается тариф. Поэтому она выступает как доля работника в продукте, тогда как при капитализме доля работника в необходимом продукте определяется заработной платой.

Таким образом, ни пофазный анализ системы производственных отношений, ни их рассмотрение как единого целого не позволяют определить социалистическое производство как товарное по существу.

Критерием существования товарных отношений служат не внешние, поверхностные их проявления (купля-продажа, переход товара от одного лица в руки другого, товарное обращение, цены и т. п.), а определяющие параметры общественного воспроизводства: движение труда и средств производства между отраслями и внутри них, темпы, пропорции общественного воспроизводства, характер использования производственного накопления, динамика соотношения между фондом накопления и фондом потребления и т. п.

Следует согласиться с Н. А. Цаголовым, который отмечал: «Если товарные отношения не являются отношениями, оказывающими воздействие на процесс воспроизводства, если производственные отношения товарного типа не обладают еще силой закона, воздействующего на процесс воспроизводства... то их, собственно говоря, нельзя еще по существу называть товарными. Определение товара как продукта, переходящего из рук одного собственника в руки другого собственника, является чисто формальным и мало помогает делу выяснения сути вопроса. Самым важным в этом содержании является то, что товарные

отношения начинают определять общественный процесс воспроизводства, подчинять его своим особым законам. Если этого подчинения нет, то товар существует в основном формально»¹.

В свете сказанного становится совершенно ясным, насколько односторонней и, строго говоря, неправильной является характеристика экономической природы социалистического предприятия как товаропроизводителя, целью хозяйственной деятельности которого является получение прибыли. При такой характеристике возникает вопрос: как может получиться, что первичные ячейки общественного производства создают товары в целях получения прибыли, между тем как общественное производство направлено на выпуск непосредственно общественного продукта в целях обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития личности? Возникает также и другой вопрос: как первичные звенья общественного производства могут быть социалистическими предприятиями, если они — товаропроизводители, работающие для прибыли? При употреблении категорий «непосредственно общественное производство» и «товарное производство» в соответствии с их действительным содержанием данные вопросы ответа не имеют потому, что невозможно найти никаких аргументов, чтобы сформулировать положительный результат на основе суммирования отрицательных величин. Общественное производство не может быть непосредственно общественным, если его производственные звенья, из совокупности которых оно состоит, являются товаропроизводителями.

Социалистическое общественное производство является непосредственно общественным, а не товарным. Но это означает, что и его отдельные производственные звенья также выступают как органы единого целого, как звенья общенародной кооперации труда. Они создают непосредственно общественный продукт, а не товар, функционируют на основе закона непосредственно общественной потребительской стоимости и основного экономического закона коммунистического способа производства, а не закона стоимости. Их производительный процесс прежде всего подчинен высшей цели общественного производства при социализме. Формулируя столь категорически эти положения, мы исходим из собственной определенности социально-экономической природы коммунистического производства, которой оно обладает в пределах всего коммунистического способа производства. Такая определенность несколько не игнорирует особенностей социализма как его первой стадии, поскольку при характеристике особенностей какого-либо явления мы обязаны находиться в пределах данного качества и установить количественную определенность именно этого качества.

Определяющим качеством социализма, если иметь в виду его общественную форму производства, является его нетоварный характер, господство непосредственно общественной формы

¹ Закон стоимости при социализме. М., 1959, с. 165.

производства. Особенность социализма определяется поэтому степенью зрелости именно непосредственно общественного отношения.

И тем не менее, если поставить вопрос о наличии при социализме товарно-денежных отношений в категорической форме, то на него нельзя ответить отрицательно. Товарно-денежные отношения при социализме, несомненно, существуют, и это отнюдь не противоречит изложенному выше.

Существенный недостаток исследования проблемы товарно-денежных отношений в социалистическом обществе состоял и продолжает состоять в том, что, во-первых, слишком непоследовательно проводится различие между абстрактно-теоретическим и конкретно-историческим аспектами постановки и решения проблемы; во-вторых, весьма неопределенно и по существу противоречиво ставится и решается вопрос об отношении товарно-денежных отношений к структуре сущности производственных отношений социализма, наконец, в-третьих, не ставится вопрос об уровнях анализа самих товарно-денежных отношений. Рассмотрим отмеченные аспекты несколько обстоятельнее.

Если ставить и решать проблему товарно-денежных отношений в социалистическом обществе абстрактно-теоретически, то здесь необходимо последовательно и безоговорочно стоять на позициях ее решения, которое содержится в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Когда речь идет о переходе от капитализма к социализму, то имеется в виду не переход от товарной организации общественного производства к непосредственно общественной, а переход от капиталистической организации товарного производства к социалистической организации общественного производства. Если даже социалистические формы хозяйства на первых порах имеют дело не с капиталистическими отношениями, а с отношениями мелкотоварного производства, то необходимо учитывать, что до этого они существовали и развивались в системе капиталистического производства.

Поэтому ссылки на то, что мы ничего не знаем об особенностях данного способа производства, если нам известны лишь категории товарного обращения и товарного производства, здесь неуместны, поскольку в данном случае идет смена капиталистической организации коммунистической, а потому товарные отношения, которые передает капитализм формируемому социализму, — это совершенно определенные товарные отношения. Далее. Капитализм передает социализму не вообще товарное производство, а такое товарное производство, которое существует в условиях крупного производства. В этой связи не следует забывать положение К. Маркса о том, что на базе товарного производства производство в крупном масштабе может существовать только в капиталистической форме. Исходя из этих совершенно конкретных обстоятельств, можно вполне определенно обрисовать абстрактно-теоретический аспект про-

блемы: товарное производство и социализм — противоположности. Социалистические производственные отношения следует считать тем более зрелыми, чем дальше социалистическое общество удаляется от товарной организации производства. Следует подчеркнуть, что абстрактно-теоретический подход является наиболее фундаментальным способом научного решения проблемы. Он дает наиболее общую ориентацию, т. е. решает проблему стратегически. Это, однако, не только не исключает конкретно-исторического подхода, а, напротив, предполагает его. Речь идет в данном случае о необходимости анализа совершенно конкретного, эмпирического материала, учета особенностей данного конкретного периода, данной страны, исторической специфики перехода от капитализма к социализму, полного учета всей совокупности обстоятельств, которые сопутствуют этому переходу. Результаты, которые получены на основе анализа всей совокупности данных, не отменяют общей оценки соотношения товарного производства и социалистической организации общества, но они конкретизируют фундаментальные выводы в отношении сроков, тактики, учета конкретного соотношения классовых сил и т. д.

Весьма существенное значение имеет и третий аспект рассматриваемой проблемы соотношения товарного производства и социализма. Суть его состоит в том, чтобы дифференцированно исследовать саму структуру товарно-денежных отношений в социалистическом обществе. Она имеет многоуровневое строение, и нельзя идентифицировать эти уровни.

Наиболее близким к строению классического товарного производства, рассматриваемого в его общей форме, является приусадебное хозяйство колхозников, рабочих и служащих. Здесь можно говорить не только о более или менее свободном ценообразовании, но и об элементах стоимостного механизма регулирования объемов и структуры производства, разумеется, при условии абстрагирования от правового регулирования со стороны государственных органов. Именно поэтому здесь и не исключено появление элементов частного предпринимательства, определенной имущественной дифференциации. Хотя удельный вес этой формы хозяйства в общем объеме товарооборота незначителен и обнаруживает тенденцию к сокращению, тем не менее в производстве пищевых продуктов, в особенности яиц, мяса, молока, картофеля, фруктов, эта форма производства занимает все еще значительное место и в современных условиях задача состоит в том, чтобы в определенных границах укреплять личное подсобное хозяйство, оказывая государственное содействие его развитию.

Особенность этой формы состоит и в том, что здесь происходит стихийная отраслевая и территориальная специализация производства, а непосредственная организация товарного обращения посредством колхозного рынка, как правило, не обходится без опосредствующих звеньев. Личное подсобное хо-

зйство и соответствующая ему форма товарного производства, работающего на неизвестный рынок и на неизвестного потребителя, имеют своим историческим основанием мелкое товарное производство, не контролируемое прямо ни в отношении объема и структуры производства, ни в отношении уровня и динамики цен. Это производство вызывает элементы анархии и стихии, которые, не поддаваясь плановому контролю, оказывают тем большее влияние на ход общественного воспроизводства (в частности, на процесс воспроизводства рабочей силы), чем выше их доля в производстве пищевых продуктов и в объеме продаж продовольственных товаров. Мы отвлекаемся в данном случае от того, что функционирование личного подсобного хозяйства и соответствующей ему формы обращения приводит к нежелательным явлениям в процессе формирования личных доходов трудящихся, вызывая необусловленные законом распределения по труду явления перераспределения личных доходов, не соответствующих трудовому вкладу. Кроме того, рассматриваемая форма производства и обращения осложняет плановое регулирование денежного обращения, в частности за счет тезаврации денежных знаков. Как видим, эта наиболее развитая форма товарно-денежных отношений в социалистическом обществе весьма противоречива. Если она существует и в известных пределах развивается и в условиях этапа развитого социализма, то это лишь значит, что реальный уровень обобществления производства и обращения все еще таков, что общественное производство не может обойтись без этой формы товарно-денежных отношений.

Обратимся теперь к той сфере производственных отношений социализма, которая наиболее удалена от элементарных форм товарно-денежных отношений, представленных подсобным хозяйством. Речь идет о производственных отношениях в государственном социалистическом секторе народного хозяйства. Хотя здесь наиболее полно представлен непосредственно общественный характер труда, тем не менее и здесь обнаруживаются элементы, неконтролируемые планом, а в ряде случаев действующие вопреки плану. Во-первых, жизненные средства, с помощью которых происходит воспроизводство рабочей силы, являются объектами государственной и кооперативной торговли или же торговли на колхозном рынке. Во-вторых, не все вещественные условия производства формируются в плановом порядке на основе системы материально-технического снабжения. Следует иметь в виду, что предприятиям приходится пользоваться децентрализованными формами, не учитываемыми в планах, для того, чтобы обеспечить себя необходимыми компонентами производства. При этом широко применяются формы вознаграждения, не предусмотренные сметами. Мы не станем подробно останавливаться на конкретном содержании этих форм, поскольку оно весьма многообразно и многолико. Ясно одно — эта форма, которую тоже следует отнести к товарно-денежным

отношениям, едва ли может рассматриваться как органический элемент социалистических производственных отношений.

Изложенное выше может создать впечатление, что товарно-денежные отношения в социалистическом обществе являются нежелательным, дезорганизующим плановое управление элементом и что их реальные функции исчерпываются именно этой стороной дела. Однако такое впечатление было бы неправильным. Огромное значение товарно-денежных отношений в социалистическом обществе состоит в том, что с помощью ценовых форм осуществляется измерение народнохозяйственных величин. Под измерением в данном случае мы понимаем широкий спектр средств народнохозяйственного учета, который охватывает все стороны воспроизводственного процесса общества.

Что касается остальных функций товарно-денежных отношений, то они в системе планомерно организованного производства не могут иметь не только решающего, но и сколь-нибудь существенного значения. Если они такое значение и сохраняют, то лишь потому, что в системе производственных отношений социализма существуют не имманентные его производственным отношениям формы хозяйства — личное подсобное хозяйство и кооперативно-колхозная форма производства, которые оказывают существенное воздействие прежде всего посредством формы движения фонда жизненных средств на весь ход общественного воспроизводства. Следовательно, источником этого воздействия являются не внутренне присущие системе производственных отношений факторы, а формы, которые обязаны своим присутствием недалекому прошлому и сохраняющиеся постольку, поскольку новая система отношений не достигла того уровня зрелости, при котором можно было бы отказаться от этих факторов. Таково, по нашему мнению, действительное содержание того практического опыта, на который обычно ссылаются экономисты в обосновании необходимости товарно-денежных отношений в социалистическом обществе.

Стремясь обосновать вполне приемлемую для социализма форму действия товарно-денежных отношений, обычно ссылаются на присущее им при социализме новое содержание. Заметим прежде всего, что проблема использования товарно-денежных отношений в социалистическом обществе существует отнюдь не потому и тем более не главным образом потому, что они обладают новым социалистическим содержанием, а потому, что они являются носителями старого содержания и задача состоит в том, чтобы ограничить, ввести в приспелое, контролируемое русло их функционирование в социалистическом обществе. Если бы эти отношения при социализме обладали всецело новым содержанием, являлись бы, как полагают, дополнительной формой планомерности или особой формой непосредственно общественных отношений, то никакой проблемы их сознательного использования не существовало бы. Но в дан-

ном случае нас будут интересовать те моменты, с помощью которых экономисты характеризуют новое содержание товарно-денежных отношений. Во многих работах при характеристике этого содержания обычно указывают, что в условиях общественной собственности на средства производства исчезает основное производственное отношение капитализма, а вместе с ним и капиталистический характер товарно-денежных отношений.

Но при чем здесь основное производственное отношение капитализма и капиталистический характер товарно-денежных отношений? Речь же идет не о специфически капиталистической форме товарно-денежных отношений, а о товарно-денежных отношениях вообще. Кроме того, исчезновение чего-либо из состава структуры данного явления еще не равнозначно тому, что это явление приобретает новое содержание. Исчезновение истативно, а не конструктивно характеризует содержание данного явления, а ведь речь идет именно о новом содержании. Не может претендовать на характеристику нового содержания товарно-денежных отношений в социалистическом обществе указание на то, что при социализме рабочая сила перестает быть товаром. Ведь, как известно, товарная форма рабочей силы никогда и не была компонентом содержания товарно-денежных отношений вообще.

Далее, при характеристике содержания товарно-денежных отношений в социалистическом обществе указывают и на то, что они утрачивают роль всеобщей формы движения экономики. Но здесь опять-таки речь идет об утрате этого свойства товарными отношениями при социализме, между тем как задача состоит в определении их нового содержания. Кроме того, указание на то, что они перестали быть всеобщей формой движения, касается только капиталистической формы товарного производства, а не товарного производства вообще. Ни в какой мере не решается проблема нового содержания товарно-денежных отношений указанием на ограниченность сферы действия этих отношений при социализме, на то, что цены на большинство товаров устанавливаются в плановом порядке, на то, что стоимость и цена как учетное средство не оказывают самостоятельного регулирующего воздействия на производство и потребление, на то, что рынок в подавляющей своей части планомерно организован, на то, что деньги перестают превращаться в любой товар, а закон стоимости утрачивает роль основного регулятора пропорций. Все эти моменты имеют весьма отдаленное отношение к характеристике нового содержания товарно-денежных отношений в социалистическом обществе, потому что этим подчеркивается лишь то, что отсутствует в этих отношениях; между тем как задача состоит в том, чтобы определить те компоненты, которые появляются в товарно-денежных отношениях, которые имеют к ним прямое отношение и которые характеризуют действительно их новое содержание.

Подобная характеристика нового содержания товарно-денежных отношений при социализме напоминает сцену из пьесы А. Корнейчука «Крылья», в которой автор изображает выступление кандидата философских наук Овчаренко перед колхозниками, где он даст характеристику того, что будет при коммунизме. Вот эта сцена: «Овчаренко: «При коммунизме человек не будет иметь на себе родимых пятен капитализма... Не будет таких уродливых черт прошлого, как ревность, зависть, скупость, прибыль... При коммунизме не будет денежного обмена. Не будет рынков с присущими им законами рыночной цены... Не будет государства... Не будет армии... Не будет...» Коровай: «Простите, товарищ дектор, а что будет?»¹

Каковы же действительные черты, характеризующие новое содержание товарно-денежных отношений при социализме?

В литературе ничего подобного мы не находим. Указанные положения, которые якобы призваны определить новое содержание товарно-денежных отношений, по существу характеризуют общественную форму производства при социализме как непосредственно общественную и, следовательно, к определению нового содержания товарно-денежных отношений при социализме не относятся. Нам представляется поэтому, что в данной связи речь может и должна идти о том, что товарно-денежные отношения, которые достаются социалистическому обществу от прошлого, не могут сохранить в структуре производственных отношений нового общества своего прежнего содержания. Они теряют целый ряд весьма существенных компонентов своего прежнего содержания, а потому теряют и многие функции, которые они прежде выполняли. Как уже отмечалось выше, на уровне наиболее развитых производственных отношений социализма они сохраняют свою функцию формы измерения народнохозяйственных процессов. И эта функция пока что остается одной из наиболее существенных. Именно она служит показателем использования элементов этих отношений в системе объективного механизма функционирования социалистического производства, поскольку этот механизм характеризует особенности общесоциалистических отношений на стадии социализма.

§ 3. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАСЧЕТ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

Механизм функционирования производственных отношений социализма стал складываться еще на первоначальном этапе хозяйственного строительства в нашей стране после окончания

¹ Корнейчук А. Е. Собр. соч. Т. 3. Л., 1977, с. 184—185.

гражданской войны и перехода к новой экономической политике. Целесообразно поэтому при выяснении его сущности обратиться именно к этому начальному периоду становления.

Уже на первых порах хозяйственный расчет представлял собой существенно новый механизм функционирования экономики сравнительно с тем, который существовал в период военного коммунизма, когда происходил всесторонний процесс централизации хозяйственных связей. Это выразилось, в частности, в том, что мерами внеэкономического порядка был установлен прямой продуктообмен. В этих условиях складывалась специфическая практика, характеризующая взаимоотношения между государством и принадлежащими ему предприятиями. Недостаток материальных ресурсов неизбежно приводил к уравнительному их распределению между различными звеньями общественного производства.

Как же возмещались эти ресурсы? Национализированные предприятия перечисляли доходы от реализуемой ими продукции на текущие счета в народном банке и покрывали из этих средств свои расходы. Однако предприятия систематически испытывали финансовые затруднения, а потому были вынуждены прибегать к помощи государственного бюджета, который постепенно превратился в один из главных источников их финансирования. Другим источником покрытия расходов предприятий стали кредиты Государственного банка, которые по существу также превратились в форму финансирования, поскольку средства, отпускаемые банком, лишь формально считались кредитом. Финансовое положение предприятий исключало возможность возвратности кредита. Такой порядок неизбежно приводил к тому, что доходы и расходы предприятий начали сливаться с доходами и расходами государства. Этот порядок представлялся вначале вполне нормальным явлением: так как предприятия были государственными, то их расходы и доходы не могли быть обособлены от доходов и расходов государства. Указанный порядок нашел свое законодательное закрепление в августе 1918 г., когда решением Советского правительства государственные предприятия были переведены на бюджетно-сметное финансирование. Конкретно это нашло свое выражение в том, что вся стоимость созданной предприятиями продукции перечислялась в доход государства, а предприятиям, получившим эту продукцию, соответственно уменьшались бюджетные ассигнования. Стало быть, все доходы предприятий зачислялись в доход государства, которое покрывало и все их расходы.

В декрете Совета Народных Комиссаров от 4 марта 1919 г., в соответствии с которым предприятия переводились на бюджетно-сметное финансирование, отмечалось, что единственным источником денежных средств государственных предприятий являются ассигнования из кредитов по росписи общегосударственных доходов и расходов РСФСР. В соответствии с этим декретом все денежные поступления за сдаваемую предприяти-

ями продукцию и поступления по другим доходным статьям перечислялись в доход казны. Расходы же предприятий производились по сметам, составленным самими предприятиями. Таким образом доходы и расходы предприятий полностью слились с доходами и расходами государства.

Однако к концу периода военного коммунизма отчетливо обнаружилось, что такой порядок таит в себе серьезные опасности для социалистической организации производства. Стало ясно, что если не разграничить доходы и расходы государства и доходы и расходы отдельного предприятия, то это может привести к перераспределению части стоимости совокупного продукта, представляющей фонд возмещения, в пользу непродуцственной сферы или к превращению этой части в личные доходы работников сферы материального производства. Но и то, и другое ставит под сомнение реальную возможность осуществления процесса общественного воспроизводства не только расширенного, но даже простого.

Периоду военного коммунизма соответствовала специфическая организация обмена между различными звеньями общественного производства. Тогда осуществлялся безденежный, натуральный обмен продукции промышленности на продукцию сельского хозяйства. Однако впоследствии натуральный обмен сменился обычной торговлей. Это в свою очередь привело к тому, что натуральная заработная плата работников социалистического производства сменилась денежной. При этом изменилась не только форма оплаты, но и ее сущность. Натуральный паек, который прежде выдавался работникам независимо от результатов их труда, заменился денежной оплатой, размеры которой ставились в зависимость от результатов трудовой деятельности. Вместе с этим была отменена и система бюджетно-сметного финансирования. Предприятия должны были окупать сами себя. Так возникло начало нового механизма функционирования производственных отношений социалистического общества, получившего название хозяйственного расчета. Уже в резолюции об экономической политике, принятой X Всероссийской конференцией РКП(б), говорилось, что государственные предприятия должны быть переведены на хозяйственный расчет. В резолюции также указывалось на необходимость расширения самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в распоряжении им финансовыми средствами и материальными ресурсами. Предполагалось, кроме того, повсеместно ввести принцип индивидуальной и коллективной заинтересованности в изобретательстве и рационализации, поощрять экономию рабочей силы, топлива, материалов, сохранность зданий, машин и т. д.

В резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б) «Об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства» подчеркивалось, что хозяйственный расчет должен лежать в основе ведения всей государственной промышленности. Здесь

же определялись и основные принципы хозяйственного расчета: наделение предприятий оборотными фондами и предоставление им права распоряжаться ими, а также права реализации на рынке их продукции и покупки сырья, материалов и т. п.

Важной вехой в процессе формирования отношений хозяйственного расчета было преодоление тех ошибок, которые были допущены в ходе осуществления кредитной реформы 1930—1932 гг. Как известно, на основе этой реформы за поставленную по плану продукцию Государственный банк переводил предприятиям деньги независимо от того, как отнесется покупатель к их продукции. В результате многие предприятия стали на путь формального выполнения планов, возникла опасность нарушения условий, обеспечивающих нормальный ход процесса воспроизводства. Дело в том, что предприятия-потребители не могли воздействовать на количественные и качественные показатели работы предприятий-поставщиков, которые получали от Государственного банка за низкокачественную продукцию денежные суммы, намного превышающие ее стоимость. Это ставило под угрозу выполнение народнохозяйственных планов и вело к нарушению пропорций между стоимостью товарных масс и денежным обращением. В процессе преодоления этих ограничений хозяйственного расчета было определено, что предприятиям возмещают их трудовые затраты не по плановым показателям, а по фактическому производству и фактической реализации продукции. Следовательно, соответствующие результаты работы данного предприятия предусматриваются планом общественным потребностям проверялось посредством реализации продукции.

Мы остановились в самых общих чертах на характеристике формирования системы хозяйственных отношений в переходный период от капитализма к социализму. Причем во многих случаях без всяких оговорок используются в процессе выработки методологических основ теории хозяйственного расчета и определения содержания этой теории не только принципы, характеризующие сущность хозяйственного расчета, но и его особенности в этот период. Конечно, наиболее общие принципы механизма хозяйственного расчета как объективной категории с достаточной определенностью обнаружили себя в этот период.

Однако не следует возводить в ранг основных принципов хозяйственного расчета всю совокупность отношений, которые обнаружили в переходный период. Дело в том, что особенностью экономических отношений того периода выступает многоукладность со всеми вытекающими из нее производными, связанными с наличием мелкотоварного и частнокапиталистического укладов, с имманентными реальными товарно-денежными отношениями, более или менее значительными элементами конкуренции, свободного ценообразования, стихийного движения ресурсов как внутри отдельных отраслей, так и между отрас-

лями, дифференциации экономического и социального положения и другими неизбежными результатами действия рыночного механизма. Нам представляется, что эта сторона процесса становления хозяйственного расчета едва ли может быть непосредственно перенесена в теорию хозяйственного расчета как объективного механизма функционирования производственных отношений социалистического общества за пределами переходного периода. И дело здесь, разумеется, не в отдельных оговорках и уточнениях, а в принципиальной стороне.

В переходный период система хозяйственного расчета неизбежно несла на себе отпечаток многоукладной экономики, и это не ограничивается взаимоотношениями социалистического сектора с несоциалистическими укладами. Отношения внутри социалистического уклада не могли не испытывать на себе воздействия других укладов. И многие особенности хозяйственного расчета в этот период, даже если иметь в виду отношения внутри социалистического уклада, не могут быть поняты вне процесса общего взаимодействия элементов экономической структуры переходного периода в целом.

В условиях сформировавшегося социалистического общества эта сторона отношений совершенно отсутствует, а потому и не может приниматься во внимание в системе теории хозяйственного расчета, а если и принимается, то с весьма существенными оговорками. Речь идет в данном случае о роли и месте товарно-денежных отношений в структуре хозяйственного расчета. В условиях переходного периода от капитализма к социализму его вообще нельзя представить вне товарно-денежных отношений. Совсем по-другому обстоит дело с отношениями хозяйственного расчета в социалистической экономике. Он вполне мыслим вне товарно-денежных отношений, более того, только при абстрагировании от них может быть понята действительная сущность хозяйственного расчета как объективного механизма функционирования производственных отношений, имманентных социалистическому обществу. Сущность хозяйственного расчета может быть понята лишь при условии, что она характеризует отношения непосредственно общественного производства. Это есть объективный механизм функционирования именно этих отношений.

В литературе по теории хозяйственного расчета подчеркивается, что основным компонентом структуры сущности хозрасчета является непосредственно общественная связь: «Исходный пункт в анализе сущности хозрасчетных отношений составляет понимание социалистического производства как непосредственно общественного»¹, — читаем мы в одной из последних работ по методологии и теории хозяйственного расчета. Тем не менее при рассмотрении реального содержания отношений хозяйственного расчета авторы часто отступают от него и приходят в конечном счете к выводу, что ввиду недостаточной зре-

¹ Методологические основы теории хозяйственного расчета, с. 158.

лости непосредственно общественных отношений одним из элементов, определяющих структуру сущности хозяйственного расчета, служат товарно-денежные отношения. В итоге получается, что социалистическое производство на уровне процесса производства является непосредственно общественным, а на уровне объективного механизма его функционирования, оказывается, уже не может быть только непосредственно общественным, а является и товарным. Но как оно может быть товарным на этом уровне, если оно не было таковым на другом, более глубинном уровне? Ведь уровень объективного механизма функционирования производственных отношений является конкретным выражением более глубинного уровня. Поэтому допустить наличие этих отношений в механизме функционирования — значит по существу ввести товарные отношения и в структуру наиболее глубокой сущности производственных отношений социализма. И тогда окажется, что и она, эта сущность, представляет собой синтез непосредственно общественных и товарных отношений. Тем самым авторы упомянутой выше монографии, провозгласив, что исходным пунктом анализа сущности хозяйственных отношений служит понимание социалистического производства как непосредственно общественного, занимают двойственную позицию, признавая, что оно не только непосредственно общественное, но и товарное.

По нашему мнению, задача исследования системы производственных отношений социализма на всех уровнях их функционирования и развития состоит в том, чтобы рассматривать их от начала и до конца как форму непосредственно общественных отношений. Разумеется, это не исключает введения в анализ элементов стойких форм, поскольку последние существуют реально и используются в хозяйственной практике. Однако, учитывая их роль и место в действительной истории коммунистического способа производства с позиций принципа единства исторического и логического, даже на уровне объективного механизма функционирования социалистического производства от них следует абстрагироваться как от форм, не имманентных производственным отношениям социализма.

Иначе говоря, задача состоит в том, чтобы исследовать производственные отношения социализма на любом их уровне прежде всего в чистом виде, учитывая только те формы этих отношений, которые генетически связаны с коммунистическим способом производства. Стойкие же формы следует рассматривать уже на уровне непосредственной хозяйственной действительности, т. е. анализа отношений хозяйствования как форм, осложняющих функционирование и развитие генетически присущих социализму отношений. При этом речь идет не столько об удобстве чисто теоретического исследования, сколько о более важных, более существенных и притом непосредственно практически значимых аспектах. Дело в том, что практическая деятельность социалистического общества по

управлению экономическим процессом должна строиться прежде всего и главным образом на основе учета «несущих конструкций», т. е. отношений, являющихся собственным продуктом функционирования и развития коммунистического способа производства на его социалистической стадии. И только после этого можно и нужно учитывать обстоятельства, которые усложняют, видоизменяют и отчасти модифицируют закономерности формирования коммунистического производства.

Если прибегнуть к аналогиям, то можно привести в качестве примера тот метод анализа структуры производственных отношений капитализма, который К. Маркс применил в «Капитале», предположив, что рабочая сила обменивается на капитал на основе закона стоимости и что в форме заработной платы рабочий получает стоимость своей рабочей силы. Этот метод вполне соответствует тем принципам анализа экономической структуры общества, которые широко применялись В. И. Лениным при анализе процесса формирования производственных отношений капитализма в пореформенной России, в частности в аграрном секторе экономики. В. И. Ленин считал, в частности, что главный вопрос при исследовании производственных отношений в русском земледелии пореформенного периода заключается в том, является ли развитие аграрных отношений капиталистическим или каким-либо другим, и только после того как решен этот главный вопрос, можно говорить о частностях: о темпах развития, о глубине преобразований, о факторах, усложняющих и модифицирующих это развитие, и других деталях.

Между тем, анализируя хозяйственный расчет, полагают, что он является экономической формой определенного материального процесса, а именно процесса индивидуального воспроизводства¹.

При этом не учитывают тот факт, что различие индивидуального и общественного воспроизводства фиксируется в том, что результат производительной деятельности отдельного звена не является с самого начала элементом совокупного общественного продукта. В условиях же социализма продукт каждого отдельного предприятия непосредственно выступает как составной элемент совокупного продукта. Это, разумеется, не исключает особенностей воспроизводства отдельного продукта и совокупного продукта. Но эти особенности носят специфически воспроизводственный, а не социально-экономический характер.

Но если это верно, то верно также и то, что и на уровне объективного механизма функционирования производственных отношений социализма категория индивидуального воспроизводства не может иметь сколько-нибудь существенных и заслуживающих внимания особенностей социально-экономического характера. В самом деле, что такое индивидуальное воспроизводство, если рассматривать его со стороны социально-эконо-

¹ Методологические основы теории хозяйственного расчета, с. 66.

мического содержания применительно к условиям социализма? Обладает ли оно такими социально-экономическими чертами, которые диктуют необходимость его учета как особой стороны, уровня или круга производственных отношений социализма?

Нам представляется, что на эти вопросы следует ответить отрицательно. Обосновывая необходимость выделения индивидуального воспроизводства, обычно апеллируют к частному разделению труда, которое связано с созданием отдельных потребительных стоимостей, удовлетворяющих отдельные потребности. Однако если даже согласиться с этим утверждением, которое является далеко не бесспорным, то и это еще очень мало дает для характеристики социально-экономического содержания индивидуального воспроизводства.

Какие же моменты выделяются именно для этой характеристики? «Определяющая черта индивидуального воспроизводства при социализме заключается в том, что это процесс, происходящий в условиях общенародной собственности на средства производства. При социализме в «индивидуальном воспроизводстве» в отличие от кругооборота индивидуального капитала определяющим агентом является общество. Здесь индивидуальное воспроизводство, будучи частью общественного воспроизводства, несет в себе черты общенародной собственности на средства производства»¹.

Следовательно, с самого начала мы узнаем об индивидуальном воспроизводстве, что оно, строго говоря, не существует как особое социально-экономическое явление. В самом деле, если оно — носитель черт общенародной собственности, то в чем же его специфика как части общественного воспроизводства, которое тоже несет в себе черты общенародной собственности?

Углубляя социально-экономическую характеристику индивидуального воспроизводства, авторы пишут: «Социалистическое индивидуальное воспроизводство постоянно реализует отношение «общество — предприятие — работник» как отношение всеобщей коллективности, направленное на достижение высшей цели социалистического производства. Оно осуществляется планомерно; движение и использование средств в его пределах не исключает, а наоборот, предполагает «участие» общества во всех его стадиях»². Приведенное высказывание также подтверждает положение о том, что никакого индивидуального воспроизводства в социально-экономическом смысле при социализме нет. В этом читатель окончательно убеждается после того, как узнает, что «определяющая роль общественного начала — коренной момент самого механизма осуществления индивидуального кругооборота средств в социалистическом обществе. Так, формированию затрат в этом процессе предшествует выделение обществом средств на создание новых ячеек

¹ Методологические основы теории хозяйственного расчета, с. 66.

² Там же.

индивидуального воспроизводства. Критерий результата этого воспроизводства — соответствие его общественной потребности заданию общества, которое устанавливается заранее. Наконец, реализация продукта, использование средств и формирование ресурсов для нового цикла производства также осуществляются под руководством общества как собственника средств производства и произведенного продукта. Именно общество определяет, какая часть средств должна остаться в сфере индивидуального воспроизводства, а какая — перейти в централизованное распоряжение общества в целом»¹.

После всего этого утверждать что-либо определенное относительно социально-экономической специфики индивидуального воспроизводства в отличие от общественного не представляется возможным. Невозможно поэтому обосновать особую экономическую форму индивидуального воспроизводства, в роли которой выступает хозяйственный расчет. Выделение индивидуального воспроизводства в системе социалистических производственных отношений имело бы смысл только в том случае, если отдельные производственные звенья системы частного разделения труда выступали бы как товаропроизводители. Поэтому экономисты, пытающиеся обосновать хозяйственный расчет как экономическую форму функционирования индивидуального воспроизводства, полностью разделяя его определения, согласно которым в нем реализуются отношения общенародной собственности, тем не менее стремятся обосновать положение о том, что отдельные звенья общественного производства в социалистическом обществе как носители отношений индивидуального воспроизводства являются в то же время и товаропроизводителями. Здесь снова получается, что социалистические предприятия одновременно выступают и посетелями отношений непосредственно общественного производства, и товаропроизводителями. То обстоятельство, что они выступают агентами непосредственно общественного производства, характеризуется как абстрактная сущность, а то, что они товаропроизводители, — как конкретная сущность².

Какие же аргументы приводятся в доказательство того, что социалистические предприятия, будучи агентами отношений общенародной собственности на средства производства и осуществляя свой производительный процесс за счет общества и под его контролем, так что общественное начало в целом образует основу всей их деятельности на различных стадиях движения их ресурсов и результатов, тем не менее являются товаропроизводителями.

Во-первых, различия в вещественных и личном факторах производства обуславливают такие различия каждого вида труда, что эти виды оказываются несоизмеримыми непосред-

¹ Методологические основы теории хозяйственного расчета, с. 67.

² Там же, с. 159—160.

венно в часах рабочего времени, а это определяет необходимость товарно-денежных отношений. Во-вторых, если первоначальное формирование средств предприятий осуществляется за счет общества и не носит хозрасчетного характера, то последующее возмещение этих средств происходит на основе товарно-денежных отношений. В-третьих, спецификой и результатом индивидуального воспроизводства. Непосредственно общественный по содержанию продукт выступает и как результат такого особого труда, который при включении его в совокупный продукт предполагает сведение особого конкретного труда к труду абстрактному. «Иными словами, достижение конечного народнохозяйственного результата обеспечивается в хозрасчетных отношениях, во-первых, через производство особого продукта, не обладающего непосредственно признаками всеобщности... Во-вторых, результат индивидуального кругооборота при социализме — это продукт в товарной форме...»¹ Поэтому выделение ресурсов на следующий производственный цикл детерминировано результатами производственной деятельности данного звена².

Как мы видим, приведенные аргументы не доказывают того, что агенты индивидуального воспроизводства являются товаропроизводителями, а следовательно, и того, что хозяйственный расчет служит экономической формой движения, конкретная сущность которого определяется товарно-денежными отношениями. Дело в том, что если агенты непосредственного производительного процесса действительно выступают носителями отношений общенародной собственности, если они выступают в качестве звеньев системы непосредственно общественного производства, то в этом случае нет и не может быть никаких разумных аргументов для обоснования того, что они товаропроизводители. Главный недостаток всех рассуждений о сущности хозяйственного расчета в условиях социализма состоит как раз в том, что происходит нарушение принципа монизма. Хозяйственный расчет, который выступает как способ функционирования системы производственных отношений социалистического общества и который характеризует наиболее поверхностный слой их сущности, оказывается носителем не только глубинной сущности этих отношений, но и носителем другого начала — именно товарно-денежных отношений, отношений экономической обособленности. Это противоречие, которое в любой логической системе подрывает ее принципиальные основы.

Прежде всего необходимо обосновать эти выводы. Общеизвестно, что первоначальное формирование ресурсов отдельных звеньев социалистического производства осуществляется за счет общества. Что касается последующего возмещения ресурсов в следующих циклах воспроизводства, то оно якобы

¹ Методологические основы теории хозяйственного расчета, с. 161.

² Там же.

принципиально отличается от первоначального формирования ресурсов за счет общества. Отличие действительно имеет место, однако оно не носит принципиального характера. Принципиальный характер здесь усматривается в том, что формирование ресурсов за счет общества характеризует непосредственно общественную природу социалистического предприятия, тогда как последующее возобновление ресурсов осуществляется якобы на основе товарно-денежных отношений. Нельзя смешивать форму последующего приобретения с его внутренним содержанием. Последующее приобретение происходит не как альтернатива формированию за счет общества по существу, а лишь как иная форма участия общества в этом последующем формировании. Первоначальное образование ресурсов за счет общества характеризует планомерную организацию общественного производства. Можно ли, однако, считать, что процесс последующего формирования ресурсов на очередные циклы осуществляется не как планомерный, а как стихийный процесс? Достаточно поставить таким образом вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. Поскольку предприятие уже в процессе первоначального формирования включено в систему плановых связей, последующее формирование должно воспроизвести эти первоначальные плановые связи, разумеется, с известной корректировкой, поскольку лишь в процессе воспроизводства обнаруживается адекватность первоначальных связей действительным общественным потребностям.

Можно ли назвать какой-либо процесс в ходе возобновления условий производства, который бы осуществлялся не на основе закона планомерного развития, т. е. закона непосредственно общественной связи, а на основе закона стоимости и свойственного ему механизма?

Предприятие, производительно потребив предметные и личное условия производства, создает продукт, который оно реализует, и реализует его не на свободном рынке, а заранее известному потребителю, и не по ценам, которые складываются на основе спроса и предложения, а которые опять-таки заранее известны. Аналогичным образом происходит и приобретение условий производства, которые должны быть потреблены в следующем цикле. Необходимо иметь в виду, что программа действий предприятия отнюдь не является результатом произвольного выбора, а определяется планом, устанавливающим объем и структуру продукта, его ассортимент и нормы расхода сырья, материалов, заработной платы и задание по прибыли, т. е. по существу все или почти все определяющие производство параметры экономической деятельности предприятия. Так где же та принципиальная разница между первоначальным образованием средств и последующим их возобновлением, на которую указывают экономисты, специально занимающиеся исследованием проблем методологии и теории хозяйственного расчета? Определенное различие, разумеется, существует, но

его нельзя возводить в степень принципиального. При характеристике особенностей возобновления предприятиями ресурсов часто указывают на то, что оно осуществляется в соответствии с достигнутым данной ячейкой результатом. Однако в любой форме деятельности необходимо всегда сопоставлять ее с достигнутым результатом. Дело в том, что общество на основе результата деятельности предприятия может и корректировать свои действия, и вносить коррективы в первоначальные объемы авансирования средств за счет общества. Поэтому сопоставление затрат и результатов не характеризует специфические особенности хозяйственного расчета, и тем более не характеризует предприятие как товаропроизводителя.

Иногда указывают на то, что результат деятельности предприятий является непосредственно общественным продуктом, который, однако, не обладает свойством всеобщности, а потому между особым и конечным результатами существует определенное различие. Указанное различие действительно существует, однако его не следует гипертрофировать потому, что если результат деятельности предприятий признается непосредственно общественным, то тем самым признается и его всеобщий характер. В противном случае тезис о непосредственно общественном характере результата был бы лишен реального смысла. Это во-первых. А во-вторых, если даже признать правильным, что результат деятельности отдельного хозяйственного звена не обладает свойством всеобщности, то из этого вовсе не следует, что он является товаром. Несовпадение особого и конечного результатов может иметь место и в условиях непосредственно общественного производства, поскольку, как об этом уже писалось выше, само непосредственно общественное имеет различные уровни — уровень особого и уровень всеобщего.

Не является доказательством тезиса о товарном характере результата деятельности отдельного предприятия и ссылка на то, что в условиях социализма существуют различные уровни целей — хозрасчетная цель и высшая цель¹. Что такое хозрасчетная цель и следует ли ее противопоставлять высшей цели? Выделение хозрасчетной цели в качестве самостоятельного явления имело бы смысл лишь в том случае, если бы она достигалась за счет высшей цели. Однако в этом случае общество и предприятие выступали бы как совершенно различные, противоположные субъекты экономического процесса, результаты деятельности которых формировались бы в противоположность друг другу. Однако в действительности ничего подобного нет. Хозрасчетная цель — это и цель общества, и цель предприятия как единство противоположностей. Это не взаимоисключающие цели, как вытекает из рассмотрения и противопоставления локальной и высшей целей, а взаимодополняющие цели. За опре-

¹ Методологические основы теории хозяйственного расчета, с. 162.

деленными пределами предприятие не может реализовать свою специфическую цель, если в то же самое время не реализуется высшая цель. Общество выступает как интегрированное выражение интересов предприятий, как выражение того общего, что присуще всем им как социалистическим предприятиям, несмотря на их различия и особенности.

Локальная цель имела бы право на существование в качестве обособленной, противостоящей высшей цели только в том случае, если бы предприятие было самостоятельным субъектом экономического процесса, существующим наряду с другим субъектом этого процесса — обществом в целом. Но в условиях социализма нет двух субъектов общественного производственного процесса. Единственным субъектом производственного процесса при социализме выступает общество в целом. Поэтому экономический интерес общества в целом есть интегральный всеобщий интерес всех участвующих в производстве агентов, т. е. всех предприятий.

Стремясь обосновать природу социалистических предприятий как товаропроизводителей, многие экономисты ссылаются на наличие экономической обособленности предприятий. В этом случае схема доказательства товарно-денежных отношений при социализме на первый взгляд выглядит вполне убедительно: если хозяйственные звенья специализируются на производстве различных потребительных стоимостей и если они в то же время экономически обособлены друг от друга, то неизбежным следствием является товарная организация производства. При этом среди признаков обособленности особо выделяется деление элементов трудовой структуры продукта на централизуемую часть и часть, остающуюся в распоряжении предприятия. Следует прежде всего подчеркнуть необоснованность оперирования категорией обособленности вообще. Одно дело — обособленность производителей в условиях, когда ресурсы каждого отдельного предприятия формируются за его собственный счет, и совсем другое дело — та форма обособленности, которая может возникнуть и существовать в условиях организации производства за счет всего общества. Товарная форма производства возникает на базе первого вида обособленности. На базе же второго вида существует не товарная, а непосредственно общественная форма производства. Отношения определенной обособленности теоретически вполне мыслимы и в условиях непосредственно общественной организации производства при наличии непосредственно общественной формы труда. Это не только возможно, но даже необходимо в том случае, когда труд существует в качестве средства к жизни для каждого члена общества и для каждого коллектива. Хотя форма труда непосредственно общественная, в условиях сохранения труда как средства к жизни в содержании труда отдельных членов общества и отдельных коллективов возникают определенные различия, которые фиксируются в его

результатах и которые дают о себе знать в распределении этих результатов. Неравенство в труде экономически выражается в неравенстве распределения продуктов между членами общества и их коллективами. Это обстоятельство как раз и характеризует отношения определенной обособленности. Стало быть, она вполне возможна и на основе непосредственно общественного характера труда. Выводить из нее необходимость товарного производства никаких оснований нет.

Теперь относительно расчленения элементов трудовой структуры продукта на централизуемую и децентрализуемую части. Такое расчленение в условиях социализма действительно имеет место. Во-первых, расчленяется тот элемент структуры продукта, в котором представлен прошлый труд, в частности потребленные средства труда. Во-вторых, расчленяется необходимый продукт на часть, которая принимает форму заработной платы, и часть, которая принимает форму общественных фондов потребления. Наконец, в-третьих, происходит расчленение и прибавочного продукта. Подавляющая его часть сосредоточивается в руках государства. Это расчленение, однако, не ведет к противопоставлению экономических интересов как взаимоисключающих.

Кроме того, и это особенно важно в данной связи, по своему социально-экономическому характеру указанные части трудовой структуры продукта имеют одну и ту же социально-экономическую природу. Возьмем, например, части необходимого продукта. И заработная плата, и общественные фонды потребления являются посетителями одного и того же социально-экономического отношения, а именно единства интересов общества и отдельного работника. И в заработной плате, и в общественных фондах потребления представлен как момент авансирования за счет всего общества, так и момент воспроизводства этих частей в результате затрат труда каждым членом общества. Поэтому было бы неправильно трактовать заработную плату лишь как категорию, характеризующую отношения между отдельным членом общества и предприятием, и усматривать в ней элемент, характеризующий неравенство между работниками, а общественные фонды потребления как выражение отношений данного работника к самому себе как члену общества, отношений равенства. Как в заработной плате, так и в общественных фондах потребления представлены одновременно отношения равенства и отношения неравенства, воспроизводственный характер и выражение авансирования за счет общества. Различие состоит лишь в том, что в заработной плате на передний план выдвигается отношение дифференциации членов общества, а в общественных фондах потребления — отношение равенства всех членов общества. Но с другой стороны, в заработной плате представлены отношения равенства, а в общественных фондах потребления — отношения дифференциации. Стало быть, эти формы необходимого продукта

едны, поскольку структура их сущности включает одни и те же элементы.

Аналогично обстоит дело и с частями прибавочного продукта. Та его часть, которая поступает в централизованный фонд, представляет не только интересы всего общества, но и интересы отдельных коллективов, поскольку только на основе централизации этой части прибавочного продукта и можно осуществлять воспроизводство предприятия как особого структурного звена общественного производства в целом. Кроме того, часть прибавочного продукта, оставшаяся в распоряжении предприятия, выражает не только коллективный интерес, но и интересы общества, поскольку вне воспроизводства предприятия не могут воспроизводиться и отношения всеобщности, т. е. общество как целостность. Вот почему представляется весьма сомнительным, когда всю проблему взаимоотношений общества и предприятий сводят к распределению прибавочного продукта между ними.

Отсюда следует вывод, что расчленение элементов трудовой структуры продукта, хотя и характеризует известную обособленность предприятий, но в пределах непосредственно общественной связи, а потому не может служить доказательством товарной природы отдельных производственных звеньев в социалистическом обществе. Следовательно, все попытки ввести товарно-денежные отношения в структуру сущности хозяйственного расчета не дают результата. Но речь идет не только о теоретическом результате, но и о чисто практических аспектах функционирования хозяйственного расчета. Весьма показательной в этом отношении является хозяйственная реформа, которая началась в 1965 г. Система показателей оценки деятельности отдельных предприятий, которая тогда была принята, основывалась на том, что объем реализованной продукции и норма рентабельности оказались главными оценочными показателями. Эта система по существу исходила из того, что социалистические предприятия являются товаропроизводителями. Поэтому-то и наиболее обобщающими показателями их деятельности были установлены норма прибыли и объем реализации. Однако спустя некоторое время обнаружилось, что ориентация на эти показатели приводит к систематическому нарушению кооперативных поставок, росту объема реализованной продукции за счет нарушения плановой номенклатуры и ассортимента, снижению качества продукции, темпов роста производительности труда и другим противоречащим принципам плановой организации общественного производства нарушениям, особенно к росту цен. Именно поэтому возникла необходимость во второй половине 70-х годов пересмотреть характер оценочных показателей деятельности предприятий в соответствии с непосредственно общественной природой социалистического производства, которая обуславливает действие закона планомерного развития в масштабе всего на-

родного хозяйства. Опыт реформы 1965 г. убедительно показал, что использование товарно-денежных отношений в хозяйственном механизме социалистического общества может быть успешным лишь в весьма узких пределах, ограниченных главным образом применением их в качестве учетного средства, особенно в отношении государственного сектора социалистического производства. В том же случае, если они выходят за эти границы и используются как фактор, характеризующий непосредственное содержание экономического процесса в социалистическом обществе, они создают нежелательные ситуации, противоречащие принципам плановой организации производства.

Какие же обстоятельства конституируют структуру сущности хозяйственного расчета?

Хозяйственный расчет — это объективный механизм функционирования производственных отношений коммунистического способа производства на первой ступени его исторической зрелости, т. е. на стадии социализма. Поэтому при определении структуры сущности хозяйственного расчета необходимо исходить из имманентных первой фазе коммунистического общества производственных отношений, основными структурными компонентами которых являются непосредственно общественная форма производства, непосредственное единство личного и вещественных условий производства и соответствующий этому единству основной экономической закон как закон обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития личности. Отмеченные моменты как раз и характеризуют основные детерминанты структуры сущности хозяйственного расчета. То обстоятельство, что в структуре реального социализма представлены элементы товарно-денежных отношений, не может характеризоваться в качестве компонента сущностной основы хозяйственного расчета. Разумеется, указанные элементы товарно-денежных отношений осложняют и в определенной мере модифицируют хозяйственный расчет как объективный механизм функционирования имманентных социализму производственных отношений.

Характеризуя сущность хозяйственного расчета, необходимо иметь в виду прежде всего, что наиболее общей основой его являются межстадиальные противоречия в системе производственных отношений коммунистического способа производства. Хозяйственный расчет — это категория непосредственно общественного производства, но рассматриваемого не вообще, а на определенной ступени его исторической зрелости, которая характерна для социалистической фазы. Нередко наличие хозяйственного расчета связывают с наличием социалистического принципа распределения по количеству и качеству труда. В этом утверждении, несомненно, заключена определенная доля истины. Но именно только доля, поскольку отношения распределения всегда выступают оборотной стороной отношений

производства. Поэтому глубинную основу существования хозяйственного расчета необходимо искать в особенностях отношений социалистического производства. Эти особенности в общей форме были уже рассмотрены в первых главах. В данном же случае речь идет о том, чтобы рассмотреть их более конкретно. Хозяйственный расчет, если исследовать его со стороны общего содержания, представляет собой форму движения и разрешения противоречий, присущих непосредственно общественному характеру производства на первой ступени его исторической зрелости. Что же это за противоречия?

Реальным основанием всей присущей социализму системы экономических противоречий является противоречие между положением членов общества в отношении объективных условий их трудовой деятельности, рассматриваемой как со стороны ее реального содержания, так и возможностей присвоения ее результатов. Каждый отдельный член общества наравне с другими выступает собственником условий производства. Но это общественная, а не личная собственность. Каждый член общества — собственник средств производства именно как член ассоциации. Однако его реальная принадлежность к ассоциации определяется его участием в общем труде. Следовательно, каждый член общества является совместным собственником средств производства именно как трудящийся. Только его личное участие в труде выступает как условие присвоения им результатов производства. Этим определяется качественная основа присвоения каждым членом общества результатов производства.

Таким образом, реальной предпосылкой присвоения каждым членом общества результатов производства выступает не просто тот факт, что он член ассоциации, а то, что он — трудящийся член ассоциации. Следовательно, он может использовать свое право на условия производства лишь посредством участия в общем труде: для того чтобы член общества мог быть собственником средств производства и собственником определенной части результатов общественного производства, он должен расходовать свой труд. Последний выступает как условие его участия в потреблении продуктов. Именно в этом заключена одна из коренных особенностей экономической системы социалистической стадии развития. Эта особенность определяет качественную основу присвоения результатов производства каждым членом общества на стадии социализма. Но качественная основа обуславливает и количественную определенность, т. е. меру присвоения каждым результатов общей трудовой деятельности. Непосредственно она определяется содержанием и качеством труда каждого.

Дело не только в том, что непосредственно общественная связь индивидов осуществляется на стадии социализма в форме труда как средства к жизни, но и в том, что сам этот непосредственно общественный труд представлен различными

ступенями зрелости, поскольку он реализуется в достаточно сложной структуре совокупного работника, которая включает трудовую деятельность отдельного члена общества, трудовую деятельность отдельных коллективов и, наконец, всеобщую трудовую деятельность. Это противоречие присуще трудовой деятельности каждого отдельного члена общества, который одновременно выступает в трех лицах: субъекта индивидуального, коллективного и всеобщего труда. Движение этого противоречия предполагает особый механизм, в роли которого выступает хозяйственный расчет. На основе этого противоречия возникает другое противоречие, которое по существу является лишь дальнейшей конкретизацией сформулированного выше, поскольку оно развивается не только на основе непосредственно общественной связи индивидов, но и непосредственного соединения с условиями производства.

Как агенты непосредственного единства с предметными условиями своей деятельности члены общества имеют возможность использовать и присвоить в своих интересах всеобщую производительную силу их совместного труда и превратить свою деятельность в способ саморазвития и самоутверждения. Противоречие, однако, в том, что эта возможность на стадии социализма ограничена, во-первых, тем, что их деятельность выступает в форме труда как средства к жизни и, во-вторых, тем, что их совместная деятельность включает форму индивидуального и коллективного труда, т. е. по существу такие формы, которые ограничивают присвоение каждым членом общества всеобщей производительной силы. Каждый член общества как агент непосредственного единства личного и вещественных факторов производства и как субъект, имеющий возможность присвоить всеобщую производительную силу, находится в отношениях равенства со всеми другими членами общества. В то же время каждый член общества, поскольку он является субъектом индивидуального и коллективного труда и реально может присвоить всеобщую производительную силу лишь в пределах своей профессии, которая ограничивает круг его трудовой деятельности почти исключительно каким-либо одним видом труда, постольку он находится в отношениях неравенства, и это неравенство закрепляется соответствующей системой присвоения результатов труда.

Хозяйственный расчет как объективный механизм функционирования системы производственных отношений социализма следует рассматривать именно как наиболее конкретный уровень разрешения указанных противоречий, непосредственно примыкающий к практике действительного управления процессом социалистического производства со стороны соответствующих общественных институтов. На этом уровне реализуются конкретные формы условий производства, способы реального соединения личного и вещественных факторов и условия их систематического возобновления. Именно на этом уровне

достигается реальная сбалансированность элементов вещественной и трудовой структур общественного продукта, происходит формирование различных общественных фондов и форм индивидуальных и общественных доходов. Иначе говоря, хозяйственный расчет следует рассматривать не как особую совокупность производственных отношений и стремиться выяснить структуру этой совокупности, как это нередко случается в литературе, посвященной проблемам хозяйственного расчета. Хозяйственный расчет представляет собой всю систему производственных отношений социализма, только взятую на уровне, который непосредственно примыкает к практике хозяйствования. Поэтому эффективное исследование хозяйственных отношений предполагает прежде всего определение границ этого уровня и выделение системы теоретических абстракций, с помощью которых можно было бы его описать.

Решение этой задачи предполагает учет ряда обстоятельств, которые осложняют исследование системы хозяйственных отношений. Последние, являясь наиболее поверхностным уровнем сущности производственных отношений, не могут в силу своего объективного положения не выступать в превращенных формах, учет которых крайне необходим и при исследовании производственных отношений социалистического общества. Реальной трудностью процесса познания хозяйственных отношений является более или менее последовательное разграничение материальных отношений и отражение их в административной, плановой, одним словом, управленческой деятельности хозяйственных органов, с тем чтобы не допустить смешения того и другого и не приписать волевым актам управленческой деятельности свойства системы производственных отношений социализма, которая может привести к подмене предмета политической экономии предметом экономической политики или «растворению» одного в другом. Политическая экономия — научная основа экономической политики, которая позволяет обеспечить контроль общества над своим собственным производительным процессом на базе использования объективных экономических законов соответственно их познавной природе. Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение на этапе развитого социализма. Задача эта может и должна быть решена прежде всего в политической экономии социализма. Но для того чтобы решить эту задачу, необходимо ее поставить.

Из сказанного выше следует, что хозяйственный расчет представляет собой не какую-то особую совокупность производственных отношений социализма, отличную от других совокупностей, а всю их систему, рассматриваемую на определенном уровне восхождения от абстрактного к конкретному. Он обусловлен совсем не тем, что на стадии социализма наряду с общекommуннистическими отношениями, которые представлены свойствами социализму особыми формами, существуют еще и товарно-денежные отношения. Хозяйственный рас-

чет — явление специфически социалистическое, детерминантой которого выступают имманентные социализму отношения. Товарно-денежные отношения, если и имеют отношение к хозяйственному расчету, то лишь в том смысле, который характеризует его не как объективную категорию, не как свойство самих материальных отношений производства, а в том его значении, какое он приобретает как явление непосредственной хозяйственной практики, которая должна учитывать всю совокупность отношений, представленных в действительности. Использование этих отношений в процессе хозяйствования осложняет и в определенной мере модифицирует хозяйственный расчет как явление, присущее самим производственным отношениям. Главная же причина функционирования особого уровня производственных отношений социализма, который характеризуется категорией хозяйственного расчета, состоит в том, что непосредственное соединение личного и вещественных факторов социалистического производства, которое образует основу отношений всего коммунистического производства, на первой его стадии может реализоваться лишь на основе материального интереса, и прежде всего личного интереса, разовидностью которого выступает интерес производственных коллективов. В свою очередь этот личный интерес обусловлен особенностями непосредственно общественной связи как всеобщей основы производственных отношений коммунистического типа отношений, которая реализуется в непосредственно общественной форме труда как средства к жизни. Но пока она сохраняется в этой форме, непосредственно общественное отношение существует и может существовать только как отношение фактически неравных индивидов, поскольку речь идет о них не как о субъектах общественной собственности, а как об агентах трудового процесса. Именно в этих условиях общекоммунистические отношения производства, понимаемые в широком смысле, могут функционировать и развиваться посредством особого, объективно необходимого механизма, в роли которого и выступает хозяйственный расчет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	3
------------------------	----------

ГЛАВА 1

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЦИАЛИЗМА	26
§ 1. Сущность непосредственно общественного отношения	26
§ 2. Закономерности формирования и становления	34
§ 3. Внутреннее противоречие генетической основы	50

ГЛАВА 2

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА И ЗАКОН ЕЕ ДВИЖЕНИЯ	61
§ 1. Диалектика генетической и структурной основ	61
§ 2. Основное производственное отношение и основной экономический закон	74

ГЛАВА 3

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОЦИАЛИЗМА	90
§ 1. Сущность материально-технической базы общества	90
§ 2. Основные направления создания материально-технической базы	110

ГЛАВА 4

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМЫХ ЗАТРАТ ТРУДА	137
---	------------

ГЛАВА 5

ДВИЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СОВОКУПНОГО ПРОДУКТА КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИЗМА		147
§ 1. Предмет исследования		147
§ 2. Вещественная структура совокупного общественного продукта		157
§ 3. Трудовая структура совокупного продукта		174

ГЛАВА 6

ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ		202
§ 1. Сущность объективного механизма		202
§ 2. Место и роль товарно-денежных отношений в системе объективного механизма		216
§ 3. Хозяйственный расчет как объективный механизм функционирования производственных отношений социализма		242

Покрытан А. К.

П148 Экономическая структура социализма: функционирование и развитие.—М.: Экономика, 1985.—264 с.

Автор книг «Производственные отношения и экономические законы социализма» (1971 г.), «Историческое и логическое в экономической теории социализма» (1978 г.) в новой монографии исследует систему категорий политической экономии социализма. В работе дается оригинальная трактовка ряда экономических категорий. Теоретический анализ базируется на большом фактическом материале. Это позволяет автору внести предложения по совершенствованию методологии народнохозяйственного планирования.

Для научных работников, преподавателей политэкономики.

П 0603010200—150 10—85
011(01)—85

ББК 65.011.7

33.042

АНАТОЛИЙ КАРПОВИЧ ПОКРЫТАН
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛИЗМА:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Зав. редакцией **Б. А. Мясоедов**
Редактор **З. А. Басырова**
Мл. редактор **В. Ю. Григорьева**
Корректор **Л. Д. Сысоева**
Техн. редактор **Л. С. Сазонова**
Худ. редактор **В. П. Рафальский**
Оформление художника **А. Р. Косолапова**

ИБ № 2498

Сдано в набор **23.05.85**. Принято в печать **02.10.85**. А01238.
Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1. Г: рнтура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,5/16,5 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л. 18,24. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1198. Цена 2 р. Изд. № 5348.

Издательство «Экономика», 121854,
Москва, Г-10, Березовская ул., 4.

Ленинградская типография № 4 члена Трудного Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгения Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 19125, Ленинград, Социалистическая ул., 14.

